

Веб-публикация: Vive Liberta, 2012

Александр Иванович Молок

24.10.1898 - 1977

другие работы:

Народное просвещение во время Парижской коммуны 1871 года
Рабочие Парижа в дни Коммуны
Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 года (Л., 1924).
По документальным источникам. Борьба за светскую школу.
Организация народного образования. Клубы. Женское движение
Военная организация Парижской Коммуны и делегат Россель
Письма трудящихся Парижа в дни Коммуны
Белый террор во Франции в 1871 году
Парижская коммуна 1871 года. Время, события, люди / под общ. ред. Молока А.И.
Парижская Коммуна 1871 г.
/ под ред. Э.А.Желубовской, А.З.Манфреда, А.И.Молока, Ф.В.Потемкина
Первый Интернационал: стенограмма лекции,
прочитанной в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б)
Политическая обстановка во Франции накануне Июльской революции 1830 г.
Ордонансы 25 июля 1830 г. и их подготовка
Борьба направлений во французской историографии
по вопросам реставрации Бурбонов и июльской революции 1830 г.
П.Фроман. Рабочее восстание в Лионе
/ перевод с франц. и вступит.статья А.И.Молока
Июньские дни 1848 года в Париже
Революционные выступления в окрестностях и пригородах Парижа
в дни июньского восстания 1848 г.

Вадим Сергеевич Алексеев-Попов

1912 - 3.03.1982

ссылки на другие работы и материалы о нем:

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p167385251.htm>

«Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790-1791 гг.)

«Социальный кружок» и демократическое республиканское движение 1791 г.

Наш спутник: из воспоминаний о В.П.Волгине

Лев Толстой и Жан-Жак Руссо (к постановке проблемы)

Социальная критика у Жан-Жака Руссо и великие утописты

Значение опыта Великой французской революции

для русского рабочего движения накануне и в период революции 1905-1907 гг.

А. И. МОЛОК

**ГЕРМАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ
ПРОТИВ
ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ
1871 года**

с приложением очерка

В.С.АЛЕКСЕЕВА-ПОПОВА

**РАБОЧИЙ КЛАСС ГЕРМАНИИ
В ДНИ
ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ**

ОГИЗ

Государственное Социально-Экономическое Издательство
1939

A. I. Molok

L'EMPIRE ALLEMAND

CONTRE

LA COMMUNE DE PARIS

DE 1871

avec une étude

de V. S. Alexeev-Popov

LA CLASSE OUVRIÈRE D'ALLEMAGNE

PENDANT LA GOMMUNE

Все материалы о Парижской коммуне 1871 года:
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune
<http://vive-liberta.diary.ru/?tag=1149922>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из очередных задач советской исторической науки в области изучения Парижской Коммуны 1871 г. является разработка вопроса о ее международном положении, об откликах, которые она вызвала в других странах, откликах, враждебных со стороны правящих кругов и сочувственных со стороны трудящихся масс. Все эти темы, представляющие глубокий научный и политический интерес, до сих пор почти не затрагивались в исторической литературе. Не разработана сколько-нибудь полно даже такая тема, как отношение к Коммуне правительства и общественного мнения царской России, — тема, для освещения которой имеется исчерпывающий материал в наших библиотеках и архивах.

Предлагаемая книга выясняет позицию, занятую по отношению к французским революционным событиям 1871 г. Германией — ее правительством и господствующими классами, с одной стороны, ее рабочим классом — с другой.

В ряду тем о международных откликах на Парижскую Коммуну тема о позиции Германии представляет, разумеется, наибольший интерес. Во-первых, потому, что по авторитетной оценке Энгельса, данной в июне 1871 г., «германские рабочие держались в этом последнем большом кризисе превосходно, лучше всех остальных»,¹ проявили наивысший интернационализм, выказали наибольшее сочувствие делу Коммуны; во-вторых, потому, что из всех иностранных правительств правительство Германской империи оказало наиболее активную помощь версальской контрреволюции.

В основе данной книги лежит статья «Бисмарк и Парижская Коммуна», опубликованная мною в 1932 г. (в сборнике «Парижская Коммуна»), переработанная и расширенная для предлагаемого издания. В своем исследовании я опираюсь на материалы французской, немецкой и отчасти русской газетной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 128 (Письмо Ф. Энгельса к В. Либкнехту от 22 июня 1871 г.).

прессе 1871 г. (особенно на печать Коммуны, столь богато представленную в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина), на переписку современников и очевидцев событий, на протоколы заседаний Коммуны, мемуарную литературу, позднейшие публикации документов и некоторые другие первоисточники. Из документальных публикаций особенно много дали мне военная корреспонденция Мольтке и дипломатическая переписка Бисмарка и других, содержащаяся в т. I «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette» и в специальном немецком издании документов о Франкфуртском мире («Bismarck und die Friedensunterhändler 1871»), выпущенном в 1929 г. Из мемуарной литературы особого упоминания заслуживает никем еще не использованная интересная книга германского генерала А. von Holleben «Die Pariser Kommune unter den Augen der deutschen Truppen». Автор ее был близким очевидцем событий Коммуны (в качестве офицера штаба прусских войск в Сен-Дени) и воспроизводит ряд неизданных документов, освещающих вопрос о взаимоотношениях Коммуны и немецких оккупационных властей. В предисловии к своей книге, вышедшей в свет в 1897 г., Holleben заявляет, что считает ее весьма актуальной, что она должна помочь борьбе с социал-демократией как наследницей Коммуны.

Меньший интерес представляют известные воспоминания министра иностранных дел версальского правительства Жюлья Фавра, бывшего правой рукой Тьера в 1871 г.

К сожалению, мемуары умершего в 1909 г. делегата Коммуны по иностранным делам Паскаля Груссе, которые, несомненно, могли бы пролить новый свет на интересующие нас здесь вопросы, до сих пор недоступны исследователям. Недоступна им и большая неизданная документация о Коммуне, хранящаяся в Париже, в Историческом архиве военного министерства.

Для освещения вопроса о роли царской дипломатии, настойчиво подстрекавшей и Тьера и Бисмарка к скорейшему разгрому Коммуны, много дает переписка русских дипломатических агентов за границей, особенно донесения Окунева из Версаля, хранящиеся в Москве, в Архиве внешней политики. Часть этих документов была опубликована в 1926 г. в книжке Б. Волина «Парижская Коммуна по донесениям царского посла», часть — в сборнике «Царская дипломатия и Парижская Коммуна» (1933).

Что касается общей исторической литературы по этой эпохе, а также специальной литературы о Парижской Коммуне и о внешней политике Бисмарка, то, как сказано, она очень бедно касается интересующих нас здесь вопросов. Дело ограничивается обычно простым упоминанием факта возвращения французских военнопленных из Германии, которые были использованы затем для борьбы с Коммуной.¹ В действительности,

¹ См., например, «Историю XIX века» под ред. профессоров Лависса и Рамбо, т. VII, пер. с фр., 2 изд., под ред. акад. Е. В. Тарле, Соцэкгиз, 1939, стр. 10.

услуги, оказанные Бисмарком Тьеру против Коммуны, этим не ограничились.

Георг Розен, автор специального исследования об отношении Бисмарка к вопросу о форме государственного устройства Франции в период времени от 1871 до 1890 г.,¹ ограничивается несколькими строчками о том, что Бисмарк косвенно содействовал подавлению Коммуны. Другой новейший немецкий историк. Карл Линнебах, автор работы об оккупации Франции немецкими войсками в 1871—1873 гг.,² также ограничивается этим признанием, облеченным в не менее лаконичную форму. Профессор Боннского университета Георг Кюнтцель в своей диссертации о Тьере и Бисмарке³ ни словом не упоминает о политике последнего по отношению к Коммуне. Современник этих событий немецкий историк Булле решается утверждать, что «немецкие войска, занимавшие северные форты Парижа, соблюдали во время восстания строгий нейтралитет» и что «Бисмарк не допускал даже мысли о возможности наступления момента, когда ему будет предложено вмешаться, и старательно избегал всего, что могло бы ускорить подобное вмешательство».⁴ Редактор упомянутого выше немецкого издания документов о Франкфуртском мире Гольдшмидт пытается даже доказать, будто Бисмарк готов был признать Коммуну и «лишь допустил ее падение», убедившись в ее непрочности.⁵

Тщетно стали бы мы искать в существующей литературе документированного рассказа о попытках Коммуны избежать германской военной интервенции, откупившись от нее признанием и выполнением мирного договора с Германией, и о секретных переговорах, которые велись по этому поводу правительством революционного Парижа с представителями германского правительства. А между тем эти переговоры представляют выдающийся интерес для понимания внешней политики Коммуны и тех сдвигов, которые наметились в этом вопросе в среде парижского пролетариата и его руководителей, стремившихся обеспечить себе передышку, пройдя через своеобразный «Цильзит».

Если буржуазная историческая литература, как немецкая, так и французская, сознательно умаляет или даже вовсе замалчивает

¹ G. Rosen, Die Stellungnahme der Politik Bismarcks zur Frage der Staatsform in Frankreich von 1871 bis 1890, Detmold, 1924.

² K. Linnebach, Deutschland als Sieger im besetzten Frankreich 1871—1873, Berlin u. Leipzig, 1924. — Работа Fr. Crämer, Die Deutschen in Frankreich 1871—1873. Auf Grund der Akten des Bayerischen Kriegsministerium (Süddeutsche Monatsheften, April 1922) стала для меня неизвестной.

³ G. Kuntzel, Thiers und Bismarck, Bonn, 1905.

⁴ C. Bulle, Geschichte der neuesten Zeit, 1815—1871, II, S. 804. Его же Geschichte der Jahre 1871 bis 1877, I, Leipzig, 1878.

⁵ Bismarck und die Friedensunterhändler 1871. Bearbeitet und eingeleitet von Hans Goldschmidt, Berlin u. Leipzig, 1929, S. 30: «Und jedenfalls liess er die Kommune nur fallen, weil sich zeigte, dass in Paris noch weniger eine verhandlungsfähige Regierung sass als in Versailles».

фактически интервенционистскую политику Германской империи в отношении Парижской Коммуны, то долг советских историков восстановить со всей возможной точностью и полнотой картину враждебных планов и действий буржуазно-юнкерской Германии против пролетарской революции 1871 г., показать, что Коммуна пала под двойным ударом Тьера и Бисмарка — «отечественной» контрреволюции и иностранной интервенции.

Первая попытка более или менее систематического рассмотрения этого вопроса была сделана еще в 1921 г. В. Быстрянский в его «Очерках по истории Парижской Коммуны 1871 года»; пятая глава этой книги так и называется «Тьер, Бисмарк и Коммуна». Предлагаемое исследование идет по тому же пути.¹

Дополнением к моей работе служит очерк В. С. Алексеева-Попова «Рабочий класс Германии в дни Парижской Коммуны». Работа эта вышла из семинара по истории Коммуны, работавшего под моим руководством на Историческом факультете Ленинградского университета в 1935/36 учебном году. В основу этого исследования положена самостоятельная проработка значительного документального материала, в частности — почти не использованных в исторической литературе комплектов немецких социал-демократических газет 1871 г., которые дают яркое представление о солидарности германских рабочих с парижскими коммунарами. В существующих исторических работах эти факты и документы почти совершенно игнорируются.

* * *
Классики марксизма неоднократно отмечали роль германской интервенции в подавлении Парижской Коммуны 1871 г. — исторически первой рабочей революции, которая «кое-как добилась власти».² В известном письме к Кугельману, написанном в разгар событий (17 апреля 1871 г.), Маркс, зондируя шансы Коммуны на победу, указывал, что «решающий неблагоприятный «случай» на этот раз» заключается «... в присутствии во Франции пруссаков, стоящих у самого Парижа». «Парижане знали это очень хорошо, — замечает далее Маркс. — Это знали и буржуазные версальские каналы. Потому-то они и поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы».³ Маркс настойчиво советовал членам Коммуны не доверять официальной декларации германских оккупационных властей о нейтралитете по отношению к револю-

¹ См. еще статью П. П. Щеголева «Из истории интервенций» («К десятилетию интервенции». Сборник статей, М.—Л., 1929) и мою статью «Интервенции 18--20 веков» (БСЭ, т. 28, стр. 632—640).

² И. В. Сталин, Речь на первом Всесоюзном совещании стахановцев, 1937, стр. 16.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 108.

ционными событиями во Франции и рекомендовал оградить северо-восточную окраину Парижа от возможного нападения с этой стороны, где стояли немецкие войска. После подавления Коммуны Маркс в Манифесте Генерального совета Интернационала навеки пригвоздил к позорному столбу истории не только версальских палачей Коммуны, но и их союзников — германских интервентов.

Факт измены французской буржуазии национальным интересам своей родины в 1870—71 г., измены, выразившейся в саботаже обороны Франции от прусского нашествия, а затем в позорной сделке с той же Пруссией для совместной борьбы против пролетарского восстания в Париже, — этот факт произвел глубокое впечатление на умы патриотически настроенных современников и оставил неизгладимый след в сознании последующих поколений. В марксистско-ленинском учении о классовой борьбе этот факт всегда расценивался как один из самых ярких примеров того, что нет такого преступления, перед которым остановилась бы буржуазия ради спасения своего господства.

В 1903 г., в статье «Национальный вопрос в нашей программе», В. И. Ленин писал: «Мы», пролетарии, видели десятки раз, как буржуазия *предает* интересы свободы, родины, языка и нации, когда встает перед ней революционный пролетариат. Мы видели, как французская буржуазия в момент сильнейшего угнетения и унижения французской нации предала себя пруссакам, как правительство национальной обороны превратилось в правительство народной измены, как буржуазия угнетенной нации позвала на помощь к себе солдат угнетающей нации для подавления своих соотечественников-пролетариев, дерзнувших протянуть руку к власти».¹

К этой мысли Ленин возвращается в 1908 г., в статье «Уроки Коммуны». «... Истинная подкладка буржуазного «патриотизма», — указывает он, — не замедлила обнаружиться. Заключение позорный мир с пруссаками, версальское правительство приступило к прямой своей задаче — и предприняло набег на страшное для него вооружение парижского пролетариата».² В том же 1908 г., в статье «Марксизм и ревизионизм», для доказательства того, что, вопреки утверждениям либералов, — «парламентаризм не устраняет, а обнажает сущность самых демократических буржуазных республик, как органа классового угнетения», и в определенные моменты приводит к самому резкому обострению классовой борьбы, Ленин ссылается на два исторических примера, и один из них взят из истории Франции в 1871 г.: «Парижские события весной 1871 года и русские зимой 1905 года показали яснее ясного, как неизбежно наступает такое обострение. Французская буржуазия, ни секунды не ко-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. V, стр. 343.

² Там же, т. XII, стр. 163.

лебясь, вошла в сделку с общенациональным врагом, с чужестранным войском, разорившим ее отечество, для подавления пролетарского движения». ¹

Исторический пример германской интервенции против Парижской Коммуны постоянно встречается в работах Ленина. В его «Плане чтения о Коммуне», составленном в 1905 г., в пункте 12-м, где говорится о причинах ее поражения, читаем, между прочим, следующее: «Сделка Тьера с Бисмарком [роль Бисмарка — наемный убийца]». ²

Эта восходящая к Марксу оценка роли Бисмарка в подавлении Коммуны целиком соответствует историческим фактам. Правда, до непосредственного участия германских войск в вооруженной борьбе против революционного Парижа дело не дошло, но Германская империя оказала все же весьма существенную помощь версальской контрреволюции. «Интервенция, — указывал в 1928 г. И. В. Сталин, — вовсе не исчерпывается вводом войск, и ввод войск вовсе не составляет основной особенности интервенции. При современных условиях революционного движения в капиталистических странах, когда прямой ввод чужеземных войск может вызвать ряд протестов и конфликтов, интервенция имеет более гибкий характер и более замаскированную форму... Интервенция чужими руками — в этом теперь корень империалистической интервенции». ³

Интервенция Бисмарка против Коммуны была именно такой скрытой интервенцией. Помощь, оказанная германским правительством версальскому против революционного Парижа, выразилась в следующих конкретных действиях: 1) предоставление Тьеру права увеличить свою армию (вопреки условиям мирного договора) с 40 тысяч до 80 тысяч, а затем и до 150 тысяч человек; 2) возвращение из Германии французских военнопленных для пополнения версальской армии и доведения ее численности до этой цифры; 3) подавление революционных выступлений в окрестностях Парижа и во всех вообще оккупированных департаментах; 4) организация голодной блокады Парижа; 5) шпионаж в пользу версальцев; 6) пропуск версальских войск через занятые германскими войсками форты и пункты восточной и северо-восточной части окрестностей Парижа, а также через нейтральную зону; 7) полицейская травля побежденных коммунаров, массовое задержание и выдача их версальцам при попытке бегства из Парижа через немецкие линии. Бисмарк предлагал Тьеру и более прямую военную помощь против «парижских бунтовщиков», но Тьер не решился принять ее, опасаясь открытого возмущения широких масс населения. Все же помощь, оказанная германскими юнкерами своему вчерашнему врагу — французской буржуазии, сыграла крупную роль в подавлении Ком-

муны, ускорила ее падение. Нужно ли доказывать, что в случае военного успеха Коммуны Бисмарк перешел бы к еще более активным действиям против нее?

Вопреки всем неоспоримым фактам, свидетельствующим о тесном союзе Бисмарка с Тьером против Коммуны, некоторые из ее наиболее злобных и наиболее ослепленных врагов пытались представить революционное движение 1871 г. делом рук... прусских агентов. Эту чудовищную клевету на парижских революционеров возвел, например, пресловутый генерал-капитулянт Трошю, но ее поддержал и «социалист» Луи Блан. Даже Тьер и Фавр вынуждены были официально опровергнуть эти нелепо-клеветнические измышления, повторяющиеся иногда и в современной нам реакционной публицистике. ¹ «Неверно, — заявил Тьер в своих показаниях перед следственной комиссией Национального собрания, — что мне трудно было столкнуться с прусским правительством по поводу Коммуны и что оно питало хоть малейшее расположение к ней». ²

История повторяется, хотя и на новой основе. Когда в начале 1923 г. французские войска оккупировали Рур, и в нем вспыхнули революционные волнения, создалась ситуация, подобная той, которая существовала во Франции в марте — мае 1871 г. Правда, роли переменились: оккупированная территория принадлежала Германии, оккупантами были французы. Но против общего врага — пролетариата — немецкие власти и французское военное командование скоро нашли общий язык. 26 мая заместитель бургомистра города Дюссельдорфа д-р Люттербек обратился к командованию французских войск с просьбой о помощи против «черни» и при этом прямо ссылаясь как на исторический прецедент на поведение германских войск во Франции в 1871 г. «Я должен напомнить, — писал он, — что в те времена, при восстании Коммуны, германское верховное командование всячески шло навстречу французским властям с целью дружного подавления восстания. Того же требую и я в данном случае, во избежание в дальнейшем всяких опасных осложнений». ³

Но еще никогда история германской интервенции против Парижской Коммуны не была так актуальна, как в настоящее время, когда фашистские агрессоры разбойничьим нападением на народы Испании и Китая начали в разных концах мира вторую империалистическую войну, которая «идет в конечном счете против капиталистических интересов Англии, Франции, США, так как имеет своей целью передел мира и сфер влияния в пользу агрессивных стран и за счет этих так называемых демократических государств». ⁴ Создание «антикоммунистиче-

¹ См., например, брошюру *L. Hosotte, Une nation trahie, l'Internationale contre la France (1864—1923)*, Paris, 1923, p. 37—38.

² *Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871*, Paris, 1872.

³ *С. Д. Мстиславский, Классовая война в Германии, 1924*, стр. 156—157.

⁴ История ВКП(б), стр. 313.

¹ *В. И. Ленин, Сочинения*, т. XII, стр. 187.

² Там же, т. XXX, стр. 112.

³ *И. В. Сталин, Об оппозиции*, М. — Л., 1928, стр. 425, 426.

ского блока» показывает, что эта война грозит в первую очередь СССР, что фашистские агрессоры замышляют нападение на первое социалистическое государство, вернейший оплот мира, демократии и культуры, страну, победоносно продолжающую великое дело парижских революционных рабочих 1871 г. — дело освобождения человечества от капиталистического рабства. Уже весной 1933 г., в первые же месяцы своей кровавой террористической диктатуры, Гитлер и его сподручные заявили, что интервенция против Советского Союза с целью отторжения от него ряда территорий, превращения его в колонию германских империалистов и реставрации в нем капитализма является главной целью внешней политики третьей империи. Достаточно прочесть хотя бы интервью первого секретаря германского посольства в Лондоне графа Бисмарка (внука канцлера второй Германской империи, организовавшего интервенцию против Коммуны) с корреспондентом одной канадской газеты Холтоном, опубликованное ею 13 мая 1933 г. Это интервью проливает яркий свет на переговоры, которые велись тогда в Лондоне одним из ближайших советников германского «фюрера» Альфредом Розенбергом с нефтяным «королем» Детердингом, известным вдохновителем антисоветских планов.¹ С тех пор прошло шесть лет, принесших немало новых, еще более определенных доказательств наличия в правящих кругах Берлина, Рима, Токио такого рода преступных замыслов против целостности и независимости нашей великой родины, грандиозные успехи которой вызывают бешеную злобу фашистских варваров.

Но враги жестоко просчитаются. «Вооруженные силы Советского Союза всегда в полной готовности», — заявил первый маршал СССР товарищ К. Е. Ворошилов в день XXI годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

«Мы ответим на любые провокационные выходы со стороны поджигателей войны, со стороны агрессоров против Советского Союза — будь то на западе или на востоке, — мы ответим на каждый удар двойным и тройным ударом по поджигателям и провокаторам войны, — сказал глава советского правительства, верный соратник великого Сталина товарищ В. М. Молотов на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1938 г. — Наша Красная армия окрепла и стоит в полной боевой готовности на своем посту охраны интересов нашей родины, интересов социализма. Все народы Советского Союза сплочены в великую силу и знают, что им никакой враг не страшен».²

А. Молок

¹ «Правда», 17/VI 1933 (Интервенционистские планы германских фашистов)

² Там же, 9/XI 1938.

28 января 1871 г. Париж, осажденный с сентября 1870 г. немецкими войсками, капитулировал. Война между Францией и Германией, начавшаяся 19 июля 1870 г., закончилась — закончилась поражением Франции. 26 февраля 1871 г. был подписан прелиминарный договор о мире, по условиям которого Франция должна была уплатить Германии пяти миллиардную контрибуцию и отдать ей Эльзас и Лотарингию. 1 марта немецкие войска оккупировали часть Парижа. Они оставили его 3-го — после того, как избранное 8 февраля Национальное собрание утвердило в Бордо условия мирного договора. Но вплоть до окончательной уплаты контрибуции немецкие войска должны были оставаться во Франции. Оккупационные войска продолжали занимать значительную часть ее территории и стояли под стенами Парижа, владея всеми фортами, расположенными в его восточных и северо-восточных окрестностях.

13 февраля реакционный буржуазно-помещичий блок, победивший на выборах в Национальное собрание, избрал главой французского правительства Тьера, ярого врага демократии и социализма. Правительство Национальной обороны, созданное 4 сентября 1870 г., после свержения империи Наполеона III, и оказавшееся на деле правительством народной измены, было заменено теперь еще более реакционным правительством. Крупная буржуазия, по вине которой Франция проиграла войну, поспешила принять грабительские условия мира, чтобы развязать себе руки для борьбы с внутренним врагом — пролетариатом, стоявшим на пути всем реакционно-монархическим замыслам.

Покончив дело с немцами, правительство Тьера приступило к выполнению своей второй задачи — к обезоружению рабочих кварталов Парижа, главного оплота республики и демократии. В ходе осады Парижа его рабочее население вооружилось на свой счет (правительство не давало ему оружия) и этим оружием защищало свой город от неприятеля. Свыше 400 пушек (не считая сотен тысяч ружей) сосредоточены были на Монмартре, в Бельвилле, в Батиньоле и в других народных кварталах французской столицы, объединившихся вокруг созданной ими массо-

вой организации—Центрального комитета республиканской федерации национальной гвардии.

Это оружие и эта организация не давали спокойно спать представителям владельческих классов, опасавшихся, что пушки Монмартра могут быть повернуты против них. Французский банк заявлял правительству, что пока у рабочих Парижа не отнято оружие, невозможно восстановление деловой жизни и кредита, невозможна и уплата контрибуции немцам. Но обезоружить парижских рабочих было трудно выполнимой операцией. При подписании капитуляции Парижа ни французское, ни германское правительства не решились включить в нее такой пункт. В то же время мирный договор разрешал французскому правительству держать в столице столь ограниченные военные силы (одну дивизию), что с ними нечего было и думать разоружить парижский пролетариат. Чтобы преодолеть это затруднение, Тьер обратился за помощью к вчерашнему врагу — Германии.

4 марта 1871 г. министр иностранных дел Французской республики обратился к канцлеру Германской империи с телеграммой следующего содержания:

«Париж находится под угрозой серьезных столкновений. Беспорядки, сопровождающиеся расхищением боевых припасов и нападениями на военные посты и вызванные в момент вступления немецких войск¹ деятельностью неизвестных агитаторов, продолжают и обостряются. Генерал Винуа, имея в своем распоряжении одну дивизию, бессилен справиться с ними. Он обратился за помощью к военному министру в Бордо. Последний отвечает, что он высылает ему воинские части из Гавра, Шербурга, Лавалья, Пуатье, Шатору, Ля Рошели. Прошу ваше превосходительство сообразоваться, чтобы поезда с этими войсками были пропущены. Мне неизвестна точная численность частей, но она не превышает 20 тыс. чел., что вместе с 12 тыс., которыми мы располагаем, составит 32 тыс., т. е. не достигнет цифры, установленной для парижского гарнизона в конвенции о перемирии. Только что получил телеграмму о том, что большая часть вызванных войск следует через Версаль. Буду признателен вашему превосходительству, если вам удастся добиться от главного штаба немедленного распоряжения об их пропуске».²

Бисмарк ответил в тот же день. Его телеграмма Фавру гласила:

«Ввиду создавшегося в Париже положения и необходимости предупредить беспорядки, главный штаб, во изменение условий ст. 3 мирного договора, дает свое согласие на пропуск француз-

ских войск, упомянутых вашим превосходительством, и отдаст соответствующие распоряжения. Само собой разумеется, что эти войска, следуя через Версаль по железной дороге, не сделают там ни одной остановки и не отлучатся ни на минуту из своих поездов».¹

Это согласие на пропуск французских войск через предусмотренную конвенцией 28 января нейтральную зону получило свое подтверждение в приказе, полученном 12 марта главным командованием 3-й германской армии в Мо (близ Парижа):

«В ближайшие дни предстоят операции французских войск против мятежных национальных гвардейцев Парижа. Ходатайство со стороны генерала Винуа разрешить прохождение его частей через нейтральную зону подлежит удовлетворению. Поставить об этом в известность наши стоящие под Парижем войска».²

Аналогичный приказ был одновременно передан по телеграфу главному командованию Маасской армии в Бербери.

Если к изложенным выше документам добавить еще тот факт, что 9 марта состоялась передача французским военным властям 12 тысяч ружей-шаспо, доставшихся немцам при капитуляции Парижа и тогда же вывезенных ими в Майнц, то получится вполне определенная картина, позволяющая сделать вполне определенный вывод. Итак, еще до победоносного восстания парижских рабочих, до провозглашения Коммуны позиция бисмарковской Германии определилась как позиция активной поддержки буржуазной Франции в ее попытке разоружения парижского пролетариата.³

12 марта придворный советник и тец императора Вильгельма I Шнейдер, находившийся в это время при нем в Феррьере (близ Парижа), заносит в свой дневник: «Положение вещей в Париже таково, что [немецкие] войска в еще занятых ими фортах получили приказ всеми силами помешать всякой вылазке больших масс населения из Парижа по направлению к Феррьеру, а в случае, если бы в Париже возник бой между правительственными войсками и инсургентами Монмартра (одного из рабочих районов Парижа. — А. М.), сделать все возможное, чтобы поддержать нынешнее правительство, не вступая, однако, самим в бой».⁴

¹ Ibidem, p. 122—123. Версаль находился в тот момент еще в руках немцев и был очищен ими лишь 12 марта.

² Moltkes Militärische Korrespondenz. Aus den Dienstschriften des Krieges 1870—1871. Herausgegeben vom Grossen Generalstabe, Abteilung für Kriegsgeschichte, Berlin, 1897, Dritte Abteilung (Waffenstillstand und Friede), S. 661. № 777.

³ 25 марта 1871 г. Бисмарк говорил князю Гогенлоэ, что он заранее предупреждал Тьера о том, что «французское правительство окажется не в состоянии без немецкой помощи разоружить вооруженную чернь» (Denkwürdigkeiten des Fürsten Chlodwig zu Hohenlohe-Schillingsfürst. Hrsg. von Fr. Curtius, B. III, Stuttgart u. Berlin, 1907, S. 47).

⁴ L. Schneider, Aus dem Leben Kaiser Wilhelms 1849—1873, B. III, Berlin, 1888, S. 212—213.

Судя по дальнейшим словам этой записи, высшие круги германского правительства, следившие за ходом дел в Париже, где назревал вооруженный конфликт между Центральным комитетом национальной гвардии и представителями «законной» власти, опасались в это время возможности двух неприятных для себя событий: 1) революционного восстания парижских рабочих и 2) возобновления ими войны.

Этот двойной страх еще усиливал старое чувство ненависти прусского юнкерства к демократическому Парижу, городу славных революционных традиций, не раз заставлявшему дрожать троны европейских монархов и почти пять месяцев выдерживавшему немецкую осаду. О силе этой ненависти ясно говорит, например, письмо известного прусского дипломата графа Гатцфельдта от 4 марта 1871 г., написанное из Версаля, где он тогда находился в качестве сотрудника «главной квартиры» немецких войск: «Кажется, что в Париже опасаются беспорядков. Меня не удивит, если там действительно произойдут волнения. Я надеюсь, что французское правительство воспользуется этим обстоятельством, чтобы обстрелять Бельвиль и расправиться с тамошней сволочью (um Belleville zu beschliessen und den Kanailen dort den Garaus zu machen). Я далеко не сангвиник, но было бы настоящей услугой всему человечеству, особенно же Франции, если бы удалось избавиться от этих людей».¹

II

Легко себе представить, какую тревогу события 18 марта должны были вызвать в правящих кругах буржуазно-юнкерской Германии, какое беспокойство вызвала в ней весть о том, что парижские рабочие, повернув оружие против своей буржуазии, захватили власть во французской столице. Утром 19 марта командующий в Сен-Дени прусский генерал фон-Папе телеграфировал в Компьен главному командованию 3-й германской армии: «Вчера в Париже произошли сильные беспорядки. Ночью было сделано девять пушечных выстрелов. Генералы Тома и Леконт расстреляны восставшими. Линейные войска присоединились к повстанцам. При таких условиях не могу пока очистить деревню Обервилье». Добавим, что эта последняя находилась в пределах так называемой «нейтральной зоны» и подлежала эвакуации со стороны немецкого гарнизона. В тот же день фон-Папе шлет своему начальству новую телеграмму еще более тревожного свойства: «По словам беглецов из Парижа, весь город в руках повстанцев. Цель восстания — свержение правительства и возобновление войны. Я решил не эвакуировать деревни Обервилье

и послать туда еще один батальон на подкрепление. Отменил назначенное на завтра разоружение фортов Восточного и Обервилье».¹

Тревога, испытанная немецкими генералами под Парижем, передалась и в Берлин. 19 марта Бисмарк обратился к Мольтке с письмом, в котором подчеркивал, насколько Германия заинтересована в сохранении во Франции правительства, подписавшего прелиминарные условия мира; военному ведомству рекомендовалось принятие ряда мер, диктуемых создавшимся в Париже положением.² Меры эти были приняты немедленно. 20 марта начальник германского главного штаба телеграфно предписал главному командованию 1-й, 2-й, 3-й и южной армий зорко следить за тем, чтобы зона оккупации немецких войск оставалась неприкосновенной и чтобы вооруженные инсургенты, которые появились бы в этом районе, подвергались немедленному обезоружению. «Если французское правительство, — добавлял Мольтке, — пожелает установить связь с нашими войсками, то подобные предложения должны быть дружески приняты (freundlich entgegenzunehmen) и немедленно переданы сюда по телеграфу».³

Во исполнение этого приказа все передовые посты немецких войск под Парижем были тотчас же усилены, а некоторые немецкие части были еще ближе придвинуты к городу. В частности, расположенная в Сен-Дени (9 км от Парижа) 1-я гвардейская дивизия выслала в Саннуа три роты пехоты и три эшелона улан, та же дивизия выделила в Эпинэ одну роту пехоты и один эшелон улан. Указанные части выделялись в качестве «наблюдательных отрядов».⁴

Вечером 20 марта из Берлина была отправлена телеграмма, предлагавшая главному командованию 3-й армии «доставить до сведения теперешних властей в Париже» о позиции германского правительства в связи с последними событиями.⁵ За этим последовало обращение (на немецком языке) начальника главной квартиры 3-й германской армии в Компьене от 21 числа, адресованное «командующему в настоящее время в Париже (an den jeweiligen Kommandant-en von Paris)». Генерал фон-Шлотгейм заявлял здесь, что «германские войска, занимающие северные и восточные форты Парижа, равно как и окрестности правого берега Сены, получили приказ и впредь сохранять в отношении Парижа мирную и совершенно пассивную позицию (friedlich und vollständig passiv) постольку, поскольку события, театром которых является Париж, не затруднят выполнения условий прелиминарного договора о мире и не приведут к действиям, угрожаю-

¹ A. von Holleben, Die Pariser Kommune 1871 unter den Augen der Deutschen Truppen, Berlin, 1897, S. 46.

² Ibidem, S. 47.

³ Moltke, op. cit., S. 666, № 786.

⁴ Holleben, op. cit., S. 48.

⁵ Moltke, op. cit., S. 666, № 787.

¹ Briefe des Grafen Paul Hatzfeldt an seine Frau. Geschrieben vom Hauptquartier König Wilhelms 1870—1871, Leipzig, 1907, S. 322.

щим безопасности германских войск»; в противном случае «с городом Парижем будет поступлено как с неприятельским городом (so wir i die Stadt Paris teinds-lig behandelt werden)». ¹

Центральный комитет поспешил для успокоения парижского населения предать гласности это обращение. Оно было опубликовано (в переводе на французский язык) 22 марта в официальном органе парижского революционного правительства, причем во французский текст вкралась ошибка, существенно изменившая смысл: вместо слова мирную (по-немецки — friedlich) было напечатано слово дружественную (freundlich). ² Можно думать, что эта ошибка, из-за созвучия этих слов в немецком языке, вкралась еще при передаче текста обращения в Париж.

Так или иначе, в Версале обращение это вызвало большой переполох. Фавр немедленно потребовал объяснений по этому поводу у генерала фон-Фабрице, официального представителя Германской империи при правительстве Тьера. Фабрице отвечал 26 марта: «Чисто-военное сообщение немецкого командующего временно командующему в Париже не преследовало никакой иной цели, кроме того, чтобы заявить, что, за исключением некоторых случаев, которые необходимо было уточнить, имея дело с властью, намерения которой были неизвестны, немецкие войска сохранят мирную (friedlich) и совершенно пассивную позицию. Центральный комитет, публикуя это сообщение, счел для себя полезным заменить слова «мирная позиция» словами «дружественная позиция». «Мы не могли потребовать ничего большего», — замечает по поводу этого ответа генерала Фабрице Фавр, вполне удовлетворенный объяснениями германских властей. ³

Ответ «делегата по внешним сношениям» Центрального комитета национальной гвардии генералу фон-Шлотгейму, отправленный на следующий же день (22 марта), звучал вполне успокоительно для немецких властей: происшедшая в Париже революция, «имея чисто муниципальный характер», отнюдь не направлена против Германии и не собирается пересматривать принятые Национальным собранием предварительные условия мира. ⁴ А несколько дней спустя Центральный комитет поспешил исполнить предъявленное ему германским военным командованием требование — восстановить разрушенную событиями 18 марта телеграфную станцию в Пантене (под Парижем). ⁵

Казалось бы, Бисмарк мог успокоиться. Этого, однако, не произошло. 21 марта он приостанавливает дальнейшую репа-

триацию французских военнопленных — конечно, из страха, как бы они не усилили армию восстания. ¹ 23 марта своим докладом о политическом положении во Франции он добивается от императора Вильгельма категорического заверения, что впредь расположенные под Парижем воинские части не будут уменьшены ни на одного человека. ² 25 марта Мольтке передает командующему 3-й армией императорский приказ, согласно которому «при малейшей попытке вооружить парижскую крепостную стену» Париж объявлялся неприятельским городом, причем продолжение подобной попытки должно было пресекаться артиллерийским огнем. ³ 6 апреля, приказом командующего 3-й армией, занятые немцами части ближайших к Парижу четырех департаментов (Сены, Сены-и-Уазы, Сены-Марны и Уазы) были объявлены на осадном положении со всеми вытекающими из него последствиями. ⁴

III

Сильный страх, в котором главную роль играло опасение за судьбу грабительского мира, охватил правящие классы новоявленной Германской империи с того момента, как в столице побежденной Франции установилась новая, вышедшая из пролетарского движения власть. Этот страх перед возможными последствиями неожиданных событий, грозивших поставить под вопрос то, что еще вчера считалось прочно завоеванным, нашел яркое отражение как в официальных документах, так и в реакционной прессе тогдашней Германии.

Особенно сильную тревогу бьет консервативная «Кёльнская народная газета». Комментируя 21 марта парижские телеграммы, она приходит к заключению, что если «красные республиканцы» возьмут верх, новая война неизбежна; поэтому необходимо помочь «законному» правительству Франции справиться с восстанием. ⁵ «Мир может быть добыт только в Париже», — заявляла та же газета в обширной статье, опубликованной под таким заглавием 22 марта. ⁶ Что для этого необходимо? Полное разоружение Парижа как предварительное условие восстановления твердого политического порядка во Франции. Спрашивается, какая сила может разоружить Париж? «Во всяком случае, не господа Тьер, Фавр и Пикар», даже если бы они этого хотели. «Те 10 тысяч человек совершенно ненадежных войск, с которыми генерал Винуа бежал в Версаль, не запугают парижан, скорее

¹ Moltke, op. cit., S. 671.

² «Journal officiel» (Парижа), 22/III 1871.

³ J. Favre, Gouvernement de la Défense nationale, Paris, 1875, partie III, p. 293—294.

⁴ «Journal officiel» (Парижа), 22/III 1871.

⁵ Moltke, op. cit., S. 668—669, № 790.

¹ A. Sorel, Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande, Paris, 1875, p. 267.

² Moltke, op. cit., S. 668, первое примечание.

³ Ibidem, S. 672, № 795.

⁴ «La Vérité», 15/IV 1871.

⁵ «Kölnische Volkszeitung», 21/III 1871.

⁶ Ibidem, 22/III 1871 («Nur in Paris ist der Friede zu holen»).

наоборот». К тому же, большой вопрос, сохранят ли гарнизоны окружающих столицу фортов верность правительству Тьера, без чего бомбардировка Парижа невозможна. Как же быть? На организацию «большой французской армии» рассчитывать не приходится, особенно если большие города последуют примеру Парижа; кроме того, создание такой армии противоречило бы условиям мирного договора. Между тем положение правительства Тьера таково, что оно не может и мечтать о каком-либо нападении на столицу. Более того: не подлежит сомнению, что как только Коммуна будет организована, она сформирует из национальной гвардии маршевые батальоны, которые «погонят злополучных правителей-адвокатов из Версаля в Орлеан, из Орлеана в Бордо и так дальше». «Итак, кто же разоружит Париж, если за это не возьмутся немцы?»

Газета хладнокровно обсуждала все преимущества подобного способа ликвидации парижской угрозы. «Наши войска, — доказывала она, — могут провести это дело без особого труда, не подвергаясь большой опасности. В нашем распоряжении находятся все девять восточных фортов, а ведь как раз эти форты господствуют над теми частями города на правом берегу Сены, которые составляют самую базу восстания. Ничего не стоит, опираясь на форты Обервилье, Роменвиль и Нуази, завладеть обеими большими дорогами, которые ведут через крепостную стену к предместьям Ля-Шапелль и Ля-Виллетт. Далее, нетрудно будет, обстреливая с этих фортов Монмартр, занять его. А, ведь, с падением Монмартра в наших руках окажется вся северная часть города. Что касается южной части, то, опираясь на форты Шарантон и Ножан и захватив высоты Монтрейля, легко будет ворваться в нее через Венсеннский лес». Прежде чем приступить ко всем этим операциям, «мятежному городу должно быть предъявлено категорическое требование подчиниться» и должна быть дана возможность эвакуировать все небооруженное население. Если по истечении указанного в ультиматуме срока инсургенты не сложат оружия, это послужит сигналом к открытию военных действий, к обстрелу целых улиц и кварталов. «Короче говоря: мы можем войти в Париж, как только этого захотим».

Как же обосновывала «Кёльнская народная газета» необходимость активного выступления Германии против парижского восстания? Кто может сказать, — заявляла газета, — куда растет «это опасное движение», какой отклик оно найдет во Франции, какой размах оно получит? «Какая нам радость от того, что безыменная чернь (*dies unbekannte Gesindel*), которая владеет сегодня парижской ратушей и выпускает прокламации от имени Французской республики, милостиво заверяет нас, что готова соблюдать прелиминарный договор о мире? Завтра эта шайка может быть выброшена вон вместе со всеми своими заверениями! К тому же, заверения еще не означают гарантий! Мы не

можем удовлетвориться обещаниями; мы требуем и должны требовать гарантий в том, что эти обещания будут выполнены. Но какие гарантии могут дать какой-нибудь Асси, какой-нибудь Люлье и тому подобная сволочь (*und derartige Windbeutel*) в том, что под их господством Франция окажется в состоянии в три года уплатить 5 млрд контрибуции?» Таких гарантий не существует. А раз так, то вывод ясен: «Германская империя, заключившая соглашение с французским правительством, никогда не вступит в договорные отношения с парижскими уличными тиранами, даже если бы последние захотели предоставить нам еще большие уступки, нежели те, на которые согласились представители Франции».

«Кёльнской народной газете» вторит аугсбургская «Всеобщая газета». 24 марта берлинский корреспондент последней писал: «Существует опасение, что инсurreкция вообще не будет подавлена существующим правительством, независимо от того, последуют ли Лион, Бордо, Марсель и другие большие города Франции примеру Парижа или нет. В интересах Германии, как и Франции, следует пожелать, чтобы мятежники дали повод к интервенции немецких войск; недостатка в поводах, конечно, не будет».¹ Что касается декларации «нового парижского правительства» о своей готовности признать условия мирного договора, то эта декларация лишена всякого значения, ибо «правительство, не признанное ни страной, ни иностранными государствами, не сможет осуществить принятых на себя Францией обязательств, так как не получит кредита ни на одном из денежных рынков мира».²

Это последнее соображение — неверие в платежеспособность парижской революции — играет огромную роль. С каким негодованием «Кёльнская народная газета» клеймит «Северогерманскую всеобщую газету» за то, что последняя «доверяет» «успокоительным заверениям вождей парижских инсургентов!» «Заверения банды бунтовщиков, — кто этому доверяет, того мы отказываемся понимать!» Впрочем, оговаривается газета, дело не в «банде бунтовщиков», а в том, «может ли господин Асси дать нам те же гарантии, что и господин Тьер». Ответ на этот вопрос может быть только отрицательный. Никогда инсurreкционному правительству не восстановить в стране необходимый политический порядок, никогда не приобрести ему за границей необходимый финансовый кредит. Вот почему разговоры о том, что для Германии безразлично, которая из двух борющихся во Франции партий возьмет верх, лишены всякого основания. Победа «Асси и компании» означала бы неминуемый разрыв мирного договора.³

¹ «Allgemeine Zeitung» (Augsburg), 27/III 1871.

² Ibidem, 25/III 1871.

³ «Kölnische Volkszeitung», 24/III 1871.

Особую тревогу буржуазно-юнкерской Германии возбуждало, конечно, то обстоятельство, что над ратушей восставшего Парижа развевалось красное знамя революционного пролетариата. Правда, часть прессы (органы либерального направления) делала вид, что ее это не беспокоит. «Сами мы можем лишь сожалеть о событиях во Франции, испугать нас они не могут», — заявляла, например, «Кёльнская газета». ¹ «Если мы будем исходить из наших собственных интересов, то нам, наоборот, выгодно все, что ослабляет французов и делает для них невозможным организовать в близком будущем войну за реванш, о которой они столько болтают...» ²

Господствующей эта точка зрения отнюдь не была. Преобладали иные настроения — самое серьезное беспокойство за судьбу «порядка» у себя дома. Если господство «так называемого четвертого сословия» ограничивается пока одним Парижем, то значит ли это, что «ужасная судьба», постигшая столицу Франции, «не грозит опасностью всей Европе?» — спрашивает ультра-реакционная «Новая прусская газета» и отвечает: «Конечно, нет! Разве коммунистические секты по всей Европе не находятся под единым руководством международного общества рабочих, деятели которого ныне держат в своих руках бразды правления в Париже?.. Если Париж является в настоящий момент очагом чумной заразы для всей Европы (die Pestbule von Europa), то, с другой стороны, по всей Европе посеян ветер либерализма, который разрастается теперь в бурю». ³

Не менее определенно выражается аугсбургская «Всеобщая газета». Поскольку «кровавое столкновение между партией порядка и революционерами оказывается неизбежным», заявляла эта газета, остается только пожелать, чтобы дело поскорее дошло до этого, «дабы террористический режим социалистов (die Schreckensherrschaft der Socialisten) не перекинулся дальше, за пределы Франции». ⁴ «Пусть не думают, что происходящие события ограничатся одной Францией», — писал 27 марта парижский корреспондент той же газеты. Парижские инсургенты рассчитывают на поддержку в Германии, в Австрии, в Люксембурге, в Швейцарии, где существуют «коммунистические общества» с общим числом членов в 1200 тысяч (?! — А. М.) и с ежегодным приростом в 80 тысяч человек.

Что противопоставить этой надвигающейся на «всю Европу» лавине? Чем успокоить перепуганного насмерть немецкого Михеля? Конечно же, очередным лобызанием сабли «железного

¹ «Kölnische Zeitung», 23/III 1871.

² Ср. обзор «Die Woche» в «Kölnische Zeitung», 31/III 1871.

³ «Neue Preussische Zeitung», 28/III 1871.

⁴ «Allgemeine Zeitung», 6/IV 1871.

канцлера» и сабель его генералов. Если «времена, когда Европа содрогалась от парижских конвульсий, миновали навсегда», то это потому, что «между Парижем и Европой стоит ныне железная стена» (ein eiserner Wall) — германская армия, которая «одним своим присутствием на французской территории» поможет «здоровым элементам нации» справиться с восстанием. Именно в этом, по мнению аугсбургской «Всеобщей газеты», заключаются «первые заслуги Германской империи перед Европой». ¹

Но что если эта «железная стена» дрогнет под напором огня парижской революции? Учитывая подобную возможность, «Кёльнская народная газета» писала: «Мы хотели бы, чтобы немецкие солдаты как можно скорее ушли из этой потерянной и развращенной Франции (aus jenem heillosen und verderblichen Frankreich) и возвратились на свою честную родину (in das ehrbare Vaterland)». ²

Итак, события в столице Франции угрожают «всей цивилизации» и прежде всего Германии, находящейся в положении человека, который «ради собственной безопасности заинтересован в скорейшей ликвидации пожара в доме соседа». ³ Таков вывод, к которому приходит немецкая реакционная пресса.

Этот вывод имел под собой довольно серьезные основания. С первых же дней революции 18 марта 1871 г. рабочий класс Германии заявил о своей солидарности с делом Коммуны, о своей готовности защищать ее от клеветы европейской реакции и от угрозы интервенции со стороны Бисмарка. И так поступали не одни только немецкие рабочие. «Коммуна, — писал Маркс, — присоединила к Франции рабочих всего мира». ⁴

V

Предоставим теперь слово самому Бисмарку. В официальном сообщении, опубликованном 23 марта в прессе, он сформулировал свою позицию следующим образом: «Во внутренние дела Парижа и Франции мы вмешиваться, конечно, не станем, но сумеем при любых обстоятельствах обеспечить наши интересы и добиться выполнения данных нам обязательств. Само собой разумеется, что мы можем и будем иметь дело только с избранным всей нацией представительством, только с признанным всеми державами правительством...» ⁵

В то время как газеты печатали это сообщение, Бисмарк

¹ «Ausserordentliche Beilage zur «Allgemeinen Zeitung», 30/III 1871 (статья под характерным заглавием: «Die ersten Verdienste des Deutschen Reiches um Europa»).

² «Kölnische Volkszeitung», 24/III 1871.

³ «National-Zeitung», 13/IV 1871, Morgenausgabe.

⁴ К. Маркс, Гражданская война во Франции (1871 г.), 1937, стр. 85.

⁵ «Kölnische Volkszeitung», 23/III 1871.

делал шаги, которые должны были показать, как он понимает этот принцип «невмешательства». Уже 21 марта германский поверенный в делах в Брюсселе фон-Балан познакомил французского дипломатического представителя барона Бод с содержанием полученной им из Берлина депеши, в которой Бисмарк предлагал Версалию моральную и материальную поддержку Германии против восстания. Мы не располагаем текстом этой депеши, о которой сообщает один из историков Франкфуртского мира.¹ Но самый факт подобного предложения, сделанного, повидимому, на завтра же после событий 18 марта, не вызывает никаких сомнений. Он подтверждается заявлением Бисмарка царскому послу в Берлине д'Убри. Последний сообщал об этом канцлеру Горчакову в шифрованной телеграмме от 21 марта: «Вчера вечером видел графа Бисмарка. Он признал серьезность положения в Париже, не будучи чрезмерно этим озабочен. Сообщил мне под большим секретом, что он предложил Тьеру свое содействие для преодоления кризиса, в случае если тот будет об этом просить. Войск [немецких] под Парижем достаточно. Только что узнал, что осадная артиллерия получила приказ возвращаться назад к Парижу».²

Сообщение д'Убри подтверждается сообщением другого царского дипломата — Окунева, исполнявшего в то время обязанности русского поверенного в делах во Франции (посол барон Штакельберг находился в отпуску в России). 26 марта он имел в Версале беседу с главой исполнительной власти. Вот в каких выражениях излагает Окунев в своем донесении в Петербург содержание этой беседы: «Г-н Тьер отзывался с большой похвалой об отношении к нему немецких военных властей; он сказал мне, что они тотчас же предложили ему материальную и моральную помощь для водворения порядка в Париже». «Эта благожелательная и примирительная позиция была принята, — добавляет Окунев, — немецкими военными властями» после того как они убедились, что «правительство, избранное Национальным собранием, удалилось в Версаль и что его продолжает признавать вся Франция».³

Царский дипломат умалчивал, конечно, о том, ценою каких униженных клятв и каких раболепных заверений бежавшее из Парижа правительство стремилось обеспечить себе благосклонность Бисмарка.

Первым делом министра иностранных дел этого правительства было обратиться к немецким оккупационным властям с письмом, в котором он ручался за восстановление «порядка» в столице.

¹ *I. Valfrey, Histoire du traité de Francfort et de la libération du territoire français, Paris, 1874, p. 19.*

² Сборник документов «Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 г.», 1933, стр. 67.

³ «Правда», 18/III 1931 (Новые документы о Парижской Коммуне).

«Восторжествовавшее в Париже повстанческое движение, — писал 21 марта Жюль Фавр генералу Фабрице, — было простой неожиданностью, перед которой правительство временно отступило только для того, чтобы избежать гражданской войны. Оно является делом рук горсти мятежников, дезавуированных громадным большинством населения и встречающих решительное и мужественное сопротивление со стороны мэров. Департаменты единодушно осуждают его и обещают свою поддержку Собранию. Правительство подавит его... Ваше превосходительство может быть спокойно: наши обязательства будут выполнены...» 22 марта Фавр повторил это заявление с трибуны Национального собрания, поспешившего одобрить позицию правительства.¹

Отказываясь пока от прямой военной помощи немцев, Тьер просил разрешить ему удвоить контингент своих войск для успешной борьбы с восстанием. Бисмарк немедленно запросил мнения Мольтке.² Это было 22 марта, а уже 24-го главный военный советник канцлера доносил ему, что «его величество» дает свое согласие на доведение численности версальской армии до 80 тысяч человек, считая эту цифру неопасной для военных интересов Германии, располагающей под Парижем 200 тысяч штыков. «Французское правительство, — добавлял начальник германского главного штаба, — должно будет зато взять на себя обязательство решительно приняться за ликвидацию восстания».³

В тот же день — 24 марта — Бисмарк телеграфировал генералу Фабрице: «Хотя всякое сосредоточение французских войск под Версалем вообще противоречит имеющейся конвенции, мы согласны даже на то, чтобы численность последних была еще увеличена... Но на все эти уступки мы можем пойти лишь при условии, что французское правительство возьмет на себя обязательство в кратчайший срок по сосредоточении согласованного с нами количества войск, примерно дня через три, начать решительные военные действия против Парижа».⁴

25 марта, руководствуясь полученными от Бисмарка инструкциями, саксонский генерал обратился к Фавру с предложением прислать к нему в Руан уполномоченного для ведения переговоров. «Переговоры будут касаться двух вопросов: 1) каков тот контингент войск и национальных гвардейцев, который французское правительство считает достаточным для восстановления порядка в Париже; 2) какое число дней, после того как этот контингент будет установлен и достигнут, оно считает достаточным, чтобы покончить с нынешним кризисом». «Само собой разу-

¹ *J. Favre, Gouvernement de la Défense nationale. Paris, 1875, partie II, p. 286—291.*

² *Moltke, op. cit., S. 669.*

³ *Ibidem, S. 669—670, № 791.*

⁴ *Holleben, op. cit., S. 63—64.*

меется, — добавлял Фабрице, — что, если развязка не наступит в обусловленный срок, мы будем иметь право потребовать точного возвращения к военному положению, предусмотренному прелиминарным договором о мире». ¹

Фавр отвечал 26 марта: «Ваше превосходительство заявляет, что необходимо определить срок, которого потребуют военные операции. Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы он оказался возможно более кратким. Желая быть вполне точным, я не решаюсь фиксировать потребное число дней». «Положение вещей не только не ухудшается, но, наоборот, улучшается», — телеграфировал он на следующий день: «Я не сомневаюсь в том, что порядок будет восстановлен без кровопролития; если, однако, соглашение окажется невозможным, мы полны твердой решимости пустить в ход силу». ²

27 марта в Руан прибыли уполномоченные версальского правительства — министр финансов Пуйе-Кертье и генерал де-Вальдан. Переговоры начались в тот же вечер. По документам германского главного штаба они рисуются в следующем виде. Пуйе-Кертье начал с заверения, что его правительство остается верно принятым на себя по отношению к Германии обязательствам и готово к подписанию окончательного договора о мире. Для этого существует только одно препятствие — парижское восстание. Германское правительство должно дать Версалию возможность разгромить это восстание, для чего необходимо временное отступление от условий прелиминарного мира, ограничивающих военные силы Франции. Уполномоченные французского правительства ручаются своим честным словом, что те войска, о сосредоточении которых в Версале они просят императорское правительство, будут использованы исключительно для защиты Национального собрания и для отвоевания Парижа у революционеров. Генерал Фабрице отвечал, что германское правительство верит в лояльность французского правительства и готово помочь ему в борьбе с Коммуной, но инструкции из Берлина не разрешают ему соглашаться на такое увеличение версальских войск, которое превысило бы 80 тысяч человек. В это число должны войти и те 20 тысяч человек национальных гвардейцев, о которых дополнительно ходатайствуют версальцы. Фабрице добавил, что по имеющимся у него сведениям национальные гвардейцы не очень-то расположены к активным действиям против Парижа. Наконец, он потребовал гарантии в том, что версальское правительство в кратчайший срок перейдет к решительной борьбе с восстанием, от которого страдают интересы самой Германии.

Мы не будем излагать во всех подробностях аргументацию уполномоченных Тьера, которые должны были признать и недо-

¹ Favre, op. cit., p. 295—296.

² Ibidem, p. 296.

статочность имеющихся в Версале войск и ненадежность некоторых частей. Версаль, заявили они, может рассчитывать в настоящий момент только на 30 тысяч человек, в том числе 2 тысячи артиллеристов; зато в офицерах недостатка не ощущается. Так как среди французских военнопленных, находящихся в Германии, имеются «великолепные элементы, особенно в гвардейских полках», то пополнение правительственной армии за счет этих элементов, которое должно быть ускорено, не только поднимет ее численный состав, но и усилит ее боеспособность. «На необходимости привлечения национальной гвардии мы должны будем настаивать. Мы нуждаемся в ней для того, чтобы дать нашим солдатам моральную поддержку и внушить им уверенность в том, что в борьбе против захватчиков власти страна с нами». Последние события в Париже вновь показали, что бывает, когда национальная гвардия отказывает в поддержке линейным войскам. «Если бы хоть 3—4 тысячи человек благонадежных национальных гвардейцев оказались тогда на стороне войск, последние дали бы бой повстанцам, и мы были бы еще в Париже». Гарантия, о которой говорит немецкий генерал, не нужна. «Долг самосохранения требует от нас возможно скорее вернуть себе Париж». Наступательные действия будут начаты дней через десять. Обо всех операциях версальских войск немецкие власти будут регулярно и своевременно осведомляться. Это последнее заявление было сделано версальскими представителями в самой униженной форме.

Переговоры закончились тем, что обе стороны, после новых споров, сошлись на следующих цифрах: 70 тысяч линейных войск и 10 тысяч национальных гвардейцев.¹ 28 марта была подписана конвенция, в силу которой германское правительство, «для обеспечения выполнения принятых на себя Францией по трактату 26 февраля обязательств», соглашалось на следующие изменения в этом последнем: 1) «временно, до полного восстановления в Париже порядка и власти установленного Национальным собранием правительства», численность версальской армии могла быть доведена с 40 до 80 тысяч человек всех родов оружия (ст. 4); 2) в состав этой 80-тысячной армии могли быть включены национальная и мобильная гвардия (ст. 4), провинциальные гарнизоны (ст. 6), а также возвращаемые на родину военнопленные, которые, по точному смыслу прелиминарного договора о мире, должны были направляться по ту сторону линии р. Луары (ст. 7 и 8).

Но Бисмарк не был бы Бисмарком, если бы не обставил свою помощь Тьеру надлежащими гарантиями. Ст. 12 руанской конвенции гласила, что «немедленно по восстановлении правительственной власти в Париже» вновь вступит в силу ст. 3 трактата 26 февраля, согласно которой до окончательного подписа-

¹ *Holleben*, op. cit., S. 65—70.

ния мирного договора численность парижского гарнизона не должна была превышать 40 тысяч человек. Наконец, германское правительство оставляло за собой право в любой момент отказаться от конвенции, «коль скоро оно сочло бы, что она вредит его интересам». ¹ Не ограничиваясь этим, Бисмарк выдвинул требование дополнительных денежных компенсаций — предоставления немецким властям права взимать в свою пользу прямые налоги в оккупированных районах, — но потом отказался от этого требования. ²

Нужно ли говорить о том, что заключенная в Руане конвенция не осталась только на бумаге? Мало того: в первых числах апреля Бисмарк пошел на дальнейшее отступление от условий мирного договора, разрешив Тьеру увеличить свою армию еще на 20 тысяч человек национальных гвардейцев, присутствие которых на фронте должно было показать регулярным войскам, что «нация с ними». ³

Прерванная было после 18 марта репатриация французских военнопленных теперь возобновляется. По сведениям газет, через один только Страсбург ежедневно прибывают эшелоны военнопленных численностью от 5 до 6 тысяч человек, которые направляются либо в Версаль, либо на пополнение провинциальных гарнизонов. Число военнопленных, доставленных в морской порт Шербург, уже к 8 апреля достигло цифры в 9192 солдата и унтер-офицера при 307 офицерах. ⁴ Две недели спустя общее число отпущенных Германией военнопленных составило, по заявлению самого Тьера Окуневу, 40 тысяч, из коих «25 тысяч великолепных солдат» поступили в распоряжение версальского командования. ⁵ О том, какой обработке подвергались эти солдаты, еще находясь в плену, можно судить по насыщенному отборной контрреволюционной бранью письму группы французских военнопленных, адресованному из Германии члену Центрального комитета национальной гвардии рабочему Асси. ⁶ С еще большей силой эта обработка солдат в духе бешеной ненависти к коммунарам, которые изображались, как защитники «царства лени, разврата, разбоя, убийства», продолжалась после возвращения пленных во Францию. ⁷

Чем мотивировал Бисмарк эту свою политику фактического нарушения нейтралитета и систематического содействия версаль-

¹ *Moltke*, op. cit., S. 676—678 (французский текст руанской конвенции).

² *Faure*, op. cit., p. 297—298 (Фабрице — Фавру).

³ *Moltke*, op. cit., S. 690, № 804 (Мольтке — Шлотгейму).

⁴ «*La Vérité*», 15/IV 1871 (Lettre de Strasbourg), 18/IV 1871 (Le retour des prisonniers d'Allemagne).

⁵ *Б. Волин*, Парижская Коммуна по донесениям царского посла, М., 1926, стр. 24—25 (донесение от 11 (23) апреля 1871 г.).

⁶ *Э. Лиссагарэ*, История Коммуны 1871 г., СПб., изд. Глаголева, стр. 405 (приложение X).

⁷ См., например, прокламацию генерала Дюкро от 19 апреля 1871 г. к войскам, собранным в Шербурге («*La Commune*», 24/IV 1871).

цам, без которого последние — по признанию самих Тьера и Фавра¹ — были бы бессильны справиться с Коммуной? «Союзные правительства, — заявил он 1 апреля в германском рейхстаге, — заинтересованы в том, чтобы по мере возможности облегчить правительству республики, с которым они заключили мирный договор, осуществление стоящих перед ним задач». Называя не вмешательством во внутренние дела Франции то, что в действительности являлось самым настоящим вмешательством в пользу Версаля, Бисмарк дал понять, что германское правительство оставляет за собой право пересмотреть позицию, занятую им по отношению к французским событиям, коль скоро они непосредственно затронули бы интересы Германии и поставили бы под удар прелиминарный договор о мире и вытекающие из него для Франции обязательства. «Тогда мы, — закончил свою речь канцлер Германской империи, — с сожалением, но с такой же решительностью, с какой действовали до сих пор, положили бы конец этому эпилогу войны».² Эта неприкрытая угроза военной интервенции против Коммуны встретила живейшее одобрение депутатов рейхстага.

Бисмарку вторил Мольтке. Еще 21 марта он писал брату: «Для нас официальную Францию представляет Национальное собрание. Это самое свободное (sic — А. М.) из всех когда-либо существовавших собраний. Сельское население и имущие классы широко в нем представлены. Если они покорятся парижской черни и иностранным агитаторам, то изменят своей родине; только новая военная диктатура сможет тогда восстановить Францию. Пока же мы останемся в этой стране с 600 тысячами человек и отправим домой одних только ополченцев».³ «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы свободно избранное Францией собрание — для нас официальная Франция — и правительство, с которым мы заключили прелиминарный договор о мире, остались у власти и не были сброшены каким-нибудь другим правительством, которое может снова все поставить под вопрос (die Alles wieder in Frage stellt)», — писал 4 апреля начальник главного штаба генералу фон-Шлотгейму: «Возобновления войны из-за денег мы, конечно, желать не можем. Занятые нами области уже более или менее истощены. Оккупация новых департаментов или длительное удержание одной из провинций в качестве залога, как это делалось в прежние времена,

также не дадут нам удовлетворения наших требований. Перевороты, сделавшиеся во Франции хроническими, заставят нас и далее оставаться под ружьем, пройдет длинный ряд лет, а мы так и не вытянем своих миллиардов... До тех пор, пока французское правительство не подчинит себе Парижа, оно не сможет восстановить свой авторитет в стране и приобрести финансовый кредит, без которого невозможны предстоящие ему колоссальные платежи (ohne welchem die kolossalen Zahlungen nicht zu leisten sind)».¹

В таком же духе и почти дословно в таких же выражениях высказывается Мольтке в своем «докладе его величеству» от 3 апреля. Фельдмаршал не скрывает нетерпения прусской военщины покончить с «мятежом», который царствует в Париже посредством террора». Надо, — заявляет он, — побудить Тьера поскорее перейти к активным действиям: дальнейшее выжидание может только ухудшить и без того трудное положение Национального собрания, которому грозит потеря всякого престижа в стране.² «Но маленький болтун Тьер, — возмущается Мольтке в письме к брату от 31 марта, — все еще надеется справиться с этой разбойничьей шайкой путем прокламаций и фраз, без кровопролития... Вот что получается, когда к власти приходят дилетанты! Франция сможет выбраться из этого положения только с помощью диктатора, который должен будет начать свою деятельность с кровавой бани в Париже. Если страна не найдет такого, тогда гражданская война и анархия неизбежны».³ Так расуждал Мольтке.

Неудивительно, что полученные в Берлине 4 апреля телеграммы о начавшемся наступлении версальцев были встречены в правительственных кругах с нескрываемым удовлетворением. Известие, что «генерал Мак-Магон берет на себя командование парламентскими войсками», расценивается начальником германского главного штаба как залог «скорого восстановления порядка». Особенно радуется его газетное сообщение, что Париж подвергается бомбардировке. Если это сообщение подтвердится, тогда все увидят, как выглядят на деле «республика и господство дилетантов», которые во время войны не уставали кричать на весь мир о варварстве немцев.⁴

Натиск на Париж, продолжает Мольтке, будет поддержан немецкими войсками, которые отрежут все сообщения столицы

¹ A. Thiers, Histoire de la révolution du 4 septembre et de l'insurrection du 18 mars, Paris, 1875, p. 142—144. J. Favre, Gouvernement de la Défense nationale, partie III, Paris, 1875, p. 342.

² «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages», B. I, Berlin, 1871, S. 109: «... dann würden wir mit Bedauern, aber mit derselben Entschlossenheit, mit der wir bisher gehandelt haben, das Nachspiel dieses Krieges zu Ende führen».

³ Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Grafen von Moltke, B. IV, Briefe, Berlin, 1891, S. 220.

¹ Moltke op. cit., S. 689—690, № 804.

² Ibidem, S. 686—687, № 803 (Vortrag bei Seiner Majestät).

³ Moltke, Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten, IV, S. 222: «Für Frankreich kann die Sache nur durch einen Diktator zu Ende geführt werden, und dieser kann immer nur mit einem Blutbade in Paris anfangen».

⁴ Moltkes, Militärische Korrespondenz, S. 690—691, № 804. — Радуется этот факт и другого представителя прусской военщины, генерала фон-Пале. «Версальские войска, — телеграфировал он в Комьен, — обстреливают Париж, священный город; центр цивилизации пока еще не горит» (Holleben, op. cit., S. 86).

с находящимися в их распоряжении восточными и северо-восточными окрестностями, а в случае надобности подкрепят версальцев артиллерийским огнем. Так как подобный случай не исключен, то фельдмаршал считает нужным тут же набросать план военной интервенции Германии против революционного Парижа. Коммуне будет объявлено, что настал момент, когда восстание оказывается препятствием к выполнению условий мирного договора, и что немцы выходят из своей «мирной и пассивной роли». Мэрам отдельных округов Парижа будет предложено, во избежание бомбардировки, вывести свою национальную гвардию из города для защиты Национального собрания. Если по истечении шестичасового срока Коммуна не даст удовлетворительного ответа, немецкая артиллерия начнет обстрел Парижа. Одновременно с этим 3-я германская армия займет окружающие высоты и возведет на них мощные батареи для обстрела Монмартра, Бельвилля, Ля-Виллетт.¹ «Дальше идти я не считаю целесообразным, в самый город французы должны войти сами и сами должны вести там уличные и баррикадные бои»,² — заключает Мольтке.

Итак, план открытой германской интервенции против Коммуны был готов. Этому плану прямого выступления немецких войск против революционного Парижа версальское правительство противопоставляет свой план использования немецкой помощи по возможности без применения немецких штыков. Начало осуществлению этого последнего плана было положено руанской конвенцией. Добившись от Бисмарка разрешения на увеличение численности своей армии, Тьер стал добиваться новых уступок. Он просит германского канцлера разрешить пропуск версальских войск через немецкие линии к северу от Парижа, что должно было сильно ускорить взятие города, который с этой стороны оставался абсолютно незащищенным.

9 апреля генерал Фабрице сообщил в Берлин об этой просьбе версальского правительства. Бисмарк запросил мнения Мольтке. Начальник главного штаба изложил свое мнение в следующих выражениях: «С военной точки зрения, — писал он 10 апреля, — я в общем ничего не могу возразить против переброски французских войск по северной железной дороге в Париж, как и против сосредоточения при Эпинэ следующих за ними подкреплений. Но при этом должно быть строго оговорено, что предназначенная для этого группа войск не превысит 10 тысяч человек и что эта цифра войдет в общее число 100 тысяч человек, которое уже

разрешено французскому правительству для отвоевания Парижа. Далее, безусловно необходимо, чтобы военные операции, которые будут проведены с французской стороны против северного фронта Парижа, проводились только на основе специальной договоренности с главным командованием третьей армии в Компьене и только в пределах границ, которые названное командование найдет допустимыми».¹

Итак, Мольтке согласался на новую просьбу Версаля, при условии, что ее выполнение будет обставлено достаточными для Берлина гарантиями. 11 апреля он формулирует их, в ответ на запрос из Компьена, следующим образом: «Ни одного форта не очищать, но во избежание конфликтов освободить пункты, предназначенные для концентрации и пропуска [версальских войск]. В день атаки поставить под ружье соответствующее число войск, всякому враждебному приближению [парижан] давать вооруженный отпор. Главному командованию предлагается ставить [версальцам] любые условия, необходимые в интересах собственной безопасности. В остальном содействовать успеху предприятия, чтобы покончить с существующим в Париже положением, так как, пока оно продолжается, никакое возвращение [армии] на родину не может иметь места».²

Предприятие не удалось. Его проведению помешала неосторожность буржуазной прессы в Париже, раньше времени разгласившей весь план. 15 апреля одна газета опубликовала письмо своего версальского корреспондента, который рассказывал о состоявшемся якобы соглашении по этому вопросу, добавляя, что, по слухам, Мак-Магон и многие офицеры высказываются против такой «дешевой» победы.³ Как только в Берлине узнали — через генерала Фабрице — о том, что секрет разглашен, там сразу поняли, что план сорван, поскольку рассчитывать на успех нападения, неожиданность которого отпала, не приходилось. В Компьен было дано распоряжение немедленно приостановить начатые приготовления.⁴ Вскоре стало известно, что ковенно известные о предстоящем «сюрпризе» коммунары успели забаррикадировать улицы прилегающих к Сен-Дени кварталов Монмартра и Батиньоля.⁵ Сделано это было, повидимому, в порядке местной инициативы, ибо протоколы совета Коммуны молчат об этом. Что это баррикадирование не распространилось на сколько-нибудь широкий район, показывает тот факт, что к моменту вступления версальцев (21 мая) северная окраина Парижа попрежнему оставалась почти незащищенной.

¹ Пролетарские округа Парижа, расположенные на его восточной и северо-восточной окраинах.

² *Moltke*, op. cit., S. 687—691: «Weiter zu gehen halte ich nicht für ratsam, in die eigentliche Stadt mögen die Franzosen selbst hineinrücken und den Straßen und Barrikadenkampf durchführen».

¹ *Holleben*, op. cit., S. 122—123.

² *Ibidem*, S. 128—129.

³ «*La Vérité*», 15/IV 1871 (Lettre de Versailles).

⁴ *Moltke*, op. cit., S. 702, № 817.

⁵ *W. Lauser*, *Unter der Pariser Kommune. Ein Tagebuch*, Wien, 1878, S. 176.

Итак, план немецкой интервенции против Коммуны — как открытой, так и «замаскированной» — был разработан. Готов был и план возобновления войны с Францией, разработанный тем же Мольтке. Этот план был заготовлен на тот случай, если бы версальцы, воспользовавшись сделанными им уступками, вздумали обратить острие своего оружия против немцев. Бисмарк и его генералы считали этот случай отнюдь не исключенным. Более того: в письме к генералу фон-Шлотгейму от 4 апреля Мольтке допускает даже такую невероятную вещь, как объединение военных сил Парижа и Версаля для совместной борьбы с Германией. Учитывая подобную возможность, фельдмаршал подчеркивает, что сделанные Тьеру уступки носят обоюдоострый характер *alle Konzessionen zweiseitig sind*.¹ Не предлагая взять их назад, он озабочен мыслью о том, как парировать подобный удар. «Я рассчитываю на то, что 3-я армия может в случае надобности в течение 3—4 дней быть доведена до 200 тысяч человек, сконцентрированных позади фортов правого берега Сены». 1-я армия примет участие в военных действиях на левом берегу. 2-я и южная армии, численностью в 100 тысяч человек, будут служить заслоном против подкреплений, которые французское правительство захотело бы перебросить из провинции. Наконец, особая группа в 100 тысяч человек предназначается для поддержания «порядка» в тылу действующих немецких армий. Париж будет отрезан от сообщения с окружающим миром и лишен подвоза продовольствия. Опираясь на северные и восточные форты, на явное превосходство своих сил, немцы сумеют «принудить Париж сложить оружие, не ввязываясь в уличную и баррикадную борьбу».²

7 апреля Мольтке вновь делится — на этот раз с Бисмарком — своими опасениями насчет возможного соглашения Тьера с Коммуной. Если это соглашение станет фактом, Германия должна потребовать немедленного разоружения и роспуска национальной гвардии. Это необходимо потому, что парижские инсургенты безусловно попытаются поднять новое восстание, как только немецкие войска уйдут из-под Парижа, что должно иметь место после окончательного заключения мира и уплаты первого полу-миллиарда контрибуции. Таким образом, новое восстание застанет Германию в гораздо менее благоприятном военном положении, чем то, в котором она находится в настоящий момент.³

«Что сосредоточение 100 тысяч человек под Парижем имеет для нас и свою опасную сторону, мы это сознаем», — писал

¹ *Moltke*, op. cit., S. 690. — В таком же духе высказывается он в своем докладе Вильгельму I от 3 апреля (*ibidem*, S. 688).

² *Ibidem*, S. 685—692, №№ 803—804.

³ *Ibidem*, S. 693.

8 апреля начальнику главного штаба начальник штаба 3-й армии. Надо считаться с тем, что в «случае серьезной неудачи версальцев» враждующие армии могут объединиться. Что противопоставить подобной перспективе? Генерал Шлотгейм напоминает, что кое-что уже сделано для укрепления военного положения немцев. «Занятые нами форты недавно снабжены были запасами продовольствия на 10 дней; те же форты имеют 164 орудия, которые обеспечены снарядами частью на 100, частью даже на 500 выстрелов». Концентрация армии вокруг фортов будет закончена в ближайшие дни. Дальнейшие мероприятия, которые будут приняты в случае действительного объединения версальцев и коммунаров, должны свестись к следующему: голодная блокада Парижа, бомбардировка последнего, захват господствующих над городом Шомонских высот.¹ Как видим, «план Шлотгейма» мало чем отличался от «плана Мольтке».

Опасения генералов разделяет и Бисмарк. Как ни протестует Фавр против этих оскорбительных, по его словам, для чести его правительства подозрений, канцлер не прочь приписать версальцам «поистине безумную заднюю мысль» (слова Фавра)² — помириться с Коммуной в интересах возобновления войны с Германией. Мы должны, — пишет он 14 апреля военному министру графу фон-Роон, — «иметь под Парижем столь крепкий и столь концентрированный кулак, чтобы при всех обстоятельствах оставаться там господами положения и быть в состоянии нанести сокрушительный удар противнику, даже в том случае, если правительственные войска объединятся с войсками повстанцев и обратят свое оружие против нас».³

Особо подчеркивает Бисмарк, как важно для Германии иметь возможность «в кратчайший срок посредством артиллерийского обстрела раздавить Париж и его южные форты». Что касается численности немецких войск во Франции, то цифра в 500 тысяч человек, на которой остановился главный штаб, кажется ему достаточной, чтобы гарантировать Германию от возможных сюрпризов.

Своими опасениями Бисмарк делится и с генералом Фабрице. «Мы надеемся, — пишет он 18 апреля, — что существующее правительство не обратит против нас войска, концентрацию которых мы ему разрешили и облегчили. . .» Ясно, что «без сильной армии» Версалью не овладеть Парижем, «но с усилением армии возрастает опасность, которой подвергается Германия», опасность возобновления войны либо с версальскими войсками, либо с объединенными силами Версаля и Парижа.⁴

¹ *Holleben*, op. cit., S. 109—110.

² *Favre*, op. cit., p. 312.

³ *Moltke*, op. cit., S. 699.

⁴ *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes*, B. I, Berlin, 1922, S. 13—14, № 4.

Беспокойство Бисмарка и его генералов еще усиливало слишком затянувшееся, по их имению, дело подавления Коммуны. В течение всего апреля канцлер не перестает жаловаться на «полумеры, которыми французское правительство, вопреки требованиям военной ситуации, упорно ограничивается в отношении восстания». ¹ Ответственность за подобную тактику несет Тьер, который, как и подобает деятелю «конституционной школы», не решается схватить восстание за горло по всем правилам войны, не знающей пощады. До тех пор, пока верховное руководство военными операциями не перейдет «к чисто военному человеку», вроде маршала Мак-Магона, до тех пор, пока на фронте не будет установлена военная диктатура, конечная победа Версаля останется под сомнением, даже если бы в его распоряжении было в три раза большее число бойцов. Так пессимистически оценивал Бисмарк — в депеше от 22 апреля — положение версальского правительства. ²

Недоволен был ходом военных действий под Парижем и главнокомандующий 3-й германской армией кронпринц Альберт Саксонский. «После того как в середине прошлой недели казалось, — писал он 18 апреля Мольтке, ³ — что версальцы продвигаются вперед, их натиск приостановился, и дело грозит затянуться надолго». Бои идут вяло, почти без кровопролития. ⁴ Тем временем в Париже дела становятся все хуже. «Элементы порядка частью разбежались, частью терроризированы». Столица Франции находится в руках «140—150 тысяч сильно фанатизированных рабочих», которые сражаются «совсем не плохо» и будут сражаться до конца. Наследник саксонской королевской короны бьет по этому поводу настоящую тревогу: «Нельзя отрицать того, что вся эта история, если она затянется, грозит всей Европе серьезнейшими опасностями и что необходимо скорее положить ей конец». ⁵ Как же этого достигнуть? «Открытую атаку или хотя бы только обстрел я рекомендовал бы лишь в самом крайнем случае, ибо, во-первых, жаль каждого человека, которого мы при этом потеряем, а, во-вторых, это нанесло бы непоправимый удар французскому правительству, которое мы все-таки хотели бы сохранить. Остается одно — голодная блокада (*bleibt nur die Aushungerung*)».

¹ Favre, op. cit., p. 315 (депеша от 17 апреля).

² Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, B. I, № 7, S. 21—22.

³ Moltke, op. cit., S. 707.

⁴ «Дела под Парижем вступили в затяжную стадию», жаловался он 18 апреля своему отцу, королю Иоанну (*Hassel, König Albert von Sachsen, B. II, Berlin — Leipzig, 1900, S. 483*).

⁵ В письме к королю от 18 апреля та же мысль формулирована следующим образом: «Я полагаю, что общие интересы требуют того, чтобы помешать консолидации положения, при котором скоро в Париже окажутся почти все вожаки так называемого Интернационала».

Прежде чем перейти к рассмотрению судьбы этого «гуманного» предложения саксонского принца, мы должны остановиться на стараниях версальского правительства избежать открытого выступления немецких войск против революционного Парижа. «Мы хотели, — писал впоследствии Фавр, — чтобы французские силы сами подавили французский бунт». ¹ Тьер боится — доносил 15 апреля генерал Фабрице — того впечатления, которое произведет во Франции его открытое сотрудничество с немцами против Коммуны. ²

Официальный орган царского правительства был недалек от истины, давая этой тактике правительства Тьера следующее объяснение: «Если вспомнить, какое бедственное влияние подобное вмешательство (интервенция. — А. М.) имело впоследствии на судьбу Бурбонов, реставрация которых совершилась при сходных обстоятельствах, то нельзя не признать в этом отношении и основательности опасений г. Тьера». ³ «Было бы не только в военном отношении излишне... было бы также и политически неумно предпринимать подобную интервенцию, — заявляла редакция «Нейе Фрейе Прессе», — ибо в этом случае версальское правительство, после подавления восстания, окажется в очень тяжелом положении. Стоит только представить себе, как велика будет его [правительства Тьера] непопулярность, если своим дальнейшим существованием оно будет обязано германскому оружию». «У версальского правительства, — добавляла венская газета, — теперь достаточно военных сил, чтобы с помощью прусской оккупационной армии совершенно окружить Париж на правом берегу Сены; достаточно будет и этого оцепления, чтобы постепенно принудить к новой капитуляции эту непокорную столицу». Газета оговаривалась, что в случае победы Коммуны над Версалем открытая интервенция немецких войск против Парижа станет неизбежной. ⁴

Что касается Бисмарка, то затянувшаяся гражданская война побуждает его все чаще и чаще подумывать о том, чтобы одним ударом разрубить гордые узел, завязавшийся во Франции. Теряя терпение, он готов подвергнуть сомнению правильность занятой им позиции. «Неопределенность нынешней ситуации, — писал он 18 апреля генералу Фабрице, — ставит перед нами вопрос, каким путем мы лучше обеспечим интересы Германии, — тем ли, что будем продолжать выжидательно взирать на развитие французской смуты, или тем, что положим ей конец стремительным нападением на Париж». ⁵ Если до сих пор мы пред-

¹ Favre, op. cit., p. 294.

² Die Grosse Politik, B. I, S. 12, № 3.

³ «Правительственный вестник», 8 (20)/IV 1871.

⁴ «Neue Freie Presse», 20/IV 1871.

⁵ Die Grosse Politik, I, S. 14, № 4.

почитали первый путь, поясняет Бисмарк, то только ради нынешнего французского правительства, которое не хотело и не хочет прибегать к помощи иностранного оружия, опасаясь этим восстановить против себя общественное мнение страны.

Установив это, Бисмарк приходит к заключению, что интервенция, успех которой не подлежит для него сомнению, потребует восстановления во Франции императорского режима (*die Wiedereinsetzung des Kaisertums*), что кажется ему делом осуществимым.¹ За этим следуют обычные жалобы на «опасности и неудобства», которые Германия терпит из-за того, что старается «приноровиться к желаниям и взглядам республики».

При всем том Бисмарк не решается еще рвать с Тьером. Ведь секретные переговоры, начатые в конце марта в Лондоне с экс-императором Наполеоном III по вопросу о заключении мира, не увенчались успехом (Наполеон потребовал якобы возвращения Франции Меца, на что не согласился Бисмарк).² Бонапартистская реставрация, призраком которой германский канцлер успел напугать Тьера и Фавра — что, конечно, и входило в его расчеты, — оказывалась столь же мало выгодной для победителя, как и всякая другая замена правительства, принявшего предварительные условия мира, правительством, не связанным по отношению к Германии этими обязательствами. При всех своих монархических симпатиях, при всем своем отвращении к республике, даже буржуазной, Бисмарк был достаточно трезвым политиком, чтобы учесть это. «Само собой разумеется, что в настоящий момент, — писал он военному министру графу фон-Роон, — наши интересы требуют сохранения нынешнего французского правительства до тех пор, пока оно хочет и может выполнить свои обязательства, пока есть надежда, что оно в конце концов подавит движение в столице».³ И Бисмарк делает отсюда практический вывод: не отпускать из плена солдат и офицеров бывшей императорской гвардии, пока экс-император не даст своего согласия на условия предварительного договора 26 февраля.⁴

¹ В конце марта Бисмарк говорил графу Вальдерзее, что, несмотря на Седан, бонапартисты имеют во Франции больше шансов, чем какая-нибудь другая из буржуазных политических партий, ибо республиканцы «дискредитированы» Коммуной, а легитимисты и орлеанисты способны только на оппозицию (*Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Grafen von Waldersee I, S. 132*). 13 мая известный лейпцигский книгоиздатель Брокгауз записал в своем дневнике следующие слова, сказанные ему Бисмарком: «Я думаю, что Наполеон, несмотря на все происшедшее, может еще и теперь рассчитывать на 4 миллиона голосов, и если ему удастся собрать армию в 200 тысяч человек, он сможет вновь встать у власти... Орлеанисты — это армия без офицеров, легитимисты — это офицеры без армии» (*H. E. Brockhaus, Stunden mit Bismarck, 1871—1878, Leipzig, 1929, S. 21*).

² *Valfrey, op. cit., I, p. 69—70. — Waldersee, op. cit., I, S. 132.*

³ «Bismarck und die Friedensunterhändler 1871». Bearbeitet von *Hans Goldschmidt*, Berlin u. Leipzig, 1929, S. 67—68, Akten № 33.

⁴ Интересно, что версальское правительство считало бывшие гвардейские

Итак, ставить крест на правительстве Тьера пока не следует. Лишь бы оно не подвело! В заявлении Фавра об опасностях, которыми чревато «торжество социалистического движения в Париже», Бисмарк черпает надежду на то, что Версаль возьмется, наконец, всерьез за дело «спасения общественного порядка во Франции» и что Тьер ускорит заключение мирного договора с Германией. «Посмотрим теперь, — пишет 18 апреля своему уполномоченному канцлер, — обойдутся ли они [версальцы] разрешенной им армией в 100 тысяч человек или обратятся к нам за помощью открыто и официально».¹

Вопрос об открытой военной интервенции, таким образом, не снимался. Она лишь откладывалась. Прямое военное вмешательство Германии в гражданскую войну во Франции на стороне Версаля оставалось вполне реальной перспективой.

Правда, слух о том, что 15 апреля немецкие войска вступят в Париж, в случае если к этому сроку восстание не будет подавлено,² не оправдался. Правда, официоз Бисмарка «*Provinzial-Korrespondenz*» опровергал сделанное Фавром 10 апреля в Национальном собрании заявление, будто Германия предлагала версальскому правительству активную помощь своих войск для борьбы с Коммуной. Знаменательно, однако, что часть немецкой консервативной прессы допускала вероятность такого предложения,³ а самое «опровержение» сопровождалось оговоркой, которая не исключала возможности интервенции и подчеркивала наличие во Франции германской оккупационной армии численностью в 500 тысяч человек, «из коих 200 тысяч могут быть в несколько часов вновь стянуты к воротам Парижа...»⁴

VII

Французская буржуазия не скрывала своего одобрения делу подготовки иностранной интервенции против Коммуны. «Слава богу, что пруссаки еще здесь! — таков всеобщий возглас буржуа», — констатирует Флобер в письме к Жорж Санд. «Еще немного, — пишет он в письме к другой своей приятельнице, — и их [пруссаков] полюбят».⁵ «В Шарантоне только мы вздохнули свободно, увидев — о, верх унижения и позора! — острокопечные каски немцев», — так описывает свое бегство из Парижа после событий 18 марта генерал дю-Барайль, еще вчера ярый немцеод.⁶ «Это — ужасная борьба, которой не предвидится

части вполне надежными для себя и просило Бисмарка не задерживать их в плену дольше других (*Die Grosse Politik, I, S. 11*).

¹ *Die Grosse Politik, I, S. 15—17, № 4.*

² «*La Vérité*», 10/IV 1871.

³ «*Allgemeine Zeitung*» (Augsburg), 15/IV 1871.

⁴ Цитировано в «*National-Zeitung*», 19/IV 1871, вечернее издание.

⁵ *G. Flaubert, Correspondance, IV (1869—1880), Paris, 1899, p. 47, 49, 55.*

⁶ *Général Du Barail, Mes souvenirs, Paris, 1898, t. III, p. 253—254.*

конца, если только пруссаки не вмешаются, что становится все менее невероятным», — писал 13 апреля своей сестре профессор коллежа Роллен Артюр Бари. Добавим, что этот почтенный буржуа еще 26 марта выражал сожаление о том, что «Париж не был сдан неприятелям во время перемирия»; «они выполнили бы дело разоружения, и мы были бы менее обесчещены (?! — А. М.), менее разорены и более уверены в завтрашнем дне». ¹ «Я слышу французов, которые заявляют, что предпочли бы прусскую оккупацию версальской!» с возмущением отмечает 21 апреля в своем дневнике Эдмон Гонкур. Но и сам писатель не скрывает своего затаенного желания увидеть революционный Париж во власти немецких юнкеров. «Я удивляюсь, я не могу понять, — пишет он 1 апреля, — как это в момент такой горячки, такого взрыва страстей мы не наблюдаем возбуждения, которое вылилось бы в неосторожный выпад против немцев». Еще откровеннее говорит он об этом в записи от 26 апреля. ²

«Мое сердце умерло в моей груди», — писал своей жене 20 марта Тэн: «Мне кажется, что я живу среди сумасшедших и что прусский жандарм со своей дубиной уже спешит на их усмирение». 26 марта — ей же: «Я жду нового нашествия, прусского префекта в Париже, и знаю людей, которые примут его, предпочтут г. фон-Мольтке г.г. Люлье, Асси и компании». ³

Не менее откровенно высказывалась по этому поводу пресса. Конечно, это было бы ужасно, лицемерно вздыхал 14 апреля орган «радикала» Порталиса, конечно, это было бы позорно, но ничего, мол, не поделаешь. «Занятие Парижа германской армией» имело бы тот плюс, что примирило бы Францию со всей Европой, ополчившейся против этой страны «за ту чудовищную пертурбацию», которую она внесла «в политику, в финансы и особенно в торговлю» всего мира. ⁴

«Со дня восстания и до сих пор, — писал 18 апреля из Бордо корреспондент русского «Голоса», — мне еще почти не доводилось слышать разговора о теперешних событиях, который не заключался бы восклицанием: «Слава богу, что тут пруссаки! Они не допустят до совершенной гибели! И зачем это не просят их положить конец?» ⁵ «Замечательно, что достаточные сословия в Париже были бы довольны, если бы пруссаки заняли город, — читаем в московской газете «Сын отечества» за 21 апреля, — они видят в них избавителей своих от конечного истребления,

¹ A. Bary, *Lettres écrites pendant la Commune de Paris 1871*. «La Revue hebdomadaire», № 36, 6/VIII, p. 17; № 37, 13/VIII 1904, p. 177.

² «Journal des Goncourt. Mémoires de la vie littéraire», IV (1870—1871), Paris, 1903, p. 242, 272, 279.

³ H. Taine, *sa vie et sa correspondance*, III (1870—1875), Paris, 1905, p. 67—68, 74—75, 84.

⁴ «La Vérité», 14/IV 1871 (Lettre de Versailles).

⁵ «Голос», 23/IV (5 V) 1871 (*Н. Щербань*, С перепутья, VI).

и это значительно ослабило ненависть их ко всему германскому. На окнах некоторых магазинов начинают уже появляться портреты императора Вильгельма I». ¹

Доклады секретного информационного бюро Коммуны, опубликованные в 1873 г., показывают, с какой настойчивостью жители буржуазных кварталов Парижа распространяли слухи о неизбежности германской военной интервенции против Коммуны. Первое упоминание об этом содержалось в докладе от 9 апреля. 17 апреля агент информационного бюро, следивший за районом больших бульваров, сообщает: «Говорят, что если Коммуна и победит, она не сможет просуществовать и двух месяцев. Иностранцы вмешаются и навяжут нам какого-нибудь короля». «Пруссия, — читаем мы в донесении от 18 апреля, излагающем разговоры, которые ведутся в округе Биржи, — предложила версальскому правительству, в случае если последнее почувствует себя недостаточно сильным, свою помощь для подавления восстания». А вот отрывок из донесения от 21 апреля, тоже об округе Биржи: «Говорят, что версальское правительство уплатило Пруссии первый взнос [контрибуции], и что Сен-Дени, равно как и форты правого берега Сены и юга, будут вскоре заняты версальскими войсками. Вчера вечером в Сен-Дени прибыли жандармы. Сопротивление становится теперь невозможным. Нельзя будет помешать версальцам войти [в Париж] через Шарантон». ²

«Прусская интервенция составляет здесь тему всех разговоров, — писал 20 апреля парижский корреспондент одной большой марсельской газеты. — Я знаю людей, которые в момент оккупации Елисейских Полей немцами [1—3 марта 1871 г.] надели траур и которые теперь готовы, кажется, открыть им ворота города! До какого падения мы дошли, если своих вчерашних заклятых врагов часть населения ждет как избавителей!.. При этом добавляют, что немецких солдат надо бояться меньше, чем национальных гвардейцев. Немецкие солдаты не закроют церквей, не подвергнут аресту священников, не заставят братьев сражаться против братьев, не нарушат неприкосновенность жилищ, не опустошат общественные и частные кошельки. Страх — плохой советник: он заставляет патриотизм ступать перед личными интересами...» ³

Как далеко заходил этот «патриотизм», видно хотя бы из говедения фабриканта города Труа, который для ликвидации стачки на своем предприятии обратился за помощью к прусским оккупационным властям, поспешившим выслать воинскую часть, которая и расстреляла двух рабочих. ⁴ В Руане «отцы города»

дошли до того, что пообещали особое вознаграждение тем, кого еще вчера называли варварами, лишь бы эти последние согласились защищать их от социалистов. ¹ Французские власти другого промышленного центра, Амьена, рабочее население которого решительно высказывалось в пользу Коммуны, сочли возможным официально просить прусское командование оставить в городе свои части для предупреждения возможных беспорядков. ²

Князь Бюлов, будущий канцлер Германской империи, во время Коммуны исполнявший обязанности военного коменданта Амьена, рассказывает об этом факте в следующих выражениях: «В Амьене также началось брожение среди рабочих. Мэр города г. Дофен, с которым я находился в наилучших отношениях, опасался возможности коммунистических волнений. В этом смысле он и написал мне, прося об установлении строгого надзора за подстрекателями подобных волнений, о решительном подавлении попыток к восстанию со стороны коммунистов». После того как Коммуна была подавлена, Дофен попросил Бюлова вернуть ему его письмо, ссылаясь на то, что он будет навеки скомпрометирован, если только оно станет когда-нибудь достоянием гласности. ³

Если в самом Амьене, в результате мер, принятых немецким командованием, до открытого выступления дело не дошло, то в местечке Морейль, близ Амьена, произошло вооруженное столкновение между прусским гарнизоном и жителями, пытавшимися провозгласить коммуны. Во время перестрелки несколько человек были ранены, один прусский офицер был убит. Пруссаки подавили движение, пустив в ход артиллерию. Сообщая об этом факте, редакция газеты «Коммуна» выражала свою твердую уверенность в конечной победе Парижа: «Что же из того, что все монархисты объединяются между собою? Мужайтесь, парижане! Успех увенчает ваши усилия, ибо ваша храбрость создаст вам и восхищение и поддержку». ⁴

IX

Особенно широко осуществлялось полицейское и военное сотрудничество между версальскими и немецкими властями в окрестностях Парижа.

«Мы здесь в полной безопасности, потому что этот берег Сены оккупирован пруссаками, которые не кажутся расположенными к тому, чтобы позволить этим господам из Коммуны проявлять здесь свои таланты», — писал из Ле Везине [близ Парижа] известный композитор Бизе, бежавший туда после

¹ «Сын отечества», 9 (21)/IV 1871.

² *Dauban*, Le Fond de la société sous la Commune, p. 86, 103, 105, 108, 114.

³ «Le Sémaphore de Marseille», 25/IV 1871.

⁴ «La Commune», 28/IV 1871.

¹ «Le Sémaphore de Marseille», 13/V 1871.

² «Le Cri du Peuple», 24/IV 1871.

³ *Bernhard Fürst v. Bülow*, *Denkwürdigkeiten*, B. IV, Belfin, 1931, S. 246.

⁴ «La Commune», 26/IV 1871 (L'Agitation de la province).

событий 18 марта.¹ Как явствует из письма одного жителя коммуны Баньоле в редакцию газеты «Мститель» от 27 апреля, версальские жандармы, производившие здесь аресты лиц, подозреваемых в сочувствии Коммуне, свободно переходили через линию расположения прусских войск.² 9 мая Комиссия внешних сношений Коммуны сообщала Комитету общественного спасения, что жители Баньоле, числом 300, вооружены ружьями «во исполнение приказа, который они получили от пруссаков». В том же сообщении отмечался факт ареста передетыми версальскими жандармами четырех жителей этой коммуны.³

События в Баньоле послужили темой статьи члена Коммуны поэта Ж.-Б. Клемана, появившейся 3 мая в газете «Крик народа». Автор с возмущением рассказывал о том, что крестьянство этого села проявляет так же мало патриотизма, как и версальская буржуазия: «Несколько добрых граждан из Баньоле хотели провозгласить Коммуну, революционную Коммуну. Что же сделали мужички? Они пошли к пруссакам и заявили, что хулиганы и босяки посягают на их собственность. Красные и сторонники дележки (les rouges et les partageux) хотят, мол, отобрать у них жен и детей, занять их дома и выгнать их вон... Разве это не гадко и не подло? После этого, разве вы не самые отсталые крестьяне из прилегающих к Парижу деревень?»⁴

Не стеснялись обращаться к немецким офицерам с просьбой защитить их от местных «анархистов» и кулацкие элементы из других деревень парижского района. Вот что рассказывает об этом корреспондент петербургской газеты «Голос»: «На-днях все население Коломба и Аржантейля привалило в Саннуа, где находился прусский командир: «Бунтовщики нагрянули целой шайкой; грабят, уводят взрослых, бьют, убивают; спасите и защитите!» Точно такое же ходатайство последовало со стороны жителей долины между прусскими и сен-денискими аванпостами и парижским валом. К счастью для просителей, прусское начальство не отвергло их слезного моления и посылает патрули в Сен-Денискую долину, Аржантейль, Коломб, даже до самого Сен-Жермена, в который предписано не пускать повстанцев. Мэр сопредельной с самою парижскою окраиною деревушки или предместья Пантен не удовлетворился этим перемежающимся покровительством, в промежутки которого

разбойники действительно могли бы явиться и наколобродить: он упросил, чтобы в местечко ввели прусскую роту для постоянной охраны».¹

Еще более открыто интервенционистская роль германских войск проявлялась в занятом ими Сен-Дени. 25 апреля одна парижская газета сообщала, что здесь свирепствует настоящий террор против всех подозреваемых в сочувствии Коммуне.² «Когда я отправлял вчера письмо в Сен-Дени, — писал 23 апреля парижский корреспондент венской газеты «Нейе Фрейе Прессе», — я видел, как французские жандармы и прусские солдаты совместно оглядывали на вокзале всех проезжающих и по указаниям полицейского комиссара Дюлака задерживали подозрительных по внешности лиц».³

«Порядочные французы здесь и в окрестностях прямо счастливы, что мы тут, иначе, говорят они, им пришлось бы туго», — писал в Берлин генерал фон-Папе: «Сен-Дени, само по себе, мерзкое гнездо с чисто-рабочим населением, подобное парижским предместьям (ein schlimmes Nest, nichts als Arbeiterbevölkerung, wie die pariser Vorstädte). Но мы держим его в железных руках (wir halten sie aber mit eiserner Faust nieder)».⁴

В таком же духе и почти дословно в тех же выражениях рисует режим прусской военной оккупации в этом районе и отношение к ней зажиточных слоев населения немецкий офицер граф Пфейль, полк которого стоял в это время в Энгвиене.⁵

«Само собой понятно, — добавляет Пфейль, — что наше правительство стояло на стороне версальского правительства, как единственно законного во Франции. Наблюдая собственными глазами происходящие события, мы были, конечно, душой и телом на стороне французских войск, которые научились уважать, как противников... Мон-Валерьен остался, к счастью, в руках правительства. Север с Сен-Дени и восток занимали мы. Наши передовые посты стояли плечо к плечу с французскими. Продолжительность нашего пребывания под стенами Парижа была неизвестна. Занятые нами пункты были теперь сильно укреплены, мы предпринимали разведки в сторону враждебных позиций (т. е. позиций коммунаров. — А. М.). Мы не считали невероятным, что нам придется еще раз штурмовать Монмартр, как более полустолетия тому назад (т. е. в 1814 г. — А. М.)».⁶

¹ «Lettres de Georges Bizet», p. 294.

² «Le Vengeur», 30/IV 1871.

³ C. A. Dauban, Le Fond de la société sous la Commune décrit d'après les documents qui constituent les archives de la justice militaire, Paris, 1873, p. 248—249.

⁴ «Le Cri du Peuple», 3/V 1871 (Les Croquants de Bagnolet). — Подробный разбор этой статьи дан в моей работе «Парижская Коммуна и крестьянство», М. — Л., 1925, стр. 49—54.

¹ «Голос», 23/IV (5/V) 1871 (Н. Щербань, С перепутья, VI).

² «La Vérité», 25/IV 1871 (A Saint-Denis).

³ «Neue Freie Presse», 29/IV 1871.

⁴ Holleben, op. cit., S. 77—78, 156—157.

⁵ Richard Graf von Pfeil, general-major, Vor vierzig Jahren. Persönliche Erlebnisse und Bilder aus grosser Zeit, Schweidnitz, [1911], S. 260—261, 266.

⁶ Ibidem, S. 242—243 (разрядка моя. — А. М.): «Wir hielten es für nicht unwahrscheinlich, dass wir noch einmal den Montmartre stürmen müssten, wie vor über einem halben Jahrhundert».

Такого мнения держались не только военные, но и некоторые дипломаты Германской империи. Вот отрывок из письма барона фон-Гольштейна, бывшего впоследствии видным руководителем германского министерства иностранных дел, а в это время находившегося при штабе немецких войск в Суази, близ Парижа (письмо датировано 22 апреля 1871 г.): «Я не думаю, что мы вмешаемся в это дело. В последние дни правительственные войска достигли, как кажется, небольших успехов... Самое большее нам пришлось бы бомбардировать Монмартр и Бельвилль (höchstens bombardiren wir Montmartre und Belleville)».¹

«Германская армия, продолжая воздерживаться от всякого прямого вмешательства между правительством и возмущением, — писала газета «Le Nord», — не отказывается, однакож, облегчить труд законным властям, когда представляется к тому случай, в размерах, какие позволяет ее положение. Так, 9 уполномоченных Коммуны, которые отважились явиться в Сен-Дени, были арестованы по приказанию немецкого коменданта».² Речь идет здесь, видимо, о национальных гвардейцах, командированных в Сен-Дени для розыска спрятанных в нем (во время первой осады) патронов и отправки их в Париж. Арестованные по распоряжению прусских военных властей, они были переданы агентам версальского правительства и отправлены в Версаль.³

«Пруссаки — полицейские агенты Тьера», — так озаглавлена была статья, появившаяся 28 апреля в парижской революционной газете «Мститель» по поводу поведения германской военщины в Сен-Дени. Газета давала правильное объяснение этому факту, подчеркивая, что «версальские роялисты» и «офицеры Вильгельма» являются «слугами одной и той же аристократической касты», что «у жандармов и пруссаков на деле один тот же враг — народ, пария немецкий или французский, пролетарий Берлина или рабочий Парижа».⁴

После подавления Коммуны французские провинциальные власти с признательностью отмечали, что в ряде районов Франции только присутствие немецких войск парализовало попытки поднять революционное восстание. Председатель судебной палаты Амьена писал: «Оккупация прусской армией департаментов Соммы, Уазы и Эна... не позволила парижскому восстанию ни получить, ни даже надеяться на получение активной под-

держки». «Пруссаки хорошо нас охраняют», — докладывал председатель судебной палаты округа Нанси: «Они страшатся всего, что могло бы нарушить порядок и спокойствие, и подавили бы с крайней строгостью первые признаки даже законного волнения; этой уверенности самой по себе достаточно, чтобы помешать проявлению... преступных намерений. Таким образом, можно сказать, что иностранная оккупация, будучи для нас кошмаром и разорением, является зато, как бы в виде компенсации, спасением для нас».¹

Характерной иллюстрацией этого вывода может служить один любопытный документ, сохранившийся в бумагах Коммуны и опубликованный два года спустя. Речь идет о протоколе заседания муниципального совета коммуны Монтрейль-су-Буа, расположенной близ Парижа (в округе Со, департамента Сены), от 7 апреля 1871 г. Обсуждался вопрос, как отнестись к полученному из Парижа приказу делегата Центрального комитета при военном министерстве, касавшемуся организации «маршевых рот». Дело шло, видимо, о постановлении военного делегата Коммуны Ключере от 4 апреля. Загипнотизированные видом официального бланка военного министерства, монтрейльские буржуа не знали сперва, как поступить. В конце концов, была принята следующая резолюция, исключительно характерная своей мотивировочной частью:

«В виду того, что исполнение этого приказа вызывает многочисленные трудности, так как, во-первых, мы имеем на территории коммуны прусские войска, и, во-вторых, 48-й и 210-й батальоны состоят из национальных гвардейцев разных коммун — Рони, Вильмомбль, Нейи-сюр-Марн, При-Бри и Нуази-ле-Гран — и не могут оставить свои родные места в виду оккупации всей их территории той же прусской армией, — члены совета считают, что нет возможности в настоящий момент исполнить приказ военного министра». Эта резолюция была принята единогласно, причем секретарю было поручено переслать ее в Париж Центральному комитету национальной гвардии.

Публикуя этот документ, реакционный историк Добан негодуяюще восклицает: «Хороша мотивировка, единственная мотивировка, которая дается, чтобы отказаться от содействия восстанию, — присутствие пруссаков!»²

Что в случае успеха Парижской Коммуны и распространения революционного движения на остальные части страны, французская буржуазия и правительство Тьера открыто бросились бы в объятия прямой германской военной интервенции, в этом сомневаться не приходится. Достаточно процесть хотя бы сле-

¹ Friedrich von Holstein, Lebensbekenntnis in Briefen an eine Frau. Eingeleitet und herausgegeben von H. Rogge, Berlin, [1932], S. 105—106.

² Цитировано в «Правительственном вестнике», 9/IV 1871.— См. «Московские ведомости», 11/IV 1871 (Делегаты Коммуны в плену у пруссаков).

³ Holleben (op. cit., S. 156) утверждает, что их было только два.

⁴ «Le Vengeur», 28/IV 1871 (Les Prussiens agents de police de M. Thiers) (разрядка моя. — А. М.): «... gendarmes et prussiens n'ont en réalité qu'un seul et même ennemi le peuple, le paria allemand ou français, le prolétaire de Berlin ou l'ouvrier de Paris».

¹ Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871, Paris, 1872, p. 101, 117, 152, 160.

² C. A. Dauban, Le Fond de la société sous la Commune, Paris, 1873, p. 82—83 (Extrait du registre des délibérations du conseil municipal de la Commune de Montreuil-sous-Bois. Séance ordinaire du 7 avril 1871).

дующее любопытное признание, сделанное в 1872 г. в печати одним из главарей партии орлеанистов, близким к Тьеру политическим деятелем — Эрнестом Дювержье де-Горанн: «Многие люди сожалеют о том, что 8 февраля 1871 г. депутаты [Национального собрания] не оказались смелы до конца и, подписывая мирный договор, не провозгласили в то же время в Бордо монархии. Депутатам представлялся тогда, говорят, случай, который больше не повторится... Бог знает, что было бы теперь с Францией! Восстановление королевской власти в Бордо послужило бы сигналом к гражданской войне и разложению страны. Коммуна распространилась бы на все большие города, она подняла бы даже деревни, и у нас не оставалось бы иного средства борьбы с нею, как сдать остальную Францию иностранным армиям».¹

Если версальцы этого не сделали в 1871 г., то лишь потому, что Коммуна не прижала их достаточно крепко к стене.

Цитируя эти слова Дювержье де-Горанна, член Коммуны Лефрансэ справедливо замечает по этому поводу в своих воспоминаниях: «Родина для этого сборища наглых плутов — это касса. Их Франция простирается лишь от банка до биржи и не далее того. Разве все они в один голос не твердили с 4 сентября 1870 и до 28 мая 1871 г.: «Помогите нам, храбрые немцы, спасти кассу. Мы ее поделим между собою. Труд рабочих, чьи отцы были нами убиты, даст нам впоследствии полную возможность вернуть свое».²

«В игре Тьера, — замечает в своих воспоминаниях другой член Коммуны, Арну, — был один козырь, и этим страшным козырем были пруссаки. С ними ему нечего было бояться. Победоносную на день революции... можно было на другой же день разбить о прусские штыки. Вместе с пруссаками он раздавил бы ее и поднял бы остальную часть страны, крича: «Посмотрите на этих революционеров, на этих социалистов: это они выдают отечество чужеземцам и обрекают нас на самое большое унижение, соглашаясь на страшные уступки. Это — соучастники, это — подкупленные Бисмарком, это — пруссаки!»³

Х

Будучи в любой момент готов бросить свой меч на чашу весов гражданской войны между Парижем и Версалем, чтобы решить вопрос в пользу последнего, Бисмарк стягивает немецкие оккупационные войска вокруг французской столицы. В середине апреля газеты сообщали о проводимом усилении гарнизонов в занятых немцами фортах к северу и к востоку от Парижа.

¹ E. Duvergier de Hauranne, La République conservatrice, «Revue des Deux Mondes», 1/VIII 1872, p. 568—569. (Пазрядка моя. — А. М.)

² G. Lefrançais, Souvenirs d'un révolutionnaire, Paris, 1900, p. 584.

³ А. Арну, Народная история Парижской Коммуны, П., 1919, стр. 109.

Один Сен-Дени получил подкрепление в 5 тысяч человек. Смысл этой концентрации, по словам прусской консервативной прессы, заключался в том, «чтобы воспрепятствовать прорыву восставших через северную часть крепостной стены и их прохождению через прусские линии».¹ Цель ясна: помочь версальцам, наступающим на Париж с юга, юго-запада и запада, запереть коммунаров со всех сторон, отрезать им всякий путь к отступлению.

Одновременно Бисмарк все настойчивее насаждает на версальское правительство, требуя от него скорейшей ликвидации Коммуны. Фавр в своих мемуарах подробно рассказывает о том, какие усилия приходилооь ему прилагать, чтобы успокоить растущее нетерпение германского канцлера и его генералов, считавших, что Тьер щадит восставших. В письме к кронпринцу Саксонскому Мольтке жаловался, что Тьер «проливает кровь французских солдат в ничего не значащих стычках, шадя парижских граждан, которых он не хочет по-настоящему схватить за горло».²

Всякое, действительное или мнимое, ослабление темпа развития наступательных действий версальских войск вызывает настоящую тревогу в Берлине, где оно расценивается как новый симптом бессилия Версаля против Коммуны. Мы уже приводили пессимистическую оценку боеспособности версальцев, которую давал в это время Бисмарк. Аналогичную оценку давало ей германское военное командование. Мольтке утверждал, что Тьер так же мало сделает с 200-тысячной армией, как и со 100-тысячной, которой он располагает.³ «Если им [версальцам] не помочь, — писал 26 апреля в Берлин генерал фон-Папе, — то, по-моему, им не справиться с парижанами, которые имеют за собой, по крайней мере, энергию. Я не предвижу этому конца».⁴

Мы видели также, какие подозрения владели в это время Бисмарком, опасавшимся внезапного нарушения версальским правительством своих обязательств по отношению к Германии. Впоследствии, когда Коммуна была подавлена, он откровенно признавался Фавру: «Мы предполагали, что, увеличивая с каждым днем число ваших солдат, вы имели намерение вступить в сношения с Коммуной, соединиться с ее защитниками и совместно броситься на нас. Согласитесь, что эти опасения не были лишены основания, поскольку вы, вопреки нашим повторным запросам, старались скрыть от нас действительное увеличение ваших сил и всячески затягивали осадные операции».⁵

¹ «Neue Preussische Zeitung», 15/IV 1871.

² Moltke, op. cit., S. 708, № 821; «Er [Thiers] vergiesst in nichts bedeutenden Gefechten das Blut französischer Soldaten, um den Pariser Bürger zu schonen, dem er nicht ernsthaft zu Leibe gehen will».

³ Ibidem. S. 708.

⁴ Holleben, op. cit., S. 204.

⁵ Favre, op. cit., p. 432—433.

Поистине, Бисмарк оказывал слишком много чести засевающим в Версале контрреволюционным заговорщикам против французского народа, которые беспощадно расстреливали пленных коммунаров и горели одним желанием — вырезать пролетарский Париж!

Фавр делал все, чтобы рассеять опасения Бисмарка. Лично и через прикомандированного к генералу Фабрице французского полковника Делагэ он не переставал заверять канцлера в твердой решимости. Версалья закончить с Коммуной. «Парижская революция, — говорил он Фабрице 8 апреля, — объясняется единственно упадком всякого морального чувства среди значительной части населения. Мы опасались, что и войска могут быть заражены всеобщим недоверием ко всему, что есть правительство, власть. К счастью, эти опасения не подтвердились, и теперь мы уверены в своих войсках. Это дает нам уверенность в нашей победе над инсургентами, которые не смогли выдвинуть ни-

каких принципов (?! — А. М.) и живут только грабежом (они разграбили и мой дом в Париже). Наше военное положение хорошо. Правда, мятежники еще владеют мостом в Аньере, но на всех других пунктах они отброшены назад, за крепостную стену. Тьер, ускоривший организацию армии и так активно занятый военными делами, питает твердое убеждение в том, что мы через несколько дней станем хозяевами Парижа. Тогда мы возможно быстрее разоружим национальную гвардию, после чего, мы уверены, все снова войдет в норму. Впрочем, наши военные операции были бы сильно облегчены, если бы императорское правительство разрешило нам двинуть на Париж войска по северной железной дороге, проходящей через Эпинэ, город, занятый немецкими войсками. Тьер сообщит

потом численность войск, о пропуске которых ходатайствует правительство».¹

24 апреля Фавр просил передать уполномоченному Бисмарка, что заключенное в этот день перемирие, известие о котором вызвало сильную тревогу в Берлине, не имеет иной цели, кроме эвакуации мирного населения полуразрушенного местечка Нейи. «Вы можете таким образом быть совершенно спокойны и успокоить также г-на фон-Бисмарка. Что касается молчания пушек, то я надеюсь, что завтра вам уже не придется говорить о нем. Не знаю, как доказать вам, что мы действуем со всей решительностью и что было бы нелепо приписывать нам сделку с восстанием».²

26 апреля Фавр телеграфировал Фабрице: «Вчера мы атаковали Исси огнем 48 орудий. Мы продолжали бомбардировку всю ночь и продолжаем ее днем. Мы завладеем Исси. Мы возьмем Париж силой оружия. Таким путем мы доказываем нашу геройность и нашу мощь».³ 30 апреля — новая телеграмма Фавра генералу Фабрице, текст которой приводим полностью: «Имею честь сообщить вашему превосходительству следующую телеграмму, которую я только что получил от генерала де-Сиссэ: «Наши войска идут от успеха к успеху. Если ультиматума, предъявленного гарнизону форта [Исси], окажется недостаточно, мы возьмем его силою. Офицеры и солдаты полны энтузиазма. Ваше превосходительство согласится, что я не брал на себя чего-либо чрезмерного. Я обещал не победить, — победа зависит только от бога, — но сделать все возможное, чтобы

¹ Die Grosse Politik, I, S 10, № 2.

² Favre, op. cit., p. 325.

³ Ibidem, p. 326.

добиться победы. За нас правота нашего дела и преданность наших храбрых солдат; мы восторжествуем, надеюсь, над всеми препятствиями».¹

Читая такого рода телеграммы, нельзя не сделать следующего бесспорного вывода. В борьбе против Коммуны правительство Тьера выступает не только как послушный приказчик французской буржуазии, но и как союзник германской реакции. Более того, версальское правительство с самого начала становится в позу борца за интересы «порядка» на всем континенте, во всем мире.² Действительно, если за спиною Версаля, буржуазно-помещичьей Франции, стоял Бисмарк, то за спиною Бисмарка стояла вся европейская реакция и, прежде всего, правительство царской России, непрерывно подталкивавшее Тьера (через своих дипломатических представителей) к скорейшему разгрому Коммуны.

XI

Изыскивая форму дальнейшей помощи Тьеру в деле скорейшей ликвидации Коммуны, форму, приемлемую для Версаля, стремившегося по возможности избежать открытой военной интервенции, Бисмарк и его генералы выдвигают план голодной блокады пролетарского Парижа, которая должна будет заставить его сложить оружие. Кронпринц Саксонский был убежден, что это произойдет не позже, чем через неделю с момента съявления блокады: ведь по имеющимся достоверным сведениям, в Париже нет никаких запасов, и население живет там «со дня на день».³

Приоритет в постановке этого вопроса принадлежал, видимо, генералу фон-Шлотгейму, начальнику штаба 3-й германской армии. 8 апреля он писал Мольтке: «Не понимаю, почему бы нам уже теперь, с молчаливого согласия версальского правительства, не отрезать парижанам en gros подвоз продовольствия как по железной дороге, так и по водным путям? Это было бы вернейшим средством призвать их к порядку».⁴

За проведение «полной изоляции Парижа (eine vollständige Absperrung von Paris)» высказывался и сам император, как это явствует из письма Мольтке к Бисмарку от 18 апреля.⁵ Не ограничиваясь этим, Вильгельм предлагал потребовать от

¹ Favre, op. cit., p. 330. В таком же тоне составлена и вторая телеграмма Фавра генералу Фабрице от 30 апреля (ibidem, p. 330—331).

² Die Grosse Politik, I, S. 10, № 2, Rouen den 8 April 1871, Фабрице — Бисмарку: «Французский министр [Фавр] добавил, что их борьба против мятежников — это борьба в интересах всего света...» («Der französische Minister fügte bei, ihr Kampf gegen die Empörer sei ein Kampf zugunsten der ganzen Welt...»).

³ Moltke, op. cit., S. 707 (H. Q. Compiègne, den 17 April 1871).

⁴ Holleben, op. cit., S. 110.

⁵ Moltke, op. cit., S. 703, № 818.

Коммуны полного разоружения парижской крепостной стены; в случае промедления с исполнением этого требования в ход должна быть пущена сила.

«Что может быть естественнее, чем отрезать Париж с обеих сторон?» — пишет Мольтке 22 апреля саксонскому кронпринцу.¹ Фельдмаршал напоминает, что соответствующее предложение неоднократно делалось Версалю. Вся загвоздка в том, что там хотят, чтобы блокада была проведена немцами и только немцами. Чувствуя свою зависимость от общественного мнения страны, Тьер и Фавр считают нужным прикрыть свое согласие на блокаду воплями «о насилии со стороны немецких варваров». Клеймя подобное лицемерие версальского правительства, Мольтке не без иронии замечает: «В нас достаточно нуждаются, но нас стыдятся (Man hat uns nötig genug, aber man schämt sich unser)».

«Осада была бы наиболее верным способом завладеть Парижем без пролития крови,—писал 23 апреля Окунев Горчакову.—Продовольственных запасов, имеющихся в настоящее время в Париже, кажется, может хватить лишь на две недели. Обрекая суровой блокадой столицу на голод, можно было бы заставить мятежников в ближайшем же будущем сложить с оружием. Говорят, что войск, которыми очень скоро будет располагать правительство, будет совершенно достаточно, чтобы провести эту блокаду в зоне, занятой французской армией. Но, чтобы осада была полной и действительной, необходимо содействие немецких войск на севере и на востоке Парижа. Необходимо было бы, чтобы между французским правительством и немецкими военными властями состоялось соглашение, в силу которого последние проводили бы эту блокаду и на своих пограничных линиях. Если бы г. Тьер попросил о содействии ему со стороны немецких войск, то в этом, по крайней мере, если судить по благожелательной позиции генерала Фабрице, занимаемой им до настоящего времени, французское правительство не встретило бы отказа. Глава исполнительной власти, кажется, тоже не сомневается в благожелательности генерала Фабрице. Но г. Тьеру неприятно обращаться к помощи вчерашнего врага; он вполне отдает себе отчет в том, что следствием этого шага явилось бы недоверие к его правительству и непопулярность его во Франции.² Соображение это, кажется, представляет серьезное препятствие к проведению блокады; последняя, кроме того, обрекла бы на страдания осадного положения и ту часть парижского населения, которая вовсе не причастна к мятежу».³

В письме к Фабрице от 24 апреля Бисмарк признавал, что

¹ Ibidem, S. 703, № 821: «Nichts wäre natürlicher, als Paris von beiden Seiten abzusperrern».

² Пометка Александра II: «Само собой разумеется».

³ Сборник документов «Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 г.», стр. 111.

«прекращение подвоза к Парижу» было бы «наиболее легко осуществимой мерой для подавления восстания». ¹ Однако, тут же он оговаривался, что «действительной эта мера может оказаться лишь в том случае, если будет обеспечено совместное действие обеих армий для проведения ее во всех пунктах». Говорят, что с версальской стороны Париж уже отрезан и что дело теперь за немцами. Спрашивается, однако, можно ли питать уверенность, что французы будут добросовестно соблюдать блокаду? Есть основание опасаться, что «в Версале постараются всячески избежать одиума этой меры» и переложить ее на немцев, что версальцы захотят пойти на частичное нарушение и одностороннее снятие блокады. «Только обоюдная военная конвенция, содержащая взаимное обязательство в проведении блокады, может гарантировать нас от этой опасности».

Установив это, Бисмарк дает волю своему раздражению против того, что он называет «системой Тьера», — скрывать от страны свою фактическую зависимость от германского правительства. Если Версаль рассчитывает на поддержку Германии, он должен открыто заявить об этом, открыто отдать себя в руки последней. В противном случае Германия не застрахована от неприятных сюрпризов со стороны Тьера, располагающего теперь более чем 100-тысячной армией. И Бисмарк ссылается на уроки брюссельских переговоров: «Французские представители в Брюсселе старались не только отклонить всякое новое наше требование, но и добиться благоприятного для Франции пересмотра условий предварительного договора о мире». Какой «разительный контраст» составляет эта неуступчивость Версаля с теми бесконечными уступками, которых он добивается от Германии, не заботясь о выполнении принятых на себя по мирному договору обязательств! Еще более возмутительно то, что Тьер поднимает численность своей армии значительно выше установленной цифры, даже не ставя об этом в известность немецкие власти! «Можно ли после всего этого доверять честности французского правительства?» спрашивает Бисмарк. И, возвращаясь к вопросу об участии немецких войск в голодной блокаде Парижа, канцлер приходит к заключению, что такое участие допустимо лишь в том случае, если инициатива блокады будет исходить от французов, и дело будет оформлено официальным соглашением между версальским и германским командованием. ²

Состоялось ли подобное соглашение и если состоялось — то когда? Ответить на этот вопрос с полной точностью, при нынешнем состоянии наших источников, довольно трудно. По словам Окунева, «никакого соглашения по этому поводу не было заключено». ³ Сообщение части французской буржуазной прессы о том, что соответствующая конвенция была заключена 22 апреля и что

Коммуна была уведомена об этом 23-го, ¹ противоречит тому, что Бисмарк только еще обсуждает этот вопрос в письме от 24-го, которое мы разбирали выше. Знаменательно, однако, что именно 22 апреля официальная газета Коммуны — впервые со времени 18 марта — опровергала слухи о «новой блокаде Парижа» и доказывала, что пока имеется только «наблюдательная блокада (un blocus d'observation)», которая не может помешать снабжению столицы и вызвать в ней голод, тем более, что запасов хлеба в Париже хватит еще на долгие месяцы. ² Знаменательно также, что именно 23 апреля информационное бюро Коммуны впервые отмечало беспокойство в рабочих кварталах столицы, вызванное слухами о возможности возвращения ко временам очередей и голодных пайков. ³

Хранящееся в парижском Национальном архиве донесение прокурора округа Корбейль дает нам возможность установить, что вплоть до 22 апреля германские оккупационные власти не принимали систематического участия в организуемой версальцами голодной блокаде Парижа; упомянутый прокурор обвинял их в том, что они способствуют «снабжению восставшего города», пропуская туда крупные партии скота. ⁴

Так продолжалось, повидимому, до 25 апреля. В этот день немцы остановили направлявшиеся в Париж продовольственные грузы, ⁵ в результате чего в рабочих кварталах столицы впервые обнаружилась нехватка молока, которая сразу же была поставлена в связь с перерывом железнодорожного сообщения. ⁶

28 апреля этот факт обсуждался на заседании Коммуны. Вопрос был поставлен Режером. «До сих пор, — заявил он, — пруссаки, казалось, хотели соблюдать нейтралитет между Парижем и Версалем; теперь они как будто от него отказываются». Некий поставщик, груз которого был задержан немцами в Сен-Дени, обратился к командующему там прусскому генералу, от которого получил следующий ответ: «Господа из Коммуны не пропускают вагонов и грузов по северной дороге, я не пропущу продовольствия для Парижа». «Это какое-то недоразумение», — закончил свой рассказ Режер: германское главное командование в Компье не имело, повидимому, никакого понятия о принятых в Сен-Дени мерах. Режеру отвечал Андриё, делегат комиссии общественных служб: «Считая необходимым принять предохранительные меры против версальцев, которые останавливают направляющиеся в Париж поезда, мы решили задержать отправку

¹ «La Vérité», 26/IV 1871. «Le Sémaphore de Marseille», 29/IV 1871.

² «Journal officiel» (Коммуны), 22/IV 1871. См. также официальную заметку «Substances» в той же газете от 29 апреля.

³ Dauban, Le fond de la société sous la Commune, Paris, 1873, p. 120.

⁴ Arch. nat. BB⁷⁰ 386 (1). Corbeil, le 22 Avril 1871. Прокурор республики — главному прокурору.

⁵ «La Vérité», 26/IV 1871 (L'Investissement).

⁶ Dauban, op. cit., p. 127, 137.

¹ Die Grosse Politik, I, S. 23, № 5.

² Ibidem, S. 24—27.

³ Волин, ук. соч., стр. 47.

грузов из Парижа; под действие этой меры попала по ошибке линия, занятая пруссаками, которые ответили тем, что помешали пропуску грузов в Париж. Это было простое недоразумение, и оно теперь улажено». «Версальцы,—говорил Остен,—внушили пруссакам, у которых до того не было намерения задерживать наши поезда, будто члены Коммуны не хотят больше пропускать к ним такие грузы, как сахар, соль и пр. Под влиянием этих-то аргументов пруссаки и отдали приказ остановить поезда». Надо, чтобы делегат внешних сношений обратился к ним с особой нотой, разъясняющей действительную позицию Коммуны в этом вопросе. Вновь выступивший Режер уверял собрание в «безусловном нейтралитете» немцев, которые не питают, дескать, «никаких симпатий к Версалу», что видно хотя бы из того, как они встретили присланные в Сен-Дени три сотни жандармов. Вальян напоминал, что пруссаки официально декларировали свой нейтралитет; он настаивал на соблюдении максимальной осторожности в отношении тех, кто в официальном органе Коммуны все еще обозначается иногда словом «неприятель». Председатель (Валлес) выразил сожаление по поводу помещения в этой газете заметки о якобы имевшей 25 апреля место передаче пруссакам одного тяжелого орудия и четырех митральез версальцам. «Я хотел бы,—закончил он среди возгласов одобрения,—чтобы мы не клали спичек возле этого порохового погреба».¹

Инцидент был улажен, чему немало способствовала политика Коммуны, рассчитанная на то, чтобы избежать всякого конфликта с немцами.² Еще большую роль играло то обстоятельство, что последние сами получали продовольствие через парижский железнодорожный узел, а потому были заинтересованы в правильном его функционировании. Этой заинтересованностью Германия могла бы поступиться лишь при условии немедленного открытия ею военных действий против Парижа. Отсрочка открытой интервенции означала и отсрочку полной блокады.

24 апреля, выступая в рейхстаге, Бисмарк дал волю своему раздражению против правительства Тьера. Остановимся на этой речи, в которой канцлер формулировал тогдашнюю позицию германского правительства по отношению к гражданской войне во Франции. Он начал с того, что выразил свое крайнее недовольство ходом брюссельских переговоров, выявивших, по его словам, затаенное желание французского правительства добиться

впоследствии смягчения для себя условий мира. Он добавил, что никогда не согласится на это. Переходя ко внутреннему положению во Франции, он заметил, что оно вынуждает Германию держать там гораздо более многочисленную армию, чем то было намечено при подписании прелиминарного договора о мире (26 февраля). Указав на то, что версальская армия насчитывает свыше 100 тысяч человек, он выразил надежду, что она справится с Коммуной, но добавил, что Германия должна быть готова и к иному исходу французских событий [т. е. к победе Коммуны], а для этого — быть во всеоружии, иначе победоносный мир, завоеванный ценою «столь больших жертв», может вдруг оказаться под ударом. «Мы могли бы, конечно, — продолжал он, — положить конец нынешнему положению дел во Франции путем нашего вмешательства, но я не мог решиться дать его величеству такой совет... (Возгласы одобрения.), так как надо опасаться, что непрошенное вмешательство в эти дела, я не хочу сказать объединит все части страны против нас, но все же сблизит их между собою. Весь одним ситуации будет тогда по своей воле французам манере возложен на вмешательство иностранцев... (Возгласы: Совершенно верно!) К тому же, я не хочу, чтобы мы уклонялись от той программы, которая выработана была его величеством императором... от программы невмешательства во внутренние дела других народов, даже в том случае, если мы так близко стоим к этому и наши собственные финансовые интересы, казалось бы, так сильно побуждают нас к этому. (Возгласы одобрения.)». «Возможно, — продолжал Бисмарк, — что нам удалось бы путем такого вмешательства упрочить признанное нами правительство; но возможно также, что это правительство, став предметом чужеземной поддержки, почувствовало бы себя в совершенно невозможном или, во всяком случае, столь неприятном положении, что ухватилось бы за подходящий повод к тому, чтобы уйти в отставку и снять с себя всякую ответственность. Тогда нашей задачей было бы образовать или найти какое-нибудь новое правительство для Франции». Свою речь Бисмарк закончил заявлением, что он не имеет в виду придерживаться политики воздержания от военного вмешательства во французские дела при всех обстоятельствах, и что, если потребуется, германское правительство сумеет «выступить на защиту своих интересов».¹ Это последнее заявление было встречено возгласами одобрения депутатов рейхстага.

¹ Procès-Verbaux de la Commune de 1871, t. I, Paris, 1924, p. 531—533.

² Та же почитка помогла уладить инцидент, возникший в середине апреля, когда национальные гвардейцы в районе ворот Шарантона задержали поезд с припасами для баварцев. Командированному на место происшествия члену Центрального комитета национальной гвардии Одуану немцы пригрозили перерезать всякое железнодорожное сообщение с Парижем, если через $\frac{3}{4}$ часа не будет дано удовлетворение (Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871, p. 496, протокол заседания Центрального комитета от 16 апреля 1871 г.).

¹ S'enographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages, I, 1871, S. 346—347: «Die Zusage einer Enthaltung um jeden Preis zu geben, halte ich aber nicht für indicirt; es würde das unter Umständen eine Aufmunterung, eine Zusage der Straflosigkeit, ein Verzicht sein kommen, während wir jedenfalls das Recht und die Pflicht haben, uns vorzubehalten, dass wir da wo wir unsere eigenen Interessen und Rechte verletzt oder gefährdet finden, nicht behufs Einmischung in fremde Angelegenheiten, sondern behufs der Verteidigung der eigenen, eingreifen».

Потерпев неудачу в вопросе об организации голодной блокады Парижа, руководители версальской контрреволюции возобновляют в конце апреля свои попытки добиться от Бисмарка 1) согласия на пропуск версальских войск через немецкие линии и через нейтральную зону (через город Сент-Уан) к северу от Парижа; 2) предъявления Коммуне ультиматума о разоружении парижской крепостной стены.¹ Бисмарк отвечал, что пойдет лишь на те требования Фавра, которые найдет совместимыми с интересами Германии. Требование пропуска версальских войск через нейтральную зону, писал он 27 апреля Фабрице, могло бы быть удовлетворено, если бы правительство Тьера не относилось так легко к обязательствам, вытекающим для него из предварительного договора о мире. Особенное негодование вызывает в Бисмарке плохо замаскированное стремление Фавра добиться очищения немцами восточных и северо-восточных фортов Парижа с передачей их версальцам еще до уплаты первого полумиллиарда контрибуции и до ратификации окончательного договора о мире. «Вы можете заявить г-ну Фавру, что я скорее посоветую его величеству императору немедленно возобновить военные действия, нежели соглашусь на подобное извращение духа версальского договора».²

Этот решительный отпор положил конец газетным уткам о предстоящей эвакуации занятых немцами парижских фортов. Пробный шар, пущенный одной из газет, которая сообщала, что форт Шарантон уже оставлен немцами и передан версальцам,³ оказался мыльным пузырем. Этот слух был без труда опровергнут Коммуной.⁴ Мало того: противопоставляя претензиям Фавра свои контрпретензии, Бисмарк требует от Версаля дополнительных денежных компенсаций для покрытия расходов, вызванных задержкой в сокращении численности немецких оккупационных войск во Франции.⁵

Наконец, в качестве «реального политика» он не отказывается и от секретных переговоров с Коммуной, рассчитывая, с одной стороны, запугать этим Тьера и побудить его к скорейшему оформлению окончательного договора о мире, а с другой — вытянуть из Парижа деньги, с уплатой которых медлил Версаль.⁶

¹ Die Grosse Politik, I, S. 28, примечание к документу № 9; S. 32, примечание к документу № 11.

² Moltke, op. cit., S. 30, № 9.

³ «La Vérité», 26/IV 1871.

⁴ «Le Cri du Peuple», 28/IV 1871 (письмо в редакцию члена Коммуны Жерезма).

⁵ Fabre, op. cit., p. 331—332 (письмо Фабрице—Фавру от 2 мая).

⁶ Немецкий историк Herzfeld в своей книге «Deutschland und das geschlagene Frankreich, 1871—1873» (Berlin, 1924), считает нужным указать при этом на то, что: 1) «настоящий террористический период Коммуны в то время еще не начинался»; 2) Бисмарк стремился, прежде всего, добиться освобождения арестованного Коммуной архиепископа; 3) германское прави-

Чтобы понять историю этих начатых по инициативе Коммуны переговоров, мы должны вернуться назад и обозреть ее политику в интересующем нас вопросе с самого начала ее существования.

Мы уже видели, что одним из первых шагов пролетарской власти, созданной в Париже победоносным восстанием 18 марта, была официальная декларация о признании ею условий предварительного договора о мире, опубликованная в прессе и доведенная до сведения немецких оккупационных властей.

Одновременно был провозглашен принцип, согласно которому вся тяжесть контрибуции, наложенной на Францию «безжалостными победителями», должна была лечь на плечи «виновников этой проклятой войны».¹

Принимая эти решения, Центральный комитет национальной гвардии действовал в полном согласии с общественным мнением восставшего города. Об этом свидетельствует позиция ряда революционных газет и организаций. Так, «орган синдикальных палат и рабочих ассоциаций» еще 19 марта предлагал для уплаты первого миллиарда контрибуции немедленно конфисковать имущества сенаторов и префектов империи, а также членов семейства Бонапартов, приобретенные ими начиная с декабрьского переворота 1851 г.² 29 марта бланкистская газета «Новая республика» поместила письмо одного из своих сотрудников, предлагавшего Коммуне потребовать от Версаля немедленной уплаты Пруссии 500 млн франков (первого взноса в счет контрибуции), а в случае неисполнения этого требования версальцами — сделать это самой, раздобыв деньги путем займа. Предложение это мотивировалось тем, что «город Париж в высшей степени заинтересован в незамедлительном удалении неприятеля с его территории».³

С этим соглашалась и радикальная пресса мелкобуржуазного направления. 23 марта, публикуя депешу генерала фон-Шлотгейма и ответ Центрального комитета национальной гвардии, прудонистская газета «Коммуна» заявляла, что, хотя ответственность за условия мирного договора лежит на Национальном со-

тельство не придавало этим переговорам особенно большого значения, не веря в прочность Коммуны. Этими тремя замечаниями Herzfeld рассчитывает, повидимому, ослабить неблагоприятное для Бисмарка впечатление, которое его переговоры с Коммуной могли бы произвести на буржуазного читателя.

¹ «Journal officiel» (Парижа), 21/III 1871. — 29 марта на заседании Центрально-комитета национальной гвардии один из его членов, Мальжурналь, внес предложение обложить всех лиц, оставивших Париж во время осады, особым налогом в размере от 5 до 100 франков, для уплаты контрибуции пруссакам (J. d'Arsac, Les Conciliabules de l'Hôtel-de-Ville, Paris, 1871, p. 21).

² «L'Ouvrier de l'Avenir», Organe des chambres syndicales et des associations ouvrières, № 3, 19/III 1871.

³ «La Nouvelle République», 29/III 1871 (письмо Э. Кюнемана от 27 марта)

брани, но, поскольку договор заключен, со стороны революции было бы безумием отказываться от его признания и осложнять существующую обстановку. Более того, революция должна ускорить уплату военной контрибуции, что позволит стране, освобожденной наконец от иностранной оккупации, без помехи заняться своими внутренними делами. Пруссаки понимают, что никакие события не могут отнять у них того материального залога, который они держат в своих руках. И газета приходила к оптимистическому выводу о характере позиции, занятой немецкими властями в отношении парижского восстания: «Несколько дней тому назад Франция в лице Жюль Фавра приходила к Бисмарку; сегодня Пруссия приходит к Парижу». ¹ 31 марта левопрудонистская газета «Крик народа», говоря о вопросах, с которых должна будет начать свою работу Коммуна, выдвигала на первый план «уплату Пруссии военной контрибуции». ²

Наиболее популярным способом расплаты с немцами являлась конфискация и продажа имущества действительных виновников войны, под которыми подразумевались «седанский герой» и «его сообщники Лебефы, Оливье, Граммоны, Паликао» (министры и генералы Наполеона III). Пятимиллиардный долг Германии, — заявляли публицисты Коммуны, — должен быть уплачен таким образом, чтобы «не задеть рабочего, трудящийся класс, наиболее нуждающихся патриотов, словом — все невинные жертвы». ³ Один из корреспондентов официальной газеты Коммуны предлагал изыскать необходимые суммы путем специального обложения собственности крупных капиталистов, — подлинных организаторов и подстрекателей военных авантур, — которую он на основании статистических выкладок оценивал в 160 миллиардов франков. ⁴ «Мы можем заплатить и утверждаем, что версальская республика не в состоянии этого сделать», заявляла анонимная листовка, датированная 3 мая. Автор этого документа доказывал, что у версальцев нет иного способа уплатить контрибуцию, как ввести новые налоги. Иное дело — «республика, демократическая республика, народная республика, Коммуна», которая легко может продать все движимое и недвижимое имущество бывших династий («Версаль, Сен-Клу, Компьен, Фонтенбло и другие княжеские резиденции»), всю массу церковных имуществ. ⁵ Орган Рошфора «Мо д'Ордр», с своей стороны, доказывал, что Пруссия скорее дождется своих пяти миллиардов от Коммуны, чем от Версаля. Демократический

Париж, вынужденный военным разгромом Франции «принять политические и финансовые последствия прусского мира», сумеет «найти в свободном применении своих экономических теорий быстрые способы уплаты [контрибуции]», недоступные «правительству буржуазной рутины». «Пять миллиардов не соберешь по грошам; их можно раздобыть лишь каким-либо смелым приемом (on n'amasse pas cinq milliards sou à sou on les trouve par un coup d'audace)». Не уточняя, каков должен быть этот «смелый прием», газета приходила к заключению, что пруссаки сохранят нейтралитет. ¹

Приведенные примеры, которые легко было бы умножить, показывают, с каким единодушием пролетарские и полупролетарские массы революционного Парижа, а отчасти и сочувствовавшие Коммуне группы мелкой буржуазии, высказывались за необходимость признания и выполнения мирного договора между Францией и Германией, как бы тяжелы ни были его условия. Общее настроение хорошо выразила бланкистская газета «Гора», подчеркнувшая, что скорейшая уплата военной контрибуции составляет «вопрос жизни и смерти» для революции, поскольку кредитор стоит у ворот Парижа и грозит своими пушками ратуше. Та же газета сумела подняться в этом вопросе на такую принципиальную высоту, которая позволила ей наметить ясную перспективу революционной ликвидации позорного мира, заключенного французской буржуазией. Он будет разорван «в день великого возрождения народов Германии», когда коммунары Парижа понесут к ним «семена труда и социальной революции», когда трудящиеся обеих стран поделят между собой сегодняшнюю контрибуцию, чтобы «на развалинах тирании, невежества, варварства» воздвигнуть здание международного мира и всеобщего изобилия. ²

Этот сдвиг в сторону революционного пролетарского интернационализма показывает, как повысилась классовая сознательность парижских рабочих в героические дни Коммуны.

Чтобы обеспечить себе действительный нейтралитет немецких войск, еще стоящих под стенами Парижа, правительство Коммуны с самого начала старается избежать малейшего конфликта с ними. 24 марта новая власть опубликовала следующее постановление: «Центральному комитету стало известно, что несколько человек, одетых в форму национальных гвардейцев, в коих опознали бывших жандармов и городских сержантов, стреляли по прусским линиям. Комитет предупреждает, что,

¹ «La Commune», 23/III 1871 (La Prusse parlementaire).

² «Le Cri du Peuple», 31/III 1871 (Questions révolutionnaires).

³ J.-P. Bertrand, Grande nouvelle. Moyen de payer les cinq milliards des prussiens sans qu'il en coûte un centime aux bons patriotes. Qui casse les verres les paye, Paris, 1871 (Листовка от 1—15 мая).

⁴ «Journal officiel» (Париж), 25/III 1871.

⁵ «Les Cinq Milliards payés par la Commune» (Paris, 1871).

¹ «Le Mot d'Ordre», 22/IV 1871 (L'Intervention prussienne).

² «La Montagne», 3/IV 1871 (Francis Enne, Le Culte): «...nous saurons bien les reprendre au jour de la grande résurrection des peuples d'Allemagne quand nous irons leur porter la semence fécondante du travail et de la Révolution sociale, et nous les partagerons pour en faire de la paix, de la richesse et du bon pain qu'on mangera ensemble, du bon vin qu'on boira en trinquant sur les cadavres à jamais ensevelis de la tyrannie, de l'ignorance et de la brutalité».

если подобный случай повторится, он примет все необходимые меры к обнаружению виновных, которые будут тотчас же расстреляны. Безопасность целого города требует этих мер строгости».¹

Несмотря на это постановление, подобные случаи повторялись и в апреле, преимущественно по ночам. От них явно несло провокацией со стороны агентов реакции, хотя немецкие источники все сводят, конечно, к пьянству национальных гвардейцев. Повторялись и случаи появления вооруженных федератов в пределах нейтральной зоны между Сен-Дени и Парижем. Иной раз дело осложнялось реквизициями.

Немецкое командование крайне нервно реагировало на все такие случаи нарушения со стороны Парижа прелиминарных условий мира,² «забывая» о том, что эти условия уже фактически аннулированы руанской конвенцией, которая радикально изменила их в интересах Версаля. Удивительно, конечно, не это, а то, что Коммуна ни разу не обратила внимания немецких властей на «странную» односторонность их требований! Вот ответ Кюзере на ультимативное письмо главного командования 3-й германской армии от 10 апреля, содержавшее угрозу немедленного возобновления военных действий против Парижа в случае повторного нарушения последним неприкосновенности нейтральной зоны: «Генерал! В ответ на поступившие ко мне жалобы считаю своим долгом поставить вас в известность о том, что, 1) намерения Коммуны состоят в том, чтобы соблюдать уже заключенные военные конвенции, что, 2) при том состоянии дезорганизации, в котором я застал здесь военные дела, нет ничего удивительного, если имели место и еще могут иметь место достойные сожаления происшествия, что, 3) я отдам строжайший приказ о том, чтобы ваши требования были удовлетворены. Что касается, в-четвертых, вооружения валов, то я твердо знаю, что на восточной стороне, той, которая обращена к занятым немецкими войсками линиям, это не имело места; относительно же западной и южной сторон, где мы без всякого к тому повода атакованы версальским правительством, там мы вынуждены защищаться. Пускай это правительство оставит нас в покое и прекратит свой натиск на нас. До тех же пор, пока оно будет стремиться нас уничтожить, мы сделаем все возможное, чтобы разжать пальцы, которыми оно хочет сдавить нам горло. Одним словом, мы хотим жить в мире со всеми, с вами как и с другими, но жить в независимости, и если на нас нападают, мы защищаемся».³

Подчеркнутые нами слова (в оригинале подчеркнуто только одно слово — в независимости: unabhängig) хорошо передают дух внешней политики Коммуны, в частности ее политики по отно-

шению к Германии. Немецкий генерал, из книги которого мы заимствуем этот интересный документ, подчеркивает, однако, другое: то, что Кюзере в своем письме не коснулся вопроса о северной стороне парижской крепостной стены, также обращенной лицом к немецким линиям, и не ответил на инкриминированную коммунарам попытку вооружения своих позиций при Сен-Уане (попытку, которая была расценена немцами как акт враждебный и равносильный вооружению восточной стороны валов). Но даже этот автор вынужден признать, что Кюзере действительно принял меры к выполнению взятых им на себя в этом письме обязательств. Речь идет о приказе от 11 апреля (этим числом датирован и цитированный ответ Кюзере), в котором военный делегат напоминал национальным гвардейцам о недопустимости их появления с оружием в руках в пределах окружающей Париж нейтральной зоны: «Пруссаки строго соблюдают конвенцию и требуют того же от нас. Это их право, и мы должны уважать его».¹

Во всех недоразумениях, возникавших время от времени на почве нарушения одной из сторон свободы сообщений вокруг Парижа, Коммуна проявляла возможную предупредительность по отношению к немецким властям.

То же следует сказать и об отношении Коммуны к интересам германских граждан в Париже. Посол США Уошберн, на котором с начала франко-прусской войны лежала защита этих интересов, писал 11 апреля Бисмарку: «Так как мне все еще доверено дело защиты ваших соотечественников, то я снабдил паспортом каждого из них, кто этого пожелал. Национальные гвардейцы, кажется, относятся с уважением к таким паспортам, так как я не слышал, чтобы хоть одному немцу, снабженному таким паспортом, было отказано в выезде из Парижа. Враждебность к немцам, о которой я писал вам в своем письме от 29-го числа прошлого месяца, кажется, несколько ослабела. С того дня я не слышал ни об одном случае насилия. Я не могу знать, сидят ли еще в [парижских] тюрьмах какие-нибудь немцы. Но всякий раз, как я требовал освобождения заключенного немца, это тотчас же исполнялось». 25 апреля Уошберн доносил в Вашингтон статс-секретарю по иностранным делам Фишу: «Я отправился в Мазас и не встретил никаких затруднений, чтобы добиться освобождения трех заключенных немцев, в том числе одного священника».²

¹ «Journal officiel» (Коммуны), 11/IV 1871.

² Americas Aid to Germany in 1870—71. An abstract of the official correspondence of E. B. Washburne, U. S. Ambassador to Paris, St. Louis, 1905, p. 419 (цитировано по статье K. Kautsky, War die Pariser Kommune deutschfeindlich? «Die Gesellschaft», № 3, Berlin, März 1925, S. 233). Неизвестно, чем закончилось ходатайство Уошберна об освобождении из тюрьмы четырех немецких монахинь, арестованных (вместе с другими монахинями) по делу о преступлениях, творившихся в монастыре Пиклюс. В письме от 10 мая генерал Фабрице просил американского посла принять меры к их освобо-

¹ «Journal officiel» (Парижа), 25/III 1871.

² Holleben, op. cit., S. 105.

³ Ibidem, S. 106—107.

По требованию немецких властей Коммуна согласилась разоружить внешние укрепления форта Венсенн, обращенного лицом к немецким линиям и вооруженного вопреки конвенции о перемирии. По немецким источникам дело рисуется в следующем виде.

23 апреля 1-й баварский корпус, расположенный в Шарантоне и находившийся под командой генерала фон-дер-Танна, обнаружил появление пушек на трех бастионах Венсеннского форта. Извещенное об этом главное командование предложило немедленно предъявить Коммуне ультимативное требование о разоружении форта в 24-часовой срок, под угрозой открытия огня по его укреплениям. Одновременно были приведены в состояние боевой готовности форт Ножан и редуты Гравель и de la Faisanderie. Назначенный срок еще не истек, как от Коммуны было получено письмо за подписью двух ее членов (среди них — Делеклюза), обещавшее немедленное выполнение предъявленного немцами требования. Утром 25-го оказалось, что выставленные на валах пушки исчезли. В то же время от Коммуны прибыло новое письмо, — на этот раз от делегата внешних сношений, — столь же успокоительного для немецких генералов характера.¹

Инцидент был исчерпан, о чем Паскаль Груссе не замедлил довести до сведения пленума Коммуны от 24 апреля, на котором были оглашены «нота, присланная пруссаками относительно вооружения форта Венсенн, и решения, принятые делегатом внешних сношений по согласованию с военным делегатом». Предложение одного из членов опубликовать эту переписку в печати было отвергнуто Коммуной, объявившей эту часть своего заседания секретной. Прошло предложение Паскаля Груссе ограничиться опубликованием заметки, составление которой и было поручено автору предложения.² Заметка была опубликована в официальном органе Коммуны 25 апреля. Она была составлена в следующих выражениях:³

«В виду того, что за последние дни распространился слух о предстоящей эвакуации северных и восточных фортов германской армией и о возможной передаче их версальским войскам, командующий Венсеннским замком счел необходимым вооружить несколькими пушками валы этой крепости. Эта мера предосторожности дала повод к следующему инциденту. Вчера к воротам Шарантона прибыл парламентар, посланный командующим первым корпусом германской армии с тем, чтобы потре-

ждению. Делегат юстиции, к которому обратился Уошберн, заявил ему, что эти махарины останутся в тюрьме до тех пор, пока не будет закончено следствие, которое должно выяснить, виновны они или нет в убийствах, совершенных в монастыре (Kautsky, op. cit., S. 234).

¹ Holleben, op. cit., S. 193.

² Procès-Verbaux de la Commune de 1871, t. I, p. 457—458.

³ «Journal officiel» (Коммуны), 25/IV 1871.

бовать от Коммуны строгого соблюдения конвенции от 28 января. Военный делегат дал немедленное удовлетворение этому требованию, приказав разоружить бастионы Венсенна».¹

В конце апреля вопрос о Венсеннском форте вновь обострился. Жители местечка того же наименования обратились в Версаль с жалобой на насилие, чинимые якобы преданными Коммуне батальонами, наводнившими местечко, вопреки точному смыслу прелиминарного договора о мире. Одновременно сообщалось, что гарнизон форта увеличен до 1800 человек и что пушки все еще остаются на его валах. Население надеется, что немецкие военные власти избавят его «от этой тирании». Фавр немедленно снесся с Фабрице. Последний написал Шлотгейму, Шлотгейм — фон-дер-Танну. Были выделены два офицера — один для выяснения всего дела на месте, другой для поездки в Париж в качестве парламентаря. Оказалось, что добрые буржуа из местечка Венсенн базировали свою жалобу не столько на действительном положении вещей, сколько на своих страхах и опасениях. Никаких пришлых национальных гвардейцев в Венсенне не оказалось, численность гарнизона форта была преувеличена в пятнадцать раз.² Правда, над мэрией развеялся красный флаг, правда, комендант форта должен был признать, что бывали моменты, когда последний насчитывал более сильный гарнизон и когда на валах стояли пушки. Но посланный в Париж парламентар — баварский лейтенант Гайндл — привез максимально удовлетворительный письменный ответ, врученный ему в самой ратуше.

«Предупредительный прием, оказанный обоим немецким офицерам, и заявления, им сделанные, не говоря уже о готовности, с которой материальная сторона предъявленных требований была улажена революционерами, вновь свидетельствуют о беспокойном стремлении избегать всякого конфликта с немцами». Таков вывод, к которому приходит на основании рассказанных здесь фактов историограф 1-го баварского армейского корпуса за время войны 1870—1871 гг.³

Правительство Коммуны, действительно, стремилось избежать образования второго внешнего фронта — к северу и востоку от Парижа — в лице немецких войск. С этой целью оно и вступило в переговоры с германскими оккупационными властями.

¹ 24 апреля Окунев сообщает об этом Горчакову в шифрованной телеграмме следующего содержания: «Повстанцы вооружают форт Венсенн. Фабрице принудил их разоружить форт под угрозой его бомбардировки».

² 8 мая комендант форта Фавро донесил Коммуне, что он располагает только 120 вооруженными людьми (Dauban, op. cit., p. 340).

³ Holleben, op. cit., S. 195—198. — Паскаль Груссе воспользовался этим случаем, чтобы попытаться упорядочить сношения между германским правительством и правительством Коммуны. В письме на имя генерала фон-дер-Танна он высказал пожелание, чтобы впредь немецкие власти, за исключением чисто военных вопросов, обращались не к военному делегату, а к делегату внешних сношений, через которого Коммуна «как законодательная и суверенная власть города Парижа» и должна сношаться «с другими народами».

ХІІІ

Ход этих переговоров рисуется в следующем виде.

Вечером 29 марта, на третьем по счету заседании Коммуны, делегат внешних сношений Паскаль Груссе внес предложение декретировать роспуск Национального собрания, вступить в дипломатические сношения с иностранными государствами и заявить о соблюдении прелиминарных условий мира. Паскаля Груссе поддержал Клеманс, выразивший пожелание, чтобы позиция Коммуны «в вопросе о пруссаках» была определена в первой же прокламации.¹ Никакого решения по этому вопросу в этот день принято не было.

3 апреля Паскаль Груссе от имени Исполнительной комиссии внес на заседание Коммуны предложение «вступить в сношения с пруссаками и уведомить державы об установлении Коммуны в Париже». Возражение одного из членов (Ж. Б. Клемана), что «Коммуна не нуждается в признании со стороны монархических правительств»,² не повлияло на решение Коммуны, и 4 апреля Груссе обратился к командующему расположенной под Парижем 3-й германской армией с письмом следующего содержания: «Генерал! Делегат Парижской Коммуны по иностранным делам имеет честь сообщить вам следующее. Город Париж в такой же степени, как и остальная Франция, заинтересован в соблюдении заключенных с Пруссией мирных условий; вследствие этого ему необходимо знать, каким образом эти условия выполняются. Я бы покорнейше просил вас, учтя это обстоятельство, почтить меня ответом, сделан ли версальским правительством первый взнос в 500 млн фр., и если сделан, то назначен ли немецкими военными властями срок для очищения части территории департамента Сены, как и фортов, входящих в состав территории Парижской Коммуны. Я был бы вам весьма признателен, генерал, за сообщение просимых мною сведений».³

Какое значение придавал Груссе этому своему шагу, видно из того, что он просил коменданта парижского укрепленного района, члена Коммуны Бержере обставить передачу его письма немцам «соответствующим декорумом» — переслать его через офицера штаба Коммуны с эскортом.⁴

Вручение цитированного письма немецким военным властям состоялось утром 5 апреля. Его предъявители — полковник Фио и три других офицера Коммуны — обратились в ближайший к Парижу пункт Шарантон, к командующему здесь баварскому генералу фон-дер-Танну, который, ознакомившись с содержа-

нием письма, предложил посланцам Коммуны вернуться в Париж, чтобы оттуда обратиться в Компьен, резиденцию главного командования 3-й армии. О происшедшем последнее было тотчас же поставлено в известность. Несколько часов спустя обращение Паскаля Груссе было передано командованию 1-й прусской гвардейской дивизии в Сен-Дени, которое поспешило отослать поступивший документ в Компьен, откуда оригинал был переслан в Руан, генералу Фабрице.¹ Ответа на него не последовало,² на что с удовлетворением мог указать Фавр, огласивший ноту министра иностранных дел революционного Парижа в заседании версальской «деревенщины» от 10 апреля.³ Интересно, что один только факт вручения этого документа немецкому командованию привел к возникновению в Версале слухов, будто делегаты Коммуны завязали дружественные сношения с немцами. Слухи эти были немедленно опровергнуты генералом Фабрице, заявившим, что с немецкой стороны дело ограничилось получением письма Коммуны.⁴

Вечером 4 апреля — значит еще до передачи обращения Паскаля Груссе — у баварских аванпостов в Шарантоне появился офицер главного штаба Коммуны Ceupet, который объяснил, что имеет поручение выяснить, собираются ли немцы, как ему передавали, очистить форт того же названия. Если слух о предстоящей эвакуации форта верен, то спрашивается, кому он будет передан — версальцам или Коммуне. Получив отрицательный ответ по вопросу об эвакуации форта, представитель Коммуны заявил, что, по его мнению, в случае эвакуации форт перейдет к той из враждующих сторон, которая опередит другую.⁵ Рассказанный здесь эпизод стоит в прямой связи с изложенным выше обращением делегата внешних сношений, который ставил, однако, вопрос обо всех фортах правого берега Сены, находившихся в тот момент в руках немцев.

Как велико было стремление Коммуны не допустить перехода этих фортов в руки версальцев, что, конечно, резко ухудшило бы ее военное положение, показывает новая попытка договориться по этому вопросу с немцами, имевшая место 6 апреля. Вечером этого дня к командующему в Сен-Дени генералу фон-Папе были введены два прибывших из Парижа представителя Коммуны. Один из них назвался начальником главного штаба Росселем и вручил прусскому генералу следующее письмо: «Генерал! Сможем ли мы, не опасаясь столкновения с немецкими войсками, занять форты правого берега по мере их очище-

¹ *Holleben*, op. cit., S. 93, 108.

² «Я смотрю на это обращение, — пишет 8 апреля генерал Шюттгейм Мольтке, — как на попытку проверить, соответствует ли действительности газетное известие о том, что первые 500 млн уже уплачены».

³ «*Journal officiel*» (Версая), 11/IV 1871.

⁴ *Die Grosse Politik*, I, S. 11, № 2 (Rouen, den 8 April 1871).

⁵ *Holleben*, op. cit., S. 92—93.

¹ Procès-Verbaux de la Commune de 1871, t. I, p. 49—52.

² *Ibidem*, p. 113.

³ *Le livre noir de la Commune de Paris*. Bruxelles, 1871, p. 163.

⁴ *L'Autographe. Evénements de 1870—1871* (directeur H. de Villemessant), Paris, 1871, p. 18: «Je vous prie donner un certain apparat à la démarche que nous faisons auprès du commandant en chef du 3 corps d'armée prussienne...»

ния вами? Военный делегат Кюзере». Постскриптом гласил: «Полковник главного штаба Россель имеет все необходимые полномочия». Передавая это письмо, Россель добавил, что при условии передачи фортов Коммуне последняя готова уплатить немцам 200 млн франков. Предложение Коммуны принято не было.¹

В середине апреля правительство Коммуны сделало новую — третью по счету — попытку вступить с немецкими военными властями в переговоры по вопросу о выполнении условий мира. Соответствующее предложение было сделано военным делегатом Кюзере, который сообщает, что он предпринял этот шаг по настоянию члена Коммуны Белэ, действовавшего по поручению ее Исполнительной комиссии.² Напомним, что Белэ был членом комиссии финансов и исполнял обязанности делегата при Французском банке. Участие финансового ведомства в этом деле подтверждается появившейся в революционной прессе заметкой о том, что «комитет финансов берется уплатить 1 млрд франков в счет падающей на Париж части прусской контрибуции и погасить этот долг в десять лет», не прибегая при этом к увеличению косвенных налогов.³ (Кюзере писал немцам только о полумиллиарде франков). Не случайно, что эта заметка опубликована была газетой, выходящей под редакцией Паскаля Груссе, делегата внешних сношений Коммуны.

Кюзере не указывает точной даты этого своего обращения к немцам. Из записок секретаря Бисмарка Морица Буша, ссылающегося на телеграмму канцлера генералу Фабрице от 10 апреля, можно заключить, что это обращение имело место до 10-го. Но Мориц Буш ошибается: телеграмма, о которой он говорит, была послана, как увидим сейчас, не 10-го, а 20 апреля.⁴ Дата же новой попытки Кюзере вступить в переговоры с немцами приходится на 15 апреля.⁵

Как отнеслись к этой новой попытке немецкие власти? Письмо военного делегата Коммуны было получено главной квартирой 3-й германской армии, которой командовал саксонский кронпринц Альберт. Последний ограничился тем, что поручил своему начальнику штаба протелеграфировать текст полученного письма без всяких добавлений фельдмаршалу Мольтке и генералу Фабрице. В Берлине немедленно по получении этого документа был созван военный совет, по окончании которого обращение Кюзере было переслано Бисмарку с карандашной

пометкой Вильгельма I: «Но ведь это же верх наглости! (Das ist doch le comble der Frechheit!)»

Крепкое выражение «его величества», отражавшее не только его личное мнение, но и мнение берлинских военных кругов,¹ не произвело на канцлера должного впечатления. 18 апреля он посылает к императору статс-секретаря по иностранным делам фон-Тиле, которому поручает убедить Вильгельма в необходимости выслушать предложения Коммуны. Верный себе Гогенцоллерн категорически отказывается от разговоров с «парижскими бунтовщиками». Тут начинается самое интересное. Канцлер настаивает на своем предложении в особом письме, не скрывая того, что он обижен, и угрожает отставкой. На своего упрямого повелителя он старается воздействовать следующими аргументами: «Мы до сих пор почти совершенно незнакомы ни с хозяйственной деятельностью, ни с политическим и финансовым положением Коммуны, — пишет он, — никакой нелояльности по отношению к французскому правительству не получится, если мы воспользуемся этим случаем, чтобы составить себе более точное представление о положении вещей в Париже. Ведь, речь идет вовсе не о том, чтобы протянуть руку к соглашению с восстанием; наоборот, выяснив его намерения и средства, мы получим возможность оказать версальскому правительству в глазах общественного мнения Франции существенную услугу, если только захотим поделиться с ним полученными этим путем сведениями».²

Замечания на полях этого документа, сделанные рукою Вильгельма I, хорошо характеризуют твердолобую ограниченность типичного прусского юнкера, уверенного в «божественном» происхождении своей власти и презирающего всякие компромиссы, всякие обходные пути: «Я не могу понять, что нам даст такое знание средств [восстания], поскольку мы никаких дел с этой узурпаторской властью не имеем (da wir mit dieser usurpierten Regierung nichts zu tun haben)». Не дело германского правительства шпионить в пользу Версаля, тем более, что оно не состоит с ним в союзе. Вопреки уверениям канцлера, переговоры с Коммуной будут актом «не вполне лояльным по отношению к версальцам (nicht ganz loyal vis à vis der Versailler)», по отношению к признанному Германией правительству.³

Продержав у себя два дня письмо Бисмарка, император вынужден был под конец уступить ему. 20 апреля канцлер мог

¹ Holleben, op. cit., S. 94.

² «Mémoires du général Cluseret», Paris, 1887, I, p. 211. — Ср. показания Кюзере перед комиссией из членов Коммуны, производившей следствие по делу о бывшем военном делегате, арестованном 30 апреля. («Journal officiel», 24^{IV} 1871.) Этот пункт его показаний никем оспорен не был.

³ «L'Affranchi», 22^{IV} 1871.

⁴ Les Mémoires de Bismarck recueillis par Maurice Busch. Paris, 1899, II, p. 15—16. Повидимому, это просто опечатка.

⁵ Holleben, op. cit., S. 151.

¹ Бывший прусский военный атташе в Париже, адъютант императора Вильгельма I граф Вагндерзее заносит 17 апреля в свой дневник: «Коммуна предложила нам уплатить 500 млн при условии, что мы очистим ее северные форты. Ей даже не будет дано ответа». (Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee, hrsg. vom H. O. Meisner, B. I., Stuttgart u. Berlin, 1925, S. 130.)

² Goldschmidt, op. cit., S. 74—75, Akten № 39 (Der Reichskanzler Fürst von Bismarck. Immediatbericht an Kaiser Wilhelm I, Berlin, 18 April 1871).

³ Ibidem, op. cit., S. 76 (Randbemerkungen Wilhelms I).

телеграфировать генералу Фабрице: «Прикажите ответить Кюзере, что вы готовы выслушать предложения, которые он намерен вам сделать, и довести их до моего сведения. Желательно было бы выпытать у него, из каких средств Коммуна рассчитывает уплатить контрибуцию». «Может быть вам удастся также, — добавлял Бисмарк, — убедить этих людей в бессмысленности всего их предприятия и выяснить у них, имеются ли какие-нибудь шансы для нашего посредничества между Парижем и Версалем».¹

На первый вопрос Бисмарка Фабрице отвечал уже 21 апреля. Он доносил, что по наведенным им справкам у Коммуны почти вовсе нет собственных денег, что она прибегает к изъятию денег у частных обществ и отдельных лиц. 23 апреля саксонский генерал получает новое задание — позондировать почву, не удастся ли склонить «вождей Коммуны» к тому, чтобы они сдали Париж немцам.² Многозначительное молчание всех наших источников служит лучшим доказательством того, что поручение Бисмарка не могло быть исполнено. Канцлер Германской империи должен был убедиться, что имеет дело с людьми совсем иного типа, чем Трошо или Фавр.

Говоря о стараниях Коммуны избежать образования второго внешнего фронта, необходимо, однако, отметить, что не все элементы революционного Парижа достаточно ясно сознавали всю реальность перспективы германской интервенции. Еще в середине апреля газеты Коммуны успокаивали читателей преувеличенными слухами об упадке дисциплины и о росте дезертирства в частях ландвера, расположенных в окрестностях Парижа.³ Другие подчеркивали наличие широко распространенных симпатий к Коммуне и ее бойцам в рядах офицеров и солдат оккупационных войск, уставших от войны и затронутых республиканско-демократической пропагандой сторонников Якоби; отсюда делался вывод о невозможности для прусского генералитета организовать открытую интервенцию на стороне версальцев.⁴ Бисмарк не вмешается, доказывали третьи, по причинам, вытекающим из международного положения Германии, Австрии, Италии, Швейцарии, с неминуемым кризисом в Румынии, где нарастает недовольство немецкой династией, а также с деятельностью друзей Коммуны за границей. . .⁵ Свое неверие в возможность интервенции четвертые обосновывали ссылками на немецкую либеральную прессу, в частности, на берлинскую

«Национальную газету», которая высказывалась тогда против вмешательства Германии во внутренние дела Франции.¹

С особым удовлетворением цитировали речь Бисмарка в заседании рейхстага от 24 апреля. «Из этой речи вытекает, — писала газета «Коммуна», — что Пруссия не имеет ни малейшего намерения вмешаться в наши дела, что она не очистит фортов, даже если Версаль уплатит ей 500 миллионов, а подождет, пока мир не будет окончательно подписан, что, наконец, она не примет участия в столь желанной для Тьера блокаде. Эта политика соответствует интересам Пруссии и она же рассеивает тучу, которую хотели затемнить политический горизонт Коммуны».²

Недооценка факта сотрудничества немцев с версальцами замечается иногда и в рабочих кварталах Парижа, где на веру принимается рассказ вернувшегося с фронта федерата, сообщавшего, что «отряд жандармов, прибывший в Сент-Уан, был принят в штыки прусским кордоном, причем имела место ружейная перестрелка». Рассказанный здесь случай заимствован нами из доклада информационного бюро Коммуны от 23 апреля.³ А вот уличные разговоры в рабочем районе, которые это бюро отмечает в докладе от 8 мая: «Пруссаки у всех на устах. Да, — говорят, — теперь они поступают благородно. Посмотрите, как они соблюдают нейтралитет. Ведь от их поведения зависит вопрос, будет ли перевес на стороне версальцев. Стоит им только подвергнуть нас голодной блокаде, и Коммуне конец. Но они этого не хотят, так как, что бы там ни говорили, а это честные люди, которые сознают, что право на стороне Парижа. Да, отвечает хор голосов, это честные люди. . . Они питают отвращение к нашим иудам-предателям, и если бы их пушки не должны были оставаться нейтральными, они, пожалуй, показали бы себя Мон-Валерьюну. . .»⁴

Тщетно бьет тревогу член Коммуны Фортюне, указывающий на заседании 24 апреля на то, что в районе форта Шарантон прусские солдаты и версальские жандармы действуют заодно.⁵ Вера в нейтралитет Германии упорно держится в совете Коммуны до самого конца апреля.⁶

XIV

26 апреля в оккупированном немцами форте Обервилье состоялось свидание между военным делегатом Коммуны Кюзере и представителем германского правительства фон-Гольштейном. О том, как было подготовлено это свидание, рас-

¹ *Goldschmidt*, op. cit., S. 79—80, Akten № 41.

² *Mémoires de Bismarck* recueillis par M. Busch, II, p. 16. — Фабрице поручалось также выяснить, какие ресурсы имеются в Париже.

³ «La Social», 17/IV 1871 (*Dépêches et nouvelles*).

⁴ *Ibidem*, 18/IV 1871 (*En province*).

⁵ «Le Vengeur», 18/IV 1871 (обзор за подписью *Arthur Monanteuil*).

¹ «La Commune», 18/IV 1871 (обзор: *Extérieur*).

² *Ibidem*, 27/IV 1871 (*La politique prussienne*).

³ *Dauban*, op. cit., p. 120.

⁴ *Ibidem*, p. 242.

⁵ *Procès-Verbaux de la Commune de 1871*, t. I, p. 437.

⁶ *Ibidem*, p. 531—533 (протокол заседания 28 апреля).

сказывает нам главный посредник в этом деле — д-р Вильгельм Кан, совмещавший в это время обязанности сотрудника швейцарского посольства в Париже с обязанностями сотрудника немецкой комендатуры в Сен-Дени. Этот ловкий субъект, доставлявший Бисмарку информацию о деятелях Коммуны, познакомился с Кюзере уже в начале апреля и успел оценить его предупредительное отношение к баварским и баденским гражданам в Париже, защита интересов которых лежала на швейцарской миссии. Из своих встреч с Кюзере Кан вынес убеждение, что имеет дело не с убежденным революционером, а с авантюристом по природе. 22 апреля, будучи вызван в местечко Суази, куда генерал Фабрице перенес свою резиденцию из Руана, Кан встретился здесь с сотрудником дипломатического ведомства фон-Гольштейном, с которым он незадолго до того познакомился в Сен-Дени. Гольштейн заявил ему следующее: «Нам эта история надоела до бесконечности. . . в Берлине держатся того мнения, что Тьер всячески щадит Париж и путем нескончаемых мелких стычек стремится до того утомить национальных гвардейцев, чтобы они сами прекратили дальнейшую борьбу и согласились на какой-нибудь компромисс. Я очень хотел бы поэтому знать, как отнесется к вопросу о соглашении с Версалем вождь Коммуны, которым я считаю в настоящий момент Кюзере. По этому вопросу я хотел бы лично переговорить с ним, а заодно коснуться и другого вопроса большой важности, именно вопроса об освобождении архиепископа Дарбуа, к судьбе которого проявляет живейший интерес ее величество императрица Августа. Думаете ли вы, что нам удастся склонить Кюзере к тому, чтобы встретиться со мною в Сен-Дени?»¹

«Доктор» отвечал, что сомневается в согласии Кюзере, но обещал завтра же передать ему приглашение Гольштейна. Нужно ли добавлять, что последний просил Кана не посвящать военного делегата Коммуны в содержание предстоящих переговоров. 23 апреля Кан посетил Кюзере, который, к удивлению своего собеседника, сразу согласился на свидание, предложив местом встречи форт Обервилье, а днем — 26 апреля. Известие о том, что военный руководитель революционного Парижа идет на переговоры, было встречено в штабе генерала Фабрице с большим удовлетворением.²

Что Кюзере был не одинок в Париже в своем стремлении обеспечить Коммуне действительный нейтралитет Бисмарка ценою соответствующих компенсаций, мы уже видели из предыдущего изложения. Добавим, что как раз накануне свидания в Обервилье влиятельная газета «Отец Дюшен» посвятила инте-

ресующему нас вопросу целую статью.¹ Статья упрекала членов Коммуны в том, что они до сих пор «не уплатили пруссакам их проклятой контрибуции». «А ведь ясно, как день, что нам нужно прежде всего освободить нашу территорию и завладеть фортами или по меньшей мере обеспечить городу нейтралитет касок и дать ему уверенность в том, что если они не очистят фортов, то во всяком случае не отдадут их версальским мятежникам, и что у нас будет линия сообщения с правой стороны». От уплаты контрибуции зависит судьба Коммуны, ее престиж в стране. Версальцы прекрасно сознают это: недаром распространяют они слухи о том, что Тьер уже уплатил немцам часть причитающейся им суммы. «Отец Дюшен» убежден, что Коммуне тем легче будет договориться с Бисмарком, что последний должен опасаться воинственных замыслов версальских монархистов и не может не знать о мирных стремлениях парижских революционеров. В заключение газета рассказывала о работнице, которая принесла в редакцию свои скромные драгоценности, чтобы пожертвовать их на дело уплаты контрибуции.²

25 апреля — в день опубликования цитированной выше статьи — действия военного делегата были одобрены Исполнительной комиссией Коммуны. Кюзере было поручено предложить немцам 500 млн франков, из коих 350 могли быть внесены немедленно.³ 26-го, сопровождаемый Каном и одним из своих офицеров, военный делегат Коммуны выехал на форт Обервилье.⁴

О том, что произошло на этом любопытном свидании, продолжавшемся почти два часа, мы узнаем из подробного рассказа обоих его участников.⁵ Гольштейн начал с того, что он упоможен только выслушать предложения, которые ему будут сделаны, и передать их в точности германскому командованию. После общеполитического вступления, содержавшего характеристику сущности Коммуны как революции муниципальной, а не национальной, Кюзере перешел к практическим предложениям, смысл которых сводился к следующему. Коммуна уплачивает Германии 500 млн франков в качестве первого взноса в счет контрибуции; с своей стороны, германское правительство обязуется соблюдать строжайший нейтралитет в происходящей во Франции гражданской войне. «Пусть предоставят нам самим объясниться с Версалем, пусть не вмешиваются в наши дела, и мы разделаемся с ним силою оружия», добавил Кюзере. Гольштейн

¹ «Le Père Duchêne», № 40, 5 floreal an 79 (25/IV 1871), p. 3—4.

² Ср. у М. Вальома, В дни Коммуны (записки), Л., 1925, стр. 126—127 (Патристка).

³ Cluseret, Mémoires du général . . . , t. II, p. 2.

⁴ О подробностях этой поездки на форт Обервилье и обратно см. Cahn, op. cit., S. 345—348.

⁵ Cluseret, op. cit., II, p. 1—15 (L'Entrevue d'Aubervilliers). — Goldschmidt, op. cit., S. 100—106, № 57 (донесение Гольштейна Бисмарку от 27/IV 1871).

¹ D-r Wilhelm Cahn, Pariser Gedenkblätter. Tagebuchaufzeichnungen aus der Zeit des grossen Krieges, der Belagerung und der Commune, Berlin, 1898, III, S. 329—333.

² Ibidem, S. 336—338, 344—345.

отвечал, что арест парижского архиепископа восстановил против Коммуны общественное мнение Европы. «Не далее как сегодня принц [Альберт Саксонский] получил протестующее письмо от епископов Англии и Баварии с просьбой о вмешательстве. ¹ Если только вы освободите архиепископа и его сестру, общественное мнение немедленно повернется в вашу сторону». Ключере отвечал, что он лично осуждает аресты, произведенные Коммуной среди церковников, как «крупную политическую ошибку». Репрессии против духовенства отвлекают, по его мнению, рабочих от борьбы с буржуазией, «которая пользуется попом совершенно так же, как тореадор пользуется красным флагом, чтобы отвлечь от себя ярость быка». «Не скрою от вас, что я считаю освобождение архиепископа делом исключительно трудным, если не просто невозможным. Я подниму этот вопрос в совете. Обещаю вам во всяком случае следить за его безопасностью, пока он находится в тюрьме; что касается его сестры, то это дело другое, я за него возьмусь. Успокойте друзей архиепископа относительно условий его заключения: он не подвергается никакой опасности и не терпит недостатка ни в чем».

Интересны аргументы, с помощью которых военный руководитель пролетарской революции старался убедить своего сиятельного собеседника в том, что юнкерская Германия может только выиграть от торжества Коммуны. Если победит Версаль, — заявлял Ключере, — это приведет в более или менее близком будущем к восстановлению монархии во Франции. Монархия эта, чтобы удержаться, должна будет поднять вопрос о реванше. Конечно, ей не удастся добиться реванша, конечно, ее ждет участь Наполеона III, но прежде чем пасть, она успеет разорить и Францию, и Германию военными приготовлениями, успеет втянуть обе страны в новую войну. То же произойдет и в том случае, если из недр версальской палаты выйдет республика, которая окажется столь же деспотической, а значит и столь же воинствующей, как и монархия. «Итак, что бы ни произошло вслед за победой Версаля, она будет для вас источником постоянной тревоги», — доказывал Ключере. «Никогда вы не сможете насладиться покоем. А, ведь, Германия нуждается в покое не меньше, чем Франция. У вас есть железо, но у вас нет золота. Слава не имеет кредита у булочника, и ваш народ, ныне опьяненный шовинизмом, завтра будет искать в немецком отечестве только

¹ 24 апреля Бисмарк телеграфировал Фабрице: «Архиепископы Вестминстерский и Познанский считают, что жизни их парижского коллеги угрожает опасность. Я этого не думаю, но все же прошу ваше превосходительство использовать стремление Коммуны к установлению с нами связи и серьезно указать ей на то, что в случае подбоя пскушения возмущение общественного мнения Европы могло бы принудить нас к выступлению в интересах человечества» (*Goldschmidt*, op. cit., S. 96, Acten № 53). Добавим, что о заступничестве в пользу архиепископа Дарбуа просили Гисмарка также экс-императрица Евгения, русская генеральша Ольга Панкратьева и некоторые другие представители высших кругов монархической Европы.

то, что ему действительно нужно, — материальную обеспеченность. Нация состоит не из одних герцогов и графов, армия состоит не из одних офицеров. Прислушайтесь к ропоту ваших солдат, раздраженных тем, что их так долго держат во Франции». Гольштейн: «Это — правда, мы хотим скорее покончить с этим положением, из-за этого страдает дисциплина». Ключере: «Что же будет, если это положение станет хроническим и заставит вас держать под знаменем людей, которых ждут полевые работы, ждут мастерские? Ваши парламенты поддержат вас, но кто поддержит ваши парламенты? Поверьте мне, что в результате и у вас в Германии появятся ростки революции...»

С победой Коммуны «картина меняется совершенно». «Мы, рабочие, питаем отвращение к войне и жаждем мира. Наши битвы носят мирный характер, других мы не признаем; деньги, которые мы готовы уплатить вам в качестве военной контрибуции, мы вернем себе с избытком, благодаря свободному труду. Свободный труд, вы не знаете еще, что он может дать! Вы не имеете и понятия о том, что значит потребление при условии умножения числа производителей... Я видел нечто подобное в Америке, хотя и там уже дает себя знать капитал...» «Германия, — продолжал Ключере, — создана для этой мирной борьбы... Что ей мешает, так это страх перед вооружениями Франции, который заставляет и вас разоряться на вооружениях. Мы избавим вас от этого страха. Федерация коммун не будет иметь других войск, кроме национальной милиции, предназначенной исключительно для обороны, а не для нападения. Разоружение таких двух стран, как Франция и Германия, позволит и другим народам последовать их примеру. В результате Европа превратится в обширный рынок, активность которого сделает невозможной попытку войны или революции. Но осуществиться все это может лишь на развалинах буржуазии, поскольку эта последняя вынуждена содержать постоянную армию для обеспечения своего преобладания, своих привилегий, своей праздности и своего тщеславия, которые покоятся на эксплуатации труда. Заметьте, что я говорю: буржуазия, ибо интересы аристократии совсем иные».

Мы не будем останавливаться на критике этой аргументации Ключере, которую он излагает с таким самодовольством. Верные мысли — о миролюбивом характере внешней политики пролетарского государства — переплетаются здесь с наивными разглагольствованиями мелкобуржуазного, лассальянского порядка — о различии интересов аристократии и буржуазии и т. п.

Какое впечатление произвела эта речь на немецкого дипломата? Из рассказа Ключере можно заключить, что Гольштейн не выдвинул никаких возражений даже после того, как военный делегат закончил свои рассуждения следующим резюме: «Думается, что мне удалось вам доказать вашу заинтересованность в торжестве Коммуны». Возвращаясь к непосредственной цели

переговоров, Кюзере заставил своего собеседника согласиться с тем, что «пока Париж будет держаться против Версаля», последний не заплатит немцам ни одного су. «Коммуна, — продолжал он, — хочет вам заплатить и может вам заплатить». Он указал, что 350 млн франков могут быть внесены немедленно; что касается остальной суммы, то ее можно будет погасить из такого источника, как муниципальные доходы Парижа.¹

«Все это хорошо, если вам удастся удержаться, — заметил Гольштейн, — но ведь оборона держится, как мы знаем, на одной голове, а эта голова может исчезнуть».

Кюзере: «Меня могут убить, но не знаю, право, кто от этого выиграет. Не пройдет и двух недель, как версальцы войдут в Париж, который будет предан огню и мечу. Тьер победит, но обесиленная буржуазия падет; истощенная и кровавоточащая, она, в свою очередь, ляжет в могилу, вырытую для нее ненавистью и мстостью народа...»

Гольштейн: «Я предвижу для вас опасности другого рода... Вы падете жертвой какой-нибудь партии».

Кюзере: «Они не посмеют. Это было бы смертным приговором для Коммуны, ибо у нас, к несчастью, нет никого, кто мог бы меня заменить. Я же считаю себя хозяином, полным хозяином положения, с военной точки зрения, понятно... Знаете ли вы, с каким контингентом я держу Нейи против одного из их корпусов? С 1200 бойцов. И я настолько спокоен за исход борьбы, что даже не думаю о ней. Мне жаль пороха, который я делаю им честь тратить там, ибо если бы мои люди стоили того, чего стоили их отцы, Парижская коммуна должна была бы взять Версаль ударом хлыста».

Самоуверенная развязность Кюзере заставляет нас прервать здесь на минуту наше изложение. Этот, считающий себя незаменимым, военный руководитель рабочей революции открыто хвастается перед немецким юнкером как раз тем, за что его справедливо укоряло в это время общественное мнение пролетарского Парижа: саботажем дела мобилизации военных сил, оставлением фронта без достаточных подкреплений! И он же позволяет себе впрямую героических защитников Коммуны в недостатке героизма!

На вопрос Гольштейна, чего же требует Коммуна взамен предлагаемых ею денежных платежей, Кюзере отвечал: 1) недопущения голодной блокады Парижа; 2) соблюдения строгого нейтралитета, в частности обязательства в том, что оккупированные

¹ В этом пункте Кюзере прерывает свой рассказ, чтобы обрушиться на «странную финансовую политику Коммуны», которая не подумала о захвате миллиардов Французского банка (*Cluseret*, op. cit., II, p. 9—10). Спрашивается, однако, почему он не восставал против этой действительно губительной политики во время существования Коммуны. Почему он тогда не предскажет взятия из этой крепости капитала деньги, необходимые для уплаты хотя бы части прусской контрибуции?

немцами форты не будут переданы версальцам; 3) продажи Коммуне большой партии усовершенствованных ружей-шаспо, которыми вооружена версальская армия и которых нет у национальной гвардии.

Гольштейн отклонил третье из этих требований на том основании, что выполнение его немцами означало бы нарушение нейтралитета,² и заявил, что ручается за принятие первых двух. «Предупредите население, — добавил он, — что в ближайшие дни нам придется прекратить подвоз к Парижу продовольствия, ибо нам самим грозит голодовка в Сен-Дени из-за растущего притока эмигрантов, которые туда прибывают; впрочем, эта мера продлится не более одного-двух дней». Далее Гольштейн задал вопрос, не будет ли со стороны Коммуны каких-либо возражений против возвращения на родину французских военнопленных. Кюзере: «О нет, решительно никаких». Гольштейн: «Вам известно, что они возвращаются, чтобы сразиться против вас?» Последовал ответ, в котором чудовищная самоуверенность военного сочеталась с не менее чудовищной слепотой политика: «Что значит для меня 100 тысяч человек больше или меньше! Никогда Версалу не победить силою; это может случиться лишь в результате измены или анархии. И потом, разве эти люди умеют драться?»

Гольштейн: «Они умеют убивать».

Кюзере: «Возвращайте, возвращайте, чтобы не говорили, что я содействовал удлинению срока пребывания французов в плену».³

Так закончилось это любопытное свидание, из которого немецкий дипломат вынес, должно быть, не очень высокое представление о политических способностях военного министра Коммуны, показавшего себя тем «жалким, навязчивым, тщеславным и честолюбивым болтуном», каким его характеризовал Маркс.⁴

Расставаясь с Кюзере, Гольштейн спросил, желает ли он, чтобы их разговор был предан гласности. Кюзере высказался против гласности. Свое решение он объяснял потом мотивами

¹ К этому пункту своего рассказа Кюзере делает следующее примечание: «Барон фон-Гольштейн предложил мне занятие южных фортов. Это предложение, если бы я его принял, ослабило бы (?! — А. М.) оборону Парижа» (*Cluseret*, op. cit., II, p. 12).

² В этом месте Кюзере прерывает свой рассказ следующими рассуждениями: «Я бы мог указать ему на то, что нейтралитет, соблюдаемый, когда дело шло о продаже Парижу партии шаспо, не соблюдается, когда дело шло об обеспечении Версаля солдатами; но к чему? Ведь, тогда пришлось бы высказаться за оставление французов на чужбине, плохих французов, но все-таки французов» (*Cluseret*, op. cit., II, p. 13).

³ Гольштейн в своем донесении Бисмарку ни словом не упоминает об этом пункте.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIIV, стр. 338 (письмо Маркса — Энгельсу от 10 сентября 1870 г.).

чисто оппортунистическими; страхом перед возможной дискуссией в клубах, боязнию сделать вопрос об архиепископе достоянием «улицы». ¹ Переговоры в Обервилье не были преданы гласности.

До сих пор мы излагали их содержание по рассказу Кюзере. Дополним его теперь на основании рассказа Гольштейна. Из донесения последнего Бисмарку мы узнаем, что Кюзере не ограничился вопросом, о которых он говорит в своей книге, но выразил еще пожелание, чтобы германское правительство выступило в качестве посредника между Парижем и Версалем и добилось установления следующего *modus vivendi*: 1) столица разоружается, но не занимается версальскими войсками и получает право на коммунальную автономию, 2) Национальное собрание, полномочия которого истекли, распускается и уступает место новому, которому Париж обязуется подчиниться. Кюзере добавил, что непосредственные переговоры с Версалем невозможны, так как Тьер не хочет слышать ни о каких уступках и ограничивается неопределенным обещанием амнистии. ²

Кто уполномочил Кюзере выступить с подобным предложением, осуществление которого привело бы, конечно, к полному разгрому революционного Парижа объединенными силами германской и французской реакции? Документация, которой мы располагаем, оставляет этот вопрос открытым. Одно несомненно: иллюзии Кюзере были в известной мере иллюзиями самой Коммуны, которая в течение долгого времени явно склонялась к переоценке германского «нейтралитета». Об этом свидетельствует и заявление, сделанное 9 мая членом Комитета общественного спасения Феликсом Пиа корреспонденту одной консервативной немецкой газеты. ³

Граничащее с вредительством головоупятое поведение Кюзере в переговорах с Гольштейном облегчалось, конечно, самим составом правительства Коммуны, в котором мелкобуржуазные демократы дополняли пролетарских революционеров, зараженных мелкобуржуазными предрассудками. В этом вопросе, как и во всех других, роковым образом сказывалось отсутствие у восставших в 1871 г. парижских рабочих классовой партии, послужившее решающей причиной их поражения.

Возвращаясь к рассказу Гольштейна, мы узнаем, что Кюзере обязался не только добиваться освобождения архиепископа и его сестры, но и немедленно выпустить на свободу всех немецких военнопленных, которые могли бы оказаться в парижских тюрьмах. Он добавил, что нет никаких оснований опасаться «социалистических экспериментов» в Париже и беспокоиться по поводу эксцессов против частной собственности, которые

могли здесь иметь место в течение первых недель и которые составляют, как он выразился, неизбежные издержки всякого народного движения. Он, Кюзере, ручается, что эта фаза уже пройдена Коммуной. В заключение он выразил надежду, что в случае, если версальцы ворвутся в Париж, немцы вмешаются «в интересах человечности» и не допустят, чтобы он был уничтожен. ¹

В своих мемуарах Кюзере оптимистически расценивает результаты своих переговоров в Обервилье: «Я вынес из этого свидания убеждение, что форты не будут отданы версальцам и что снабжение Парижа не будет нарушено. Это было все, чего я хотел». ² Что Бисмарк продолжает и будет продолжать пополнять армию противников Коммуны живой силой, это его не смущает; что немецкие оккупационные войска нарушают и будут нарушать свой «нейтралитет» в пользу версальцев, это его не тревожит.

Расставаясь с Каном, Кюзере просил его передать Гольштейну, что он примет все меры к тому, чтобы выполнить взятые на себя обязательства. ³

XV

27 апреля на заседании Исполнительной комиссии Коммуны военный делегат сделал сообщение о своей поездке на форт Обервилье. Первая часть этого сообщения не вызвала, по его словам, никаких возражений; зато вопрос об освобождении архиепископа и его сестры встретил решительное сопротивление Бланкисты, которые еще не потеряли надежды на освобождение своего вождя, были задеты тем, что военный делегат своим предложением лишал их возможности продолжать переговоры об обмене архиепископа на Бланки. «Прото отвечал мне, что движение в пользу архиепископа поддерживается почти исключительно женщинами полусвета, ... что выпустить на свободу архиепископа значило бы дать опорный пункт версальской реакции в Париже». Паскаль Груссе и Вальян поддержали Прото. К ним присоединились остальные из присутствовавших членов Исполнительной комиссии (Кюзере упоминает о Виаре, который был близок к бланкистам, об Андриё и Журде, которые принадлежали к прудонистской группе). Возражения Кюзере не имели успеха: вопрос был поставлен на голосование и решен отрицательно. После долгой борьбы на двух заседаниях военному делегату удалось только добиться освобождения сестры архиепископа, причем в этом деле он нашел под-

¹ *Mémoires du général Cluseret*, II, p. 13—14.

² *Goldschmidt*, op. cit., S. 104—105.

³ «Beilage zur «Allgemeinen Zeitung» (Augsburg), 17/V 1871.

¹ *Goldschmidt*, op. cit., S. 101—102, 104, 106.

² *Cluseret*, op. cit., II, p. 15.

³ *Cahn*, op. cit., II, S. 347—348.

держку в якобинце Курне, занимавшем тогда пост делегата общей безопасности.¹

Из всех этих фактов, о которых сообщает наш источник — мемуары Кюзере, — в печать проникло только известие (в форме телеграммы из Берлина), что Кюзере обещал генералу Фабрице, действовавшему от имени Бисмарка, поставить перед Коммуной вопрос об освобождении архиепископа и других церковников и выражал надежду на благоприятное разрешение этого вопроса.²

Что последовало с немецкой стороны за свиданием в Обервиле? Об этом мы узнаем из переписки Бисмарка с генералом Фабрице. На депешу последнего от 27 апреля, излагавшую содержание переговоров между Гольштейном и Кюзере, канцлер ответил в тот же день согласием на условия, выставленные военным делегатом Коммуны: сохранение нейтралитета и воздержание от участия в блокаде. Требования Кюзере признавались более умеренными, чем можно было ожидать, особенно в пункте о разоружении Парижа. «Мне кажется теперь, — добавлял Бисмарк, — что соглашение между Парижем и Версалем дело не безнадежное, если только точка зрения Кюзере является господствующей в Париже». Фабрице должен позондировать у Фавра, как тот отнесется к подобному соглашению, заключенному при посредничестве немцев.³

В телеграмме от 28 апреля Бисмарк идет еще дальше. Он предлагает своему уполномоченному выяснить у Кюзере возможность временного занятия Парижа немецкими войсками, в случае, если город будет разоружен, но не занят войсками Версаля. Получив благоприятный ответ от Кюзере, Фабрице должен добиваться такого же от Тьера. Он может указать версальцам на то, что коммунальная автономия, выведенная из старых прусских регламентов, «не есть сама по себе нечто бессмысленное, если только с ней не связывать каких-либо коммунистических мероприятий», — поучает своего агента Бисмарк.⁴

Отрываясь от интересующей нас депеши, заметим, что несколько дней спустя (2 мая) Бисмарк повторил — на этот раз с трибуны рейхстага — это свое «толкование» сущности Коммуны. В этом движении, заявил он, при всех его отталкивающих свойствах (обусловленных присутствием большого числа ино-

странцев, «сторонников европейской интернациональной республики») имеется «зерно истины», которое заключается в стремлении к прусскому городскому устройству.¹ В таком же духе еще 29 апреля секретарем канцлера Морицем Бушем была составлена для печати официозная заметка «о двойственном лице Коммуны (Aufklärung über das doppelte Gesicht der Kommune)».²

Известно, как ядовито высмеял это «открытие» Бисмарка Маркс в составленном им манифесте Генерального совета Интернационала по поводу гражданской войны во Франции: «Только какому-нибудь Бисмарку, употребляющему все время, свободное от интриг, в которых на первом месте всегда кровь и железо, своему старинному, больше всего подходящему к его умственным способностям сотрудничеству в «Kladderadatsch'e», только такому человеку могло притти в голову, что Парижская коммуна, в сущности, стремилась к прусскому городскому устройству — карикатуре на французское городское устройство 1791 г., превращающей городские советы во второстепенные колеса прусского государственного полицейского механизма».³

Спрашивается, однако, какая задняя мысль заставляла Бисмарка идти на такие неприличные для прусского юнкера вещи, как «кокетничанье» лозунгами «парижских бунтовщиков», вызвавшее потом протесты со стороны некоторых газет реакционного направления.⁴

Вот эта мысль. «Если мы добьемся того, — писал он Фабрице, — что нам удастся занять Париж с одобрения обеих французских партий, обеспечив его коммунальную автономию до тех пор, пока французы договорятся между собой, и властной рукой водворить во Франции внутренний мир, то мы лучшим этим наше собственное положение и обеспечим себя самих от возможного вероломства со стороны Версаля. Вот почему мы должны всячески избегать участия в действиях, враждебных Парижу».⁵

Что этот «хитроумный» план был подсказан Бисмарку беспокойством за судьбу мирного договора, с выполнением условий которого версальцы не спешили, видно уже из конца его телеграммы Фабрице от 27 апреля. «Требования французских уполномоченных в Брюсселе относительно 5 млрд и Восточной железной

¹ Cluseret, op. cit., II, p. 16—19. — Мы лишены возможности проверить этот рассказ Кюзере по каким-либо другим источникам. Что касается, в частности, протоколов заседаний Исполнительной комиссии Коммуны, то таковые не сохранились.

² «La Commune», 1/V 1871.

³ Goldschmidt, op. cit., S. 107, Akten № 58.

⁴ Ibidem, S. 107—108, Akten № 59: «Die communale Unabhängigkeit nach Art unserer Städteordnung ist an sich keine unverständige Forderung, wenn nicht etwas weiteres communistisches Beiwerk damit verknüpft ist. Vielleicht lassen die verständigen kommunalen Bestrebungen von denen der internationalen Revolution trennen».

¹ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages, B. I, S. 519: «Dieser vernünftige Kern... ich darf es mit einem Worte bezeichnen: es ist die deutsche Städteordnung; wenn die Kommune diese hätte, dann würden die Besseren ihrer Anhänger zufrieden sein, ich sage nicht alle».

² M. Busch, Unser Reichskanzler, Leipzig, 1884, II, S. 103—104.

³ К. Маркс, Гражданская война во Франции (1871 г.), 1937, стр. 77. — С трибуны рейхстага это «открытие» Бисмарка было подвергнуто уничтожающей критике Бебелем, разоблачившим в речи от 25 мая 1871 г. одновременно и невежество и лицемерие канцлера в этом вопросе (Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages, I, S. 921).

⁴ См., например, «Kölnische Volkszeitung», 28/V 1871.

⁵ Goldschmidt, op. cit., S. 108.

дороги, — возмущается здесь Бисмарк, — показывают, что над нами просто издеваются (*leigen qu'on se moque de nous*).¹

Несколько дней спустя (2 мая) д'Убри телеграфировал Горчакову: «Бисмарк недоволен Тьером, который, по его словам, увиливает, требует присутствия и помощи Фабрице, но ничего не заключает в Брюсселе, где он старается сократить оплату военных издержек до 3 млрд. Парижская Коммуна ходатайствует о немецком посредничестве, соглашаясь на немецкую оккупацию Парижа и доводящая коммунальную организацию наподобие немецких городов. Тьер отвергает это посредничество». «Нам потребуется, быть может, — прибавляет Бисмарк, — прибегнуть к другим мерам и сговариваться с Версальским собранием помимо Тьера». ²

Говоря о переговорах Бисмарка с Коммуной, нужно также учитывать следующее обстоятельство: он был убежден в тот момент, что версальцам не удастся взять Париж, — так он прямо и заявил генералу Блументалю на приеме у кронпринца 28 апреля. ³

На следующий день (29 апреля), в разговоре с книгоиздателем Брокгаузом, канцлер совершенно огорошил своего собеседника следующим заявлением: «Впрочем, если бы версальцы не заплатили, мы могли бы получить наши деньги также и от парижан, если бы захотели согласиться на их условия (мы ведем с ними переговоры, но не можем заключить какого-либо соглашения, пока версальцы еще кажутся в состоянии победить). Они готовы тотчас же уплатить 500 млн и требуют от нас только, чтобы мы защитили их от мести со стороны версальцев и с этой целью заняли Париж своими войсками. То, чего они добиваются для Парижа, это в сущности не что иное, как прусское городское устройство». «Тот факт, что Бисмарк действительно поддерживает сношения с Коммуной, — замечает Брокгауз, — есть нечто совершенно новое и поразительное (*ist ganz neu und über-gasch-nd*). Если дело не пойдет иначе, — заключает Брокгауз, — он (Бисмарк), в конце концов, даст Тьеру пасть и заключит мир с парижанами. ⁴

Действительным намерением Бисмарка, озабоченного тем, чтобы застраховать себя от возможного срыва прелиминарного договора о мире, было, заняв Париж в качестве залога, продиктовать свою волю Тьеру — заставить его увести свои войска за линию реки Луары и в этом положении возобновить переговоры о мире. Ну, а Коммуна? Ее судьба должна была быть принесена в жертву интересам Бисмарка, который готов был, в случае несогласия коммунаров на занятие Парижа немецким гарнизоном,

занять город революции силой. ¹ В обоих случаях осуществление плана Бисмарка грозило Коммуне величайшими опасностями, если не конечной гибелью, тем более, что этот план предусматривал заключение мирного договора с тем же Тьером, которому и был бы потом возвращен занятый немцами Париж. За фразами Бисмарка о «зерне истины» в Коммуне, о «разумных коммунальных требованиях», за разговорами о мирном «посредничестве» Германия между Парижем и Версалем скрывалась таким образом не что иное как интервенция, из которой максимум пользы должны были извлечь сами интервенты.

Прав поэтому тот биограф Бисмарка, который приходит к заключению, что своими переговорами с Кюзере германский канцлер стремился использовать восстание, «ничего ему не давая». ² Меньше всего, конечно, думал он — вопреки мнению новейшего историка Франкфуртского мира — о признании Коммуны, в духе тех признаний, на которые буржуазные государства вынуждены были пойти по отношению к нашему советскому государству. ³

28 апреля Фабрице виделся с Фавром. Министр иностранных дел версальского правительства высказался против всякого соглашения с Коммуной, заявив, что «коммунальное устройство несовместимо с интересами всего государства и поэтому совершенно неприемлемо». 300 млн франков в ценных бумагах, предложенных Коммуной немцам в счет контрибуции, представляют собой облигации города Парижа, против продажи которых на лондонской бирже Версаль уже заявил свой протест. Фавр подчеркнул решимость версальского правительства усилить борьбу с Коммуной и его готовность ускорить окончательное заключение мира с Германией. Убедившись в том, что его собеседнику известен факт свидания Гольштейна с Кюзере, немецкий генерал счел нужным разъяснить, что его переговоры с Коммуной преследуют только одну цель — охрану интересов еще имею-

¹ Он открыто признал это в своей речи в рейхстаге 12 мая 1871 г. «...aber meiner politischen Erwägung nach wären wir... in der Lage gewesen der Ungewissheit dadurch ein Ende zu machen, dass wir Paris entweder durch Akkord mit der Kommune oder durch Gewalt einnahmen» (Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages, I, 1871, S. 669—670).

² P. Matter, Bismarck et son temps, t. III, Paris, 1908, p. 274. (Разрядка моя. — А. М.)

³ Goldschmidt, op. cit., S. 30. «Бисмарк, — пишет он осенью 1928 г., — тотчас же усвоил себе ту точку зрения, на которую нынешние западноевропейские правительства стали по отношению к Советской России лишь после долголетних испытаний: характер государственного строя не имеет значения во внешней политике до тех пор, пока одно государство не ведет внутри другого политической пропаганды». Однако, не все буржуазные государства усвоили себе эту точку зрения.

¹ Goldschmidt, op. cit., S. 107.

² Сборник документов «Царская дипломатия», стр. 126, 127.

³ Н. Е. Brockhaus, Stunden mit Bismarck 1871—78, Leipzig, 1929, S. 12.

⁴ Ibidem.

шихся в Париже германских пленных и освобождение из тюрьмы парижского архиепископа.¹

Ободренный тем, что он считал своим дипломатическим успехом, Клюзере решительно взялся за выполнение принятых на себя в Обервилье обязательств. О его стараниях добиться освобождения архиепископа мы уже говорили. 30 апреля военный делегат уполномочил уже известного нам Кана обойти все парижские тюрьмы и немедленно освободить всех найденных там немецких солдат. Одновременно с этим он заверил Кана, что хотя часть членов Исполнительной комиссии высказалась против освобождения Дарбуа, но жизнь архиепископа находится вне всякой опасности.

1 мая Клюзере должен был снова встретиться с Каном. Однако, накануне этого дня он был, как известно, смещен и арестован, причем пост военного делегата Коммуны занял начальник главного штаба Россель. Кану было поручено немедленно связаться с последним. 1 мая Кан был принят Росселем. По вопросу об архиепископе новый военный делегат заявил, что это «политический вопрос, который может быть решен только Исполнительной комиссией в целом, а не одним из ее членов»,² тем более, что он лично имеет только одну задачу — «защитить Париж до последнего человека». К этому он добавил, что «ошибка Клюзере заключалась именно в том, что он слишком много занимался политикой». Относительно германских военнопленных новый военный делегат обещал придерживаться тактики своего предшественника.³

Смена военных руководителей революционного Парижа не повела к пересмотру правительством Коммуны своей позиции в интересующем нас вопросе. Предположение генерала Фабрице, что Клюзере сброшен «антинемецкой интригой», не оправдалось. Стремясь избежать всякого конфликта с немцами, Коммуна попрежнему старается удовлетворить их требования, если таковые не выходят из рамок нейтралитета. 24 мая, в официальном донесении в Вашингтон, американский посол в Париже Уошберн с удорлетворением констатировал, что за все время Коммуны имуществу как американских, так и германских граждан во французской столице не было нанесено никакого заметного ущерба.⁴ Характерный эпизод имел место 13 мая, когда к деле-

гату Коммуны при Французском банке явился уже знакомый нам «доктор» Кан и в качестве уполномоченного по защите интересов баварских и баденских граждан во Франции попросил выдать ему хранящиеся в банке деньги и ценности графа Quadt бывшего баварского посланника в Париже. Белэ тотчас же распорядился удовлетворить эту просьбу.¹

Правда, бывали и случаи другого рода. Так, 16 мая Уошберн сообщил своему правительству, что у одного проживающего в Париже немца властями Коммуны было конфисковано принадлежащее ему промышленное предприятие; причиной этой конфискации явилось бегство из Парижа его владельца, подпавшего в результате этого под действие декрета от 16 апреля о брошенных предприятиях. Протесты представителя этого германского гражданина были оставлены без последствий: ему ответили, что Коммуна не намерена уважать собственность человека, бежавшего из Парижа, хотя бы он был иностранцем.² Такие случаи были все же единичными.

Не исчезает из поля зрения ратуши и вопрос об уплате немцам контрибуции, о чем свидетельствуют заявление делегата финансов Журда на пленуме Коммуны 2 мая³ и открытое письмо Белэ Тьеру, опубликованное 12-го.⁴ Новый военный делегат, правда, афишировал свою ненависть к виновникам позорного мира и носился с мыслью о реванше,⁵ но в своей практической работе продолжал линию Клюзере, предупредительно освобождая от службы в национальной гвардии подданных германских государств⁶ и не отказываясь от деловых сношений с немецкими военными властями.⁷ Не меняет своей позиции в этом вопросе и общественное мнение революционного Парижа, о чем свидетельствует, например, резолюция такой массовой пролетарской организации, как «Клуб Николая-на-Полях», принятая вечером 30 апреля.⁸

XVI

Переговоры Бисмарка с Коммуной вызвали немалый переполох в стане французской контрреволюции. Мы уже видели, как

р. 449. Цитировано в статье *K. Kautsky: War die Pariser Kommune deutschfeindlich?* «Die Gesellschaft», Berlin, März 1925, № 3, S. 235.

¹ *W. Kahn*, op. cit., S. 357—358.

² *Kautsky*, op. cit., S. 234.

³ «Journal officiel» (Коммуны), 4/V 1871.

⁴ «La Sociale», 12/V 1871.

⁵ *B. Malon*, *La Troisième défaite du prolétariat français*, Neuchâtel, 1871, p. 304 (выступление Росселя на пленуме Коммуны 4 мая). — *L. Barron*, *Sous le drapeau rouge*, Paris, 1889, p. 20—21 (рассказ начальника штаба Росселя — Лео Серена).

⁶ *W. Kahn*, op. cit., S. 353—354 (свидание Кана с Росселем 5 мая).

⁷ *Dauban*, op. cit., p. 204—205 (письмо Росселя Журду с извещением о покупке у немецких военных властей 1000 лошадей).

⁸ См. мою книгу: *Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 г.*, Л., 1924, стр. 71.

¹ *Goldschmidt*, op. cit., S. 108—109, Akten № 60.

² Заявление Росселя о его позиции в вопросе об архиепископе проникло в буржуазную прессу как немецкую, так и французскую (см., например, «La Vérité», 11/V 1871).

³ *Goldschmidt*, op. cit., S. 112—113, Akten № 65. — Ср. также *C^e d'Hérison*, *Nouveau Journal d'un officier d'ordonnance. La Commune*, Paris, 1889, p. 207 (письмо принца Карла Прусского, брата Вильгельма I, жене русского генерала Ольге Панкратьевой от 25 мая 1871 г.).

⁴ *Americas Aid to Germany in 1870—1871. An abstract of the official correspondence of E. B. Washburne*, U. S. Ambassador to Paris, St. Louis, 1905,

Фавр старался убедить генерала Фабрице в нереальности финансовых предложений, исходивших от Коммуны. Раздражение версальцев хорошо передает вырвавшееся у Фавра 30 апреля восклицание: «Кого же, наконец, поддерживает Пруссия — правительство или Коммуну?». Если — первое, то пусть она разрешит пропуск версальских войск через немецкие линии (через Эпинэ и Сен-Дени) к северу от Парижа, пусть она потребует от Коммуны разоружения парижской крепостной стены. В случае отказа Бисмарка удовлетворить это ходатайство Версаля, последний будет иметь право сказать Европе (en face d' l'Europe), что «Германия мешают ему решительно подавить восстание». Фавр добавлял, что он готов немедленно заключить мир, превратив прелиминарный договор в окончательный.¹

Бисмарк с раздражением телеграфировал своему уполномоченному: «Мы не обязаны никакой конвенцией оказывать помощь французскому правительству, но имеем право потребовать от него разоружения крепостной стены [Парижа], если найдем это соответствующим нашим интересам. Но мы не имеем никакой охоты уничтожать противников французского правительства с помощью немецкой крови, до тех пор, пока это правительство старается в Брюсселе не о выполнении прелиминарных условий мира, а о том, чтобы изменить их к нашему ущербу». Итак, Бисмарк отказывался, но отказывался условно. Свою телеграмму (датированную 1 мая) он заканчивал предложением Фавру встретиться во Франкфурте-на-Майне, дабы «кличными переговорами об усилении гарантий и установлении сроков выплаты пяти миллиардов рассеять возникшие недоразумения».²

Выведенный из себя Фавр обратился в Петербург с жалобой на действия Бисмарка и с просьбой о поддержке. 30 апреля он писал французскому послу при русском дворе маркизу Габриаку: «Борясь против гнусного мятежа в Париже, мы защищаем дело цивилизации и законности. . . Почему же в выполнении этой задачи мы должны встречать препятствия со стороны тех, которые заинтересованы в том, чтобы поддержать нас? Пруссия несправедлива, она пользуется нашими несчастиями, чтобы отягчать нас своими требованиями. Она отказывает нам в таких уступках, которые позволили бы избежать потоков крови и приблизили бы конец борьбы. Она делает вид, что боится, как бы мы не злоупотребили предоставленной ею нам возможностью собрать в Версале армию в 100 тысяч человек, армию, совершенно недостаточную, которую Пруссия мешает нам увеличить. Она прикидывается, будто думает, что мы хотим возобновить войну с этой маленькой армией. Это предположение бессмысленно, мы энергично стремимся к миру, мы выполним все наши обязательства, несмотря на тяжесть навязанных нам условий. . . Повторите

князю Горчакову эти уверения и просите его передать их в Берлин. Производя на нас давление и отказывая нам в моральной поддержке, которую она нам сначала предоставила, а затем отняла, Пруссия становится пособницей Парижской Коммуны. Мы докажем это перед лицом всего света, если нас к этому принудят».¹

На следующий день (1 мая) Окунев был принят Тьером, который, с своей стороны, жаловался на поведение германского канцлера. «Мы совершили чудеса, — оправдывался перед царским дипломатом глава версальского правительства, — мы в течение одного месяца поставили на ноги превосходное, вполне дисциплинированное, воодушевленное лучшими намерениями ядро войска, которое через короткое время овладеет Парижем. Всячески торопя нас покончить с восстанием, г. Бисмарк задерживает возвращение наших пленных из Германии под предлогом, что у нас слишком много войска. . . Таким путем нас лишают наиболее действительного средства установить во Франции порядок так скоро, как мы бы того желали. Я резюмирую свою мысль в нескольких словах: г. Бисмарк бьет лежачего». В заключение Тьер просил Окунева довести этот разговор до сведения Горчакова.²

«Германия могла бы во многом себя упрекнуть, — писал Фавр 3 мая Габриаку. — Раздав нас, она толкнула наш народ в состояние безнадежности и таким образом бросила его в эту чудовищную крайность. Затем она несправедливо сомневалась в нас. Мы искренно и энергично стремимся к миру и к суровому подавлению восстания. Пруссия как будто боится, что мы повернемся против нее. Для нас это означало бы бесчестие и самоубийство. . . Мы просим ее предоставить нам возможность прохода через Сен-Дени, что позволило бы нам вступить в Париж без штурма. Она предлагает нам вступить туда вместе с нами и считает себя оскорбленной, когда мы отказываемся. Было бы хорошо дать ей понять, что наша честь запрещает нам принять это предложение. Мы не можем объединить наши армии против Парижа; пусть она вернет наших военнопленных и предоставит нам проход через оккупированную ею территорию — вот все, что мы желаем».³

Горчаков решительно отказался от давления на Берлин. По словам германского посла в Петербурге князя Генриха VII Рейсс,⁴ русский канцлер заявил французскому послу, что считает упреки Фавра необоснованными. Последний забывает услуги, оказанные Бисмарком Версалию в борьбе с Коммуной. Нельзя же отрицать того, что германское правительство разрешило Тьеру, вопреки прелиминарным условиям мира, довести

¹ Сборник документов «Царская дипломатия», стр. 123.

² Там же, стр. 124.

³ Там же, стр. 127.

⁴ Goldschmidt, op. cit., S. 122—123, Akten № 71 (St. Petersburg, 4 Mai 1871).

¹ Goldschmidt, op. cit., S. 112, Akten № 64.

² Die Grosse Politik, I, S. 31, № 11.

численность своей армии с 40 до 120 тысяч человек. Что касается недоверия, на которое жалуется Версаль, то оно вполне понятно, если принять во внимание старания Тьера во время брюссельских переговоров добиться облегчения условий мира путем давления на Германию со стороны других держав. Горчаков закончил советом поспешить с окончательным заключением мира и с лояльным выполнением вытекающих из него для Франции обязательств. «Я бы вам предоставил 300 тысяч солдат, если бы это зависело от нас», — добавил русский канцлер.¹

Александр II полностью одобрил сдержанную позицию Горчакова в этом конфликте между Версалем и Берлином. «Заключайте как можно скорее мир, чтобы воспрепятствовать таким образом Пруссии заподозрить ваши намерения и, возможно, затруднить позицию вашего правительства», — заявил он французскому послу 3 мая.² Царь ограничился тем, что передал в Берлин по телеграфу жалобы Фавра, без всяких комментариев к ним.

Фавр должен был смириться. Не меньшее впечатление должны были произвести на него переговоры Бисмарка с Коммуной, на что, конечно, и рассчитывал германский канцлер. По словам Брокгауза, часто встречавшегося в это время с Бисмарком, последний пригрозил Фавру, что если версальцы не заключат с ним немедленно окончательного договора о мире, то он порвет с ними и постарается сблизиться с парижанами. «Я войду в Париж... и буду с вами разговаривать, если вы тогда еще останетесь у власти», — заявил будто бы Фавру Бисмарк: «Конечно, я должен буду сделать некоторые уступки парижанам, может быть я образую из них тогда разумное (читай: буржуазное. — А. М.) правительство для Франции».³

Эта угроза подействовала на Тьера и Фавра. 4 мая версальский министр иностранных дел выехал во Франкфурт-на-Майне с твердым намерением пойти на полную капитуляцию, лишь бы заручиться всемерным содействием германского правительства в деле удушения очага пролетарской революции.⁴

В письме к генералу Фабрице, написанном в тот же день, Фавр заверял его, что у него только две цели: «сделать мир с Германией длительным и окончить гражданскую войну». «Если мне, — добавлял он, — приписывают стремление добиться изменения условий мира, то это явное недоразумение».⁵ С своей сто-

¹ Сборник документов «Царская дипломатия», стр. 129.

² Там же, стр. 131.

³ *Brockhaus, Stunden mit Bismarck*, S. 15—16.

⁴ Дорожные злоключения — переезд из Сен-Дени в Пантен ему пришлось совершить под охраной генерала фон-Папе и его гусар, которые спасли его от угроз со стороны местных «анархистов», — могли только укрепить Фавра в этом его намерении.

⁵ *Occupation et libération du territoire 1871—1873. Correspondance. Paris, 1903, t. I, p. 3.*

роны, Фабрице в письме к Бисмарку от 2 мая с удовлетворением отмечал готовность версальского правительства принять все требования Германии, только бы обеспечить себе активную поддержку против Коммуны. Направляясь в Германию, Фавр остановился в Суази, где имел разговор с Фабрице, вполне удовлетворивший последнего. «Он согласился уже сегодня, — доносил саксонский генерал, — с тем, что, независимо от условий, предусмотренных прелиминарным договором по вопросу об эвакуации парижских фортов, нельзя будет приступить к этой эвакуации прежде, чем в Париже будет восстановлен порядок, восстановлена власть правительства и обеспечено его существование. Он согласился также с необходимостью ускорить выплату первых двух миллиардов». «Раньше Фавр, — добавлял Фабрице, — был решительно против всякого действия с нашей стороны против Парижа, и еще вчера он в письменной форме изложил это мнение. Сегодня он признал, что при известных обстоятельствах это неизбежно или даже необходимо».¹

Официальная Германия, с своей стороны, выказывала все растущее нетерпение покончить с парижским восстанием. «Как долго еще будет взирать мир на это зрелище, от которого страдает не только Франция, но косвенно и вся Европа!» — возмущалась близкая к Бисмарку «Северо-германская всеобщая газета»: ² «Как долго еще будем мы успокаивать себя тем, что Тьер обещает сделать все возможное, но не может сделать ничего!» Тьер, добавляла газета, заслуживает участи Клузере.

Было еще одно обстоятельство, которое начинало беспокоить как Берлин, так и Компьен. Это — упадок дисциплины в немецких оккупационных войсках, на который генерал фон-Штош жаловался еще в начале апреля, считая, что она может быть восстановлена только длительным применением испытанных старопрусских методов дрессировки солдат. Месяц спустя (8 мая) тот же генерал писал одному из своих приятелей, что, по его мнению, происходящая под Парижем борьба «имеет огромное социальное значение; каждая страна и каждый народ, а больше всего мы, — добавлял он, — непосредственно заинтересованы в исходе этой борьбы».³ Нужно ли говорить о том, какого исхода желал этот генерал, будущий глава военноморского ведомства императорской Германии?

То, что дальнейшее пребывание немецкой армии под стенами революционного Парижа может отрицательно повлиять на «дух» этой армии, это признавал и саксонский кронпринц в письме из Компьена от 27 апреля.⁴ Паникеры делали даже

¹ *Die Grosse Politik*, I, S. 35, № 13.

² «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*», 6/V 1871.

³ *Denkwürdigkeiten des Generals und Admirals Albrecht von Stosch, Briefe und Tagebuchblätter*, hrsg. von U. von Stosch, «*Deutsche Revue*», Januar bis März 1903, S. 170—171.

⁴ *Hassel*, op. cit., II, S. 486.

такой вывод: лучше было бы отказаться от пяти миллиардов, чем подвергать армию опасности революционной пропаганды.¹

Вела ли Коммуна подобную пропаганду? Организованной пропаганды не велось, тем более, что революционный Париж переоценивал, как мы видели, реальность германского «нейтралитета». И все же расположенные под Парижем немецкие части начинали «разлагаться». ² Дыхание революции сказывалось на настроении уставших от затяжной войны солдат, расквартированных в местечках, трудящееся население которых не скрывало своего сочувствия к Коммуне. Французские буржуазные газеты с тревогой указывали на этот факт. ³ Прусский офицер граф Пфейль, состоявший адъютантом генерала фон-Папе, цитирует один из его приказов, в котором констатируются повторные нарушения дисциплины в Сен-Дени. Он приписывает это «близости мятежного Парижа». ⁴ Были зарегистрированы даже случаи — правда, единичные — перехода немецких солдат на сторону федератов. Генерал Holleben рассказывает о «двух уланах польской национальности, которые в один прекрасный день перебежали к Коммуне». ⁵ Этот же генерал, прошедший весь период Коммуны в Сен-Дени, сообщает, с каким негодованием расквартированные здесь прусские офицеры прочли в газетах приветственный адрес парижским рабочим, принятый на трехтысячном рабочем митинге в Ганновере. ⁶ Они не скрывали того, что готовы расправиться с каждым, кто посмеет посадить хоть небольшое пятно «на блестящем щите Германии». Они явно тяготились необходимостью вести разговоры с делегатами Коммуны, офицерами необычного вида, которые коробили господ юнкеров «своим фантастическим обмундированием», своей плебейской внешностью. ⁷

Что касается Бисмарка, то он продолжает свою «двойственную», двойственную, конечно, только по внешности, игру. Готовясь к окончательной сделке с Версалем, сделке за счет Коммуны, он не расстается еще со своим планом — навязать враждующим сторонам свое «посредничество» и занять с их согласия Париж в качестве залога. «О том, чтобы мы стали на сторону Коммуны, не может быть сейчас и речи, — писал он 2 мая Фабрице. — Мы готовы только к посредничеству, в случае, если обе стороны примут его». ⁸ Мы уже видели, что версальцы отклю-

нили это «посредничество», вся выгода от которого досталась бы, разумеется, немцам. Коммуна же, которой осуществление этого предложения грозило неминуемой гибелью, его, повидимому, даже не обсуждала, ¹ если оно вообще дошло до нее. ²

6 мая Фавр прибыл во Франкфурт на-Майне, где его ждал Бисмарк. В тот же день между ними начались переговоры по вопросу о заключении окончательного договора о мире.

Буржуазные газетчики почуяли еще за несколько дней до открытия мирных переговоров между Бисмарком и Фавром, что подготовка интервенции вступает теперь в решающую фазу. Правда, слухи о неизбежности и близости открытой интервенции не прекращались с самого начала существования Коммуны, причем назначались даже точные сроки — сперва 15 апреля, затем 1 мая, — но с начала мая эти слухи становятся все более настойчивыми и все более определенными. Распространяется слух, будто к вмешательству во внутренние дела Франции Бисмарка толкает концерт европейских держав во главе с Россией, внешняя торговля которой сильно страдает от создавшейся в Париже ситуации. ³ Настоящий пробный шар был пущен английской газетой «Daily Telegraph», опубликовавшей 1 мая следующую телеграмму из Берлина: «На заседании кабинета и военного совета в императорском дворце, на котором присутствовал Бисмарк, были приняты важные решения о положении во Франции. Было решено, что Парижской Коммуне будет дан строго ограниченный срок для капитуляции и что по истечении этого срока, если волнения не прекратятся в столице, немецкие войска примут меры к восстановлению порядка в Париже. Принятые решения были доведены до сведения Версаля в депеше, которая настаивала на том, что немцы питают самые лучшие намерения в отношении Франции и не хотят вмешиваться в ее внутренние дела. Однако, — добавляла депеша, — гражданская война, которая грозит, как видно, затянуться и сопровождается такими прищорбными эксцессами, не может быть терпима в моральных и материальных интересах Германии, как и всей Европы».

Пробный шар, пущенный органом английской буржуазии, был немедленно подхвачен французской буржуазной газетой «Vérité», ⁴ еще продолжавшей тогда выходить в Париже. Опубликованные цитированной выше телеграммы совпало с началом мирных

¹ *Gustav Freytag*, Briefe an Albrecht von Stosch, Stuttgart u. Berlin, 1913, S. 75—76 (письма от 2 и 8 апреля 1871 г.).

² Об этом свидетельствуют, например, письма солдат оккупационных войск, печатавшиеся в это время в немецкой социал-демократической газете «Volksstaat».

³ «La Patrie», 28 IV 1871.

⁴ *Graf von Pfeil*, op. cit., S. 279.

⁵ *Holleben*, op. cit., S. 204.

⁶ Текст этого адреса см. во второй части книги.

⁷ *Holleben*, op. cit., S. 205.

⁸ *Die Grosse Politik*, I, S. 34, № 12.

¹ Говорим — повидимому, ибо подлинные протоколы майских заседаний Коммуны еще не опубликованы (мы имеем лишь краткие отчеты, опубликованные самой Коммуной), а протоколы заседаний Исполнительной комиссии и Комитета общественного спасения (как первого, так и второго) до сих пор не обнаружены.

² У нас нет документальных данных, позволяющих утверждать, что Кюзере действительно довел до сведения правительства Коммуны об этих приязнях Бисмарка.

³ «Le S maphore de Marseille», 2, 7—8 V 1871.

⁴ «La Vérité», 6/V 1871.

переговоров, на которых окончательно была решена судьба Коммуны.

Надо прямо сказать: переговоры, которые привели к заключению Франкфуртского договора, были в такой же мере переговорами об интервенции, как и переговорами о мире. Это вынуждены признать даже некоторые буржуазные историки.¹ Признает это косвенно и сам Фавр, который рассказывает о том, как уже при первой своей встрече с Бисмарком во Франкфурте-на-Майне, состоявшейся 6 мая, он связал вопрос о заключении мирного договора с вопросом о подавлении парижского восстания. «Вместо того, чтобы укрепить его новой внешней войной, — сказал французский министр, — постараемся в немедленном подписании мира найти новую силу для его скорейшего подавления». Канцлер, — продолжал Фавр, — не имеет никаких оснований жаловаться на недостаточно быстрый ход борьбы с Коммуной: ведь форт Исси накануне падения, и версальцы находятся в трехстах метрах от парижской крепостной стены.

«Мы хотели бы, — отвечал на это Бисмарк, — иметь право по собственному усмотрению определить момент, когда ваше правительство, одержав, наконец, надо надеяться, победу, окажется достаточно упрочившимся, чтобы позволить нам эвакуировать вашу территорию... Вам нечего бояться этого нововведения. Как только порядок будет восстановлен у вас, мы очистим вашу территорию в самых широких размерах: слишком же большая поспешность могла бы оказаться губительной как для нас, так и для вас». Во избежание «нежелательных беспорядков» немецкие войска могли бы взять на себя охрану ворот Парижа и несение патрулей в пределах зоны, бывшей до сего времени нейтральной.²

До сих пор мы излагали ход переговоров во Франкфурте-на-Майне по рассказу их участника Фавра. Но вот что сообщает историк этих переговоров Valfrey. По его словам, Фавр обратился к Бисмарку с просьбой разрешить версальским войскам пользование нейтральной зоной к северу от Парижа, что должно было сделать падение Парижа вопросом дней, если не часов. Valfrey утверждает, что Бисмарк отказал в удовлетворении этой просьбы; он объясняет этот отказ понятным стремлением победителя обеспечить заключение грабительского мира до того, как побежденное правительство покончит с восстанием, преждевременная ликвидация которого могла бы сделать его (версальское правительство) менее сговорчивым.³ Что Бис-

марк руководился подобным стремлением, это, конечно, бесспорно; что он действовал далеко не бескорыстно, это мы уже видели и еще увидим. Но, признавая как будто факт переговоров об интервенции, начатых во Франкфурте по инициативе Фавра, буржуазный историк извращает факты, отрицая то бесспорное обстоятельство, что эти переговоры дали положительный результат.

Царское правительство не осталось в стороне от этих переговоров. «Можно быть уверенным, — доносил Габриак 7 мая Фавру, — что Россия сделала и сделает все от нее зависящее, чтобы добиться от Пруссии предоставления вам необходимых облегчений для подавления восстания. Горчаков только что объявил это мне официально и с гораздо большей ясностью, чем при нашей последней беседе... Он сказал мне, что император, так же как и он сам, понимает необходимость притти к нам на помощь для подавления мятежа, который посредством своих разветвлений угрожает всему европейскому обществу в целом. Его величество говорил в этом смысле с князем Рейссом и дал приказ своему представителю в Берлине поддерживать нашу просьбу. Сверх того, он уполномочил Горчакова подтвердить мне то, что он три дня назад говорил мне сам».¹

В какой форме правительство Александра II поддержало Тьера, видно из следующей телеграммы английского посла в Петербурге сэра А. Бьюкенена министру иностранных дел лорду Гренвилю, датированной 11 мая: «Я узнал, что русское правительство по просьбе Версаля поддержало в Берлине желание французского правительства добиться немедленного возвращения военнопленных, а также предоставления возможности атаки Парижа со стороны Сен-Дени».²

10 мая мирный договор был подписан. В нашу задачу не входит подробный анализ его содержания. Мы остановимся только на той его статье, которая прямо касается интересующего нас здесь вопроса. Речь идет о статье 7-й, согласно которой уплата первого полумиллиарда франков в счет пяти миллиардной контрибуции должна была быть произведена спустя тридцать дней «по восстановлении власти французского правительства в городе Париже»; та же статья постановляла, что «эвакуация немецкими войсками департаментов Уазы, Сены-и-Уазы, Сены-и-Марны и Сены, равно как и парижских фортов, будет иметь место, как только германское правительство признает восстановление порядка в Париже и во всей Франции достаточным для обеспечения выполнения принятых ею на себя обязательств», и во всяком случае не ранее уплаты третьего полумиллиарда. Если принять во внимание, что по статье 3-й пре-

¹ Herzfeld, Deutschland und das geschlagene Frankreich, 1871—1873, Berlin, 1924, S. 44—45: «Die Verhandlungen bewiesen, dass er (Bismarck) bereit war, als der Friedenswille der Franzosen ohne jeden Zweifel feststand, in der Tat ihnen die notwendige Unterstützung gegen den Aufstand zu gewähren».

² Favre, op. cit., III, p. 357—359.

³ Valfrey, op. cit., I, p. 91—92.

¹ Сборник документов «Царская дипломатия», стр. 135.

² Там же, стр. 149.

лиминарного договора о мире немцы обязывались очистить эти департаменты и эти форты после уплаты первого полумиллиарда, то придется констатировать определенное ухудшение условий мира для Франции. Изменены были к невыгоде для Франции и сроки выплаты контрибуции: договор от 26 февраля предусматривал уплату одного миллиарда в течение 1871 г. и четырех остальных в течение трех лет с момента его ратификации; договор от 10 мая определял уплату первого полумиллиарда в месячный срок с момента восстановления «порядка» в Париже, одного миллиарда в течение 1871 г., одного полумиллиарда к 1 мая 1872 г. и трех остальных миллиардов ко 2 марта 1874 г. Ухудшение условий налицо. Далее, Франкфуртский договор предоставлял во временное распоряжение немецких войск «нейтральную зону между немецкой демаркационной линией и парижской крепостной стеной на правом берегу Сены», иначе говоря, право оккупации усугублялось правом полицейского надзора. Наконец, при малейшей задержке в выдаче денег и продуктов на содержание немецких оккупационных войск последние получали право на производство реквизиций и взимание налогов не только в оккупированных департаментах, но и вне их.¹

Нужно ли добавлять, что всю ответственность за это ухудшение условий мира Фавр, выступая 13 мая в Национальном собрании, поспешил возложить на коммунаров — «преступников, которые узурпировали власть в Париже не для осуществления той или иной системы, но для скандального удовлетворения своих самых низменных страстей!» То же сделал 19 мая и виконт де-Мо, докладчик комиссии Национального собрания по вопросу о мирном договоре.²

Что этот договор, по которому Германия была официально признана «верховным судьей внутренних дел Франции»,³ всем острием своим направлен против революционного Парижа, это стало ясно еще до его официального подписания. 7 мая уверенный в поддержке со стороны Бисмарка Тьер обратился к парижскому населению с предложением открыть ему ворота города, угрожая в противном случае штурмом, соединенным с интервенцией.⁴ Эта прокламация, писал парижский корреспондент одной провинциальной буржуазной газеты, «открыто заявляет, что за спиной Версаля стоит Пруссия. Смысл поездки Жюлья Фавра во Франкфурт раскрывается теперь полностью. Если Версаль потерпит неудачу, через неделю мы будем иметь

прусские посты на улицах Парижа... Если наши войска будут отброшены, завтра мы будем осаждены и бомбардированы немцами». ¹ Берлинский корреспондент хорошо осведомленной аугсбургской «Всеобщей газеты» писал: «Выпущенная вчера французским правительством прокламация к парижанам достаточно ясно намекает на возможность немецкой интервенции. Не подлежит никакому сомнению, что этот вопрос серьезно обсуждается в наших правящих кругах, где растет недовольство безрезультатными боями под Парижем и теряется вера в боеспособность французского правительства. В таком духе высказываются и наши близкие к правительству органы печати». ² 10 мая парижский корреспондент той же газеты писал, что «пьяный акт кровавой драмы, потрясенными зрителями которой являются Франция и вся Европа, без сомнения, уже начался». ³

Буржуазный Париж с нетерпением ждал окончания переговоров о мире в надежде на то, что спасение «общества» придет из Франкфурта. 6 мая информационное бюро Коммуны отмечало в своем докладе, что в районе площади Согласия (один из буржуазных кварталов Парижа) ведутся разговоры на тему о неизбежности занятия Парижа пруссаками, для которых «Коммуна не представляет достаточных гарантий», гарантий в уплате контрибуции. ⁴ В письме столичного корреспондента большой марсельской газеты, датированном 10 мая, читаем: «Наши лавочники, которых разорет восстание, громко призывают пруссаков, видя, что Версаль остается бессилем. Они больше не могут ждать, они жаждут немедленной развязки. Недаром слухи о переговорах во Франкфурте подвергаются здесь оживленному обсуждению. Могу вас уверить, что если бы Бисмарк откровенно заявил Версало: «К 20 мая Париж должен быть освобожден вами или нами», то это заявление вызвало бы в горле всеобщий вздох облегчения. Нечего заниматься ложным патриотизмом». ⁵

«Патриотические» надежды парижской буржуазии не лишены были основания. Договор, заключенный во Франкфурте-на-Майне, действительно был ножом, занесенным над Коммуной. «Коммуна не сможет дольше игнорировать той очевидной истины, что 10 мая во Франкфурте-на-Майне подписан ее смертный приговор», — с удовлетворением заявляла 11 мая венская буржуазная газета «Нейе Фрейе Прессе». Для Версаля, добавляла газета, «горькая пилюля» тяжелых условий мирного договора значительно компенсируется

¹ Ср. французский текст обих договоров, приведенный у *Мольтке* (op. cit., S. 604—608, 725—734). Подробнее об этом ухудшении условий мира см. у *Herzfeld'a*, op. cit., S. 45—50, и у *Linnebach'a*, op. cit., S. 43—44.

² «Journal officiel» (Версаль), 14/V, 20/V 1871.

³ *К. Маркс*, Гражданская война во Франции (1871 г.), 1937, стр. 96.

⁴ «Journal officiel» (Версаль), 8/V 1871.

¹ «Le Sémaphore de Marseille», 13/V 1871.

² «Allgemeine Zeitung» (Augsburg), 12 V 1871.

³ «Ausserordentliche Beilage zur «Allgemeinen Zeitung», 18, V 1871.

⁴ *Dauban*, op. cit., p. 232.

⁵ «Le Sémaphore de Marseille», 14—15/V 1871.

сознанием, что «франкфуртское иго» открывает путь к восстановлению «порядка» в стране.¹

Если французские уполномоченные так быстро согласились на ухудшенные условия мира, то это потому, что у них было «твердое намерение во всем уступить Бисмарку, лишь бы он дал им в виде компенсации разрешение завладеть Парижем». Таков вывод, к которому приходит английская либеральная газета «Standard».²

Правильность этого вывода подтверждается речью, произнесенной Бисмарком 12 мая в рейхстаге. Выразив свое удовлетворение исходом франкфуртских переговоров, канцлер сказал: «Сроки платежей сокращены и резко уточнены. Вместо производства первого платежа лишь в течение этого года, уплата первого полумиллиарда будет произведена уже через 30 дней после покорения Парижа. Судя по теперешнему положению военных дел, мы должны надеяться, что борьба под Парижем и в Париже приближается к концу. А как только правительственные войска окажутся победителями (для достижения чего мы теперь, после того как окончательный договор о мире подписан, охотно предоставим необходимые средства, усилив возвращение военнопленных), в течение 30 следующих дней будет произведена выплата первых 500 млн франков».³

«Бисмарк продал, Тьер купил какую-то подлость, — заносит 20 мая в свой дневник коммунар Эли Реклю. — Да, мы хорошо чувствуем, что это так. Бисмарк, торжественно заявивший, что он не вмешается в нашу гражданскую войну, делает это. Версальская армия окружает нас полукольцом, прусская армия — другим полукольцом. Оба полукольца сомкнутся в плотную блокаду».⁴

Маркс, еще 17 апреля указывавший на то, что «решающий неблагоприятный «случай» на этот раз» заключается «в присутствии во Франции пруссаков, стоящих у самого Парижа»,⁵ предостерегал Коммуну 13 мая письмом на имя ее членов, интернационалистов Франкеля и Варлена: «Пруссаки не передадут (парижских. — А. М.) фортов в руки версальцев, но после заключения окончательного мира... помогут (версальскому. — А. М.) правительству окружить Париж своими жандармами. Так как Тьер и компания в своем договоре, заключенном Пуэй-Кертье, выговорили себе, как вы знаете, огромную взят-

ку, то они отказались от предложенной Бисмарком помощи немецких банкиров, — иначе они лишились бы своей взятки. Так как предварительным условием осуществления их договора было покорение Парижа, то они (версальцы. — А. М.) просили Бисмарка отсрочить уплату первого взноса до занятия Парижа; Бисмарк принял это условие. И так как Пруссия сама сильно нуждается в этих деньгах, то она предоставит версальцам всевозможные облегчения, чтобы ускорить взятие Парижа. Поэтому будьте настороже!»¹

Предостережения Маркса членам Коммуны основывались не на одном только тексте мирного договора. 11 мая он переслал им все подробности дополнительного тайного соглашения между Бисмарком и Фавром, сообщенные ему одним из близких сотрудников германского канцлера Микелем, принадлежавшим некогда к Союзу коммунистов. Исходя из полученной им информации, Маркс предостерегал Коммуну совершенно конкретными указаниями. «Я советовал ее членам, — писал он впоследствии (12 июня) профессору Бизли, — укрепить северную сторону высот Монмартра — прусскую сторону, и у них было еще время это сделать; я предсказывал им, что иначе они окажутся в ловушке».²

XVII

Факт существования тайного соглашения об интервенции, заключенного во Франкфурте-на-Майне одновременно с официальным договором о мире, не вызывает никаких сомнений. Инициатива этого соглашения принадлежала, по словам Бисмарка, Фавру. Содержание его сводилось к следующему: пропуск версальских войск через немецкие линии, предъявление Коммуне ультимативного требования о разоружении парижской крепостной стены, прекращение подвоза в Париж продовольствия.³ Переговоры о сотрудничестве против Коммуны увенчались полным успехом. 9 мая, телеграфируя Мольтке о том, что он рассчитывает на завтра подписать мирный договор, Бисмарк писал: «В результате этого мы должны будем, в силу тайного устного дополнительного соглашения, допустить прохождение [версальских войск] через наши линии и запретить Париж с нашей стороны».⁴

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 119. Ср. письмо Жени Маркс д-ру Кугельману от 12 мая 1871 г. («Борьба классов», 1931, № 8—9, стр. 79).

² Там же, стр. 121.

³ Die Grosse Politik, I, S. 36—37, № 15 (телеграмма Бисмарка статс-секретарю фон-Тиле от 8 мая 1871 г.). Moltke, op. cit., S. 720 (телеграмма Бисмарка Мольтке от 8 мая 1871 г.).

⁴ Moltke, op. cit., S. 720: «Nach mündlicher und geheimer Nebenabrede werden wir infolgedessen den Durchmarsch durch unsere Linien und die Absperung von Paris auf unserer Seite zulassen und bewirken».

¹ «Neue Freie Presse», 11/V 1871, Abendblatt: «Die Commune wird sich der Wahrnehmung nicht länger verschliessen können, dass am 10 Mai in Frankfurt-am-Main ihr Todesurteil unterzeichnet worden ist».

² Цитировано в «Journal officiel» (Коммуны), 19/V 1871 (Nouvelles étrangères).

³ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages, 1871, I, S. 670.

⁴ E. Reclus, La Commune de Paris au jour le jour. Paris, 1908, p. 346—347.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 108.

Получив эту телеграмму, Мольтке немедленно отправился к императору. Доклад начальника главного штаба получил полное одобрение Вильгельма I. В тот же день (9 мая) главное командование 3-й армии было поставлено в известность, что ввиду предстоящего подписания мирного договора последняя примет участие в покорении революционного Парижа. Участие это должно было выразиться в следующих конкретных действиях: а) полная изоляция Парижа с немецкой стороны, б) недопущение вооружения обращенной лицом к немецким линиям части парижской крепостной стены, в) пропуск версальских войск через немецкие линии. Не ограничиваясь этим, телеграмма Мольтке предусматривала поддержку версальского наступления артиллерийским обстрелом северной стороны парижской крепостной стены, при условии, если сами версальцы будут присутствовать об этом. На тот случай, если штурм города был бы отбит, всякая попытка коммунаров преследовать отступающего через немецкие линии неприятеля должна была быть отражена всеми наличными силами немцев.¹ Единственно, чего желательно было бы избежать, добавлял два дня спустя Мольтке, так это вовлечения немецких войск в уличные бои, которые последуют за взятием Парижа.²

Интересно отметить, что, даже готовясь к открытой интервенции против Коммуны, Бисмарк не расстается со своим недоверием по отношению к Тьеру. 11 мая Мольтке обращает внимание командующего 3-й армией на недопустимость образования в Сен-Дени сильных французских резервов. В тот же день канцлер телеграфирует начальнику главного штаба, что он считает «концентрацию немецких войск вокруг Парижа в настоящий момент политически необходимой», независимо от того, захотят ли французские генералы воспользоваться их поддержкою против Коммуны или нет; эти войска нужны во всяком случае для того, чтобы принудить заседающее в Версале Национальное собрание к скорейшей ратификации мирного договора.³ Концентрация 3-й армии под Парижем «идет полным ходом» и останется в силе вплоть до ратификации мира, — доносил несколько часов спустя Мольтке.⁴

11 мая в местечке Суази (близ Сен-Дени) состоялось совещание между начальником штаба 3-й германской армии генералом фон-Шлотгеймом и начальником штаба версальской армии

генералом Борель. Французский генерал изложил здесь план предстоящей генеральной атаки версальцев на Париж, которая должна была произойти не позже чем через восемь дней. Чтобы лишить Коммуну возможности организовать сопротивление внутри осажденного города, Мак-Магон считал необходимым вновь возбудить перед немецким командованием вопрос о пропуске группы версальских войск в 10—20 тысяч штыков через прусские линии к северу от Парижа (через Вильнев-ла-Гаренн, Эпинэ, Сен-Дени, Обервилье). Указанные войска должны быть пропущены немцами в ту самую ночь, когда начнется общая атака. Для их переброски может быть использована еще функционирующая северная железная дорога. Внезапное нападение позволит переброшенным таким образом отрядам завладеть важными стратегическими пунктами в северной части Парижа. Основная предпосылка успешности всего предприятия — это его полная неожиданность для противника, который должен быть застигнут врасплох. Именно поэтому немцы должны до поры до времени тщательно избегать всего, что могло бы возбудить подозрительность Коммуны. В частности, полная изоляция Парижа с немецкой стороны должна быть отложена до генеральной атаки. Переходя к вопросу о непосредственном участии немецких войск в этой атаке, генерал Борель заявил, что веские соображения политического порядка заставляют версальское правительство отказаться от такого участия. Не отрицая возможности неудачи общего штурма, версальский генерал выразил уверенность в том, что коммунары не решатся преследовать отступающие колонны, с чем согласился и его немецкий собеседник.¹

На этом совещании закончилось. О его результатах Шлотгейм немедленно телеграфировал Мольтке в следующих выражениях: «Французы хотят нанести удар с северной стороны через Сен-Дени и Обервилье одновременно с главным натиском через Булонский лес. Не позже чем через восемь дней. До этого момента они не хотят от нас ни изоляции, ни требования о разоружении. Нашего активного участия французское правительство желает безусловно избежать. При таких обстоятельствах дальнейшая концентрация приостановлена».²

Пересылая 12-го эту телеграмму Бисмарку, начальник главного штаба счел нужным сопроводить ее следующими комментариями. Опасения версальского командования не лишены оснований. Преждевременная изоляция Парижа немецкими войсками может «обратить на себя внимание Коммуны и поставить под вопрос успех задуманного французскими правительственными войсками удара». Нельзя отрицать и того, что слишком тесная концентрация немецких войск под Парижем на сколько-

¹ *Moltke*, op. cit., S. 720 (№ 832), S. 721 (№ 833): «Auf ausdrückliches Ersuchen der Französischen Regierung kann gegen Nordenceinte Artilleriefire eröffnet werden; etwaige Verfolgungen nach abgeschlagenem Angriff von unseren Linien mit allen Waffen zurückzuschlagen».

² *Ibidem*, S. 722—723, № 835 (Мольтке — саксонскому кронпринцу).

³ *Ibidem*, S. 723 (Бисмарк — Мольтке). Ср. телеграммы Мольтке от 14 мая главному командованию 1-й и 3-й армий (*ibidem*, S. 734, №№ 839 и 840).

⁴ *Ibidem*, S. 723, № 836 (Мольтке — Бисмарку).

¹ *Holleben*, op. cit., S. 212—214.

² *Moltke*, op. cit., S. 724.

нибудь длительный срок сопряжена с известными неудобствами для самой Германии (какими, — Мольтке не говорит). С другой стороны, 3-я германская армия, даже оставаясь на своих старых позициях, может в двухдневный срок развернуть все свои силы вдоль линии северных и восточных фортов. Нечего поэтому беспокоиться по поводу того, что дальнейшая концентрация пока приостановлена. Что касается организации соответствующего давления на версальскую палату в целях обеспечения ратификации мира, то для этого достаточно будет немного приблизить к Парижу один из корпусов, расположенных в северо-западной части Франции.¹

14 мая, сообщая в Берлин подробности переговоров в Суази, главное командование 3-й армии заверяло начальника главного штаба в том, что безопасность немецких войск и неприкосновенность занятых немцами позиций будут обеспечены при всех обстоятельствах. Интересно, что в том же донесении кронпринц Саксонский должен был признать, что коммунары являются серьезным противником, которого голыми руками не возьмешь. Если в Берлине будет признано необходимым непосредственное участие немецких войск в предстоящем штурме Парижа, то надо заранее сказать, что одним обстрелом северной и восточной окраин города немцы ничего не достигнут, даже если в ход будут пущены осадные орудия. Ведь «инсургенты привыкли к огню (die Insurgenten ans Feuer gewöhnt sind)», ведь они уже подготовились к сопротивлению. Даже занятие внешних укреплений еще не решает вопроса. Только с захватом Шомонских высот, господствующих над северной частью Парижа, можно будет сказать, что эта часть французской столицы действительно отвоевана у Коммуны.²

Перед нами новое издание старого (апрельского) плана немецкого генералитета.

Остается добавить, что, тайно готовя ловушку Коммуне, Бисмарк не спешит, однако, открыто порывать с нею. Ведь восстание еще может пригодиться ему в качестве противоядия в Версале. 15 мая, значит, уже после подписания мира во Франкфурте, но еще до его ратификации, он телеграфирует Фабрице: «Ваше превосходительство не должны завязывать с Коммуной никаких новых связей, но еще существующие не следует резко обрывать, пока не будет твердо установлено, что ратификация мирного договора в Версале прошла гладко». ³ Ратификация прошла гладко, и Фабрице мог сообщить Бисмарку:

¹ Moltke, op. cit., S. 725, № 838.

² Hollfben, op. cit., S. 216.

³ Goldschmidt, op. cit., S. 140, Akten № 77: «E. E. wollen keine neue Beziehungen mit der Commune anknüpfen, die etwa noch bestehende Verbindung aber nicht schroff abbrechen, solange nicht feststeht, ob die Ratifikation des Friedensschlusses mit Versailles glatt abgeht».

«В настоящий момент (20 мая. — А. М.) я ни в какой связи с Парижем не состою».¹

XVIII

Опубликование окончательного текста мирного договора вызвало сильное волнение в рабочих кварталах революционного Парижа. «Все разговоры, лихорадочные разговоры вертятся исключительно вокруг этой темы, — отмечает сводка информационного бюро от 13 мая. — Хватит ли у Коммуны достаточно энергии, чтобы парировать все опасности, которые встают перед нами? Позволит ли она версальцам завладеть всеми фортами, которые заняты ныне пруссаками?.. Хватит ли у нас продовольствия, чтобы выдержать правильную осаду? Будет ли, наконец, декретирована поголовная мобилизация? Будут ли приняты все необходимые меры, чтобы остановить реакцию и наложить руку на предателей, которыми кишит Париж?.. Будет ли, наконец, как в 92-м и 93-м годах, декретирована победа?..»²

Беспокойство членов правительства Коммуны нашло свое выражение в письме делегата внешних сношений к военному делегату от 11 мая.³ «Оборот, который принимают переговоры во Франкфурте, — писал Груссе, — делает, по-моему, необходимым большую, чем когда-либо, бдительность в отношении северных и восточных фортов. Опять становится возможно, что эти форты будут со дня на день эвакуированы пруссаками».⁴

Забила тревогу и пресса Коммуны. «Правда заключается в том, — писал орган группы прудонистов, — что версальское правительство, чтобы победить парижскую революцию, обратилось за помощью к Пруссии, — помощью, которой оно давно добивалось и за которую оно теперь платит». Если пруссаки не расположены бомбардировать Париж своими пушками, то они не откажут версальцам в содействии голодной блокаде французской столицы или в передаче им фортов правого берега Сены. Что за это они потребуют соответствующих компенсаций, как, например, заключения выгодного для Германии и невыгодного для Франции торгового договора, это не подлежит, конечно, сомнению. Английская газета «Телеграф» правильно оценивает поло-

¹ Ibidem, S. 141, Akten № 78.

² Dauban, op. cit., p. 290—291.

³ L'Autographe. Evénements de 1870—1871, p. 172.

⁴ Нам не удалось проверить правильность промелькнувшего в версальской печати сообщения, что Паскаль Груссе отправил в начале мая двух дипломатических представителей — одного на конференцию в Брюссель, другого — во Франкфурт-на-Майне — для участия в переговорах между Фавром и Бисмарком и что оба эти делегата Коммуны были арестованы версальскими властями («Правительственный вестник», 4 (16) V 1871, перепечатка из версальской газеты «Le Soir»).

жение, утверждая, что Пруссия должна сыграть в побежденной Франции «роль жандарма».¹

Яркое представление о все еще сильных тогда иллюзиях деятелей Коммуны в вопросе об опасностях, угрожающих ей со стороны юнкерской Германии, дают статьи прудониста Пьера Дени, одного из виднейших публицистов революции 1871 г. В статье «Форты правого берега», опубликованной 17 мая,² он писал: «Если Пруссии невыгодно торжество республиканской и коммунальной идеи, которую защищает Париж, ибо оно возвратило бы Франции ее мощь, ее моральный престиж в мире и сделало бы из нее опасного противника, то вместе с тем она в известной мере заинтересована в том, чтобы не дать Версалю наголову разгромить Париж. Победа версальцев означала бы полное разрушение французской столицы, которая может обеспечить значительную часть военной контрибуции и уничтожение которой привело бы к гибели всей Франции, к ее банкротству. С другой стороны, нейтрализуя в известной степени дорогу, которая ведет из Парижа в Германию, Пруссия может надеяться, что в случае победы Версаля все интеллигентные и энергичные люди, которые вынуждены будут эмигрировать, чтобы избежать беспощадной мести со стороны версальского правительства, принесут ей свои индустриальные и артистические таланты, свое техническое искусство, которому парижская промышленность обязана своей роскошью и блеском».

Слабость и наивность этой аргументации Дени так велики, что автор и сам не вполне доверяет ей. «Самое лучшее, все-таки, — заявляет он далее, — не полагаться ни на политическую мудрость Бисмарка, ни на букву трактата, который может быть изменен». Разве совершенно исключена такая возможность, как немедленная уступка немцами фортов правого берега версальцам? Нет, не исключена. Вот почему необходимо теперь же принять все меры к укреплению обороноспособности северной и восточной окраин Парижа. Бдительность и предусмотрительность не окажутся излишними.

Два дня спустя тот же Дени писал: «Что версальское правительство просило помощи у пруссаков, это возможно, это вероятно... Но что пруссаки предоставили эту помощь, что они взяли на себя эту гнусную роль, это кажется менее вероятным. Этим победителям должно претить сделаться жандармами, этим воинам должно претить стать палачами».³ И все-таки это возможно. Мольтке может оказаться столь же беспощадным, как Тьер, а Бисмарк — столь же аморальным, как Фавр. В свое время германской армии не удалось пройти триумфальным маршем по Парижу, и она может не устоять теперь перед соблазном заменить

над его зданиями красное знамя Коммуны знаменем с черным орлом. «Итак, будем на-чеку и подготовимся. Это — не крик тревоги, а призыв к бдительности». Если версальское правительство рассчитывает ускорить капитуляцию Парижа тем, что наведет на него жерла крупновесных пушек, его ждет большое разочарование, оно готовит себе собственную гибель. «Пусть только Версаль соединится с Пруссией, чтобы совместно бомбардировать этот ненавистный Париж, эту столицу революции!» «Вся Франция поднимется тогда, охваченная патриотическим негодованием, гневом и отвращением», чтобы прогнать со своей территории как Бисмарка, так и его союзника Тьера.

Так переплетается у Дени недосценка возможности интервенции с переоценкой легкости ее отражения. Но он зовет по крайней мере к бдительности, тогда как некоторые другие публицисты Коммуны отгоняют от себя самую мысль об интервенции, настолько она кажется им нелепой. Такую позицию занимает, например, якобинец Громье в газете «Мститель» от 19 мая.¹ В главном органе прудонистов, газете «Коммуна» за то же число читаем: «Полученные нами письма из провинции отмечают движение бесчисленных эшелонов с немецкими войсками и артиллерией по направлению к Парижу. Эти известия мало трогают нас: опасность грозит нам не со стороны пруссаков (с-а n'est pas du côté des Prussiens qu'est le danger)».²

Факты — упрямая вещь. Долго отрицать их невозможно. Та же газета, которая поместила у себя оптимистический обзор Громье, вынуждена была поместить рядом с ним — под заголовком «В последний час» — следующие известия: «Один английский журнал сообщает, что к 18 мая концентрация немецких войск между Сенной и Марной будет закончена. Там насчитывается 200 тысяч человек (точная цифра)... Саксонский наследный принц, командующий армией, предназначенной для военных операций против Парижа, расположил свою главную квартиру в Маржансе, в полутора километрах от Суази... Прусские офицеры говорят, что ожидается ультиматум... Прусские офицеры все до одного одеты как для похода. Наш корреспондент Э. Р. предупреждает нас, что пруссаки концентрируют свои силы и приближаются к Парижу с севера и северо-востока. К сведению Комитета общественного спасения».³

С другой стороны, газета Жюля Валлеса «Крик народа» 19 мая поместила на видном месте следующее сообщение, напечатанное жирным шрифтом, под заголовком «Последние новости»: «Уже несколько дней между Рэнси и Монфермейлем отряд прусских инженерных войск рубит лес и заготавливает огромное количество fascines и gabions. Этот отряд готовится, согласно

¹ «La Justice», 13/V 1871 (L'Alliance prussienne).

² «Le Cri du Peuple», 17/V 1871 (Les Foits de la rive droite).

³ Ibidem, 19/V 1871 (Les Prussiens).

¹ «Le Vengeur», 19/V 1871 (обзор: Paris vu du dehors).

² «La Commune», 1^c/V 1871 (Ce qui se dit et se passe).

³ «Le Vengeur», 19/V 1871 (Dernière heure).

конвенции, заключенной с Версалем, перебросить мост через Сену, по которому должна пройти значительная часть армии версальской деревенщины. Маршал Мак-Магон решил предпринять против Парижа серьезное и решающее нападение с востока. Мы гарантируем точность этих сведений, которые известны, к тому же, Комитету общественного спасения».¹

Концентрации, о которой разом заговорила французская и иностранная пресса, предшествовало новое совещание между генералом фон-Шлотгеймом и генералом Борель, состоявшееся 18 мая. Начальник версальского главного штаба изложил здесь план предстоящей «генеральной атаки» на Париж одновременно с запада, северо-запада и севера. Он заявил, что для того, чтобы эта операция удалась, окружающий Париж прусский кордон должен стать еще теснее. Необходимо, чтобы немецкие войска оказали содействие блокаде города с тем, чтобы ни один участник Коммуны не мог ускользнуть от суда.²

Бисмарк поспешил удовлетворить это ходатайство, которое поступило к нему 18 мая, в тот самый день, когда Национальное собрание постановило ратифицировать заключенный во Франкфурте мир. Еще раньше, 16 мая, д'Убри телеграфировал из Берлина Горчакову: «Рейсс передаст вам текст Франкфуртского договора. Под Парижем германские войска блокируют север и восток, разрешая французам переходить через свой фронт». Два дня спустя тот же д'Убри сообщал в Петербург: «... Немецкие войска под Парижем хотят как будто облегчить операции версальцев. Г-н Тиле сказал мне, что они герметически блокируют север и восток столицы, позволяя при этом войскам республиканского правительства проходить через свои линии...»³

Действительно, концентрация немецких войск под Парижем пошла теперь ускоренным темпом. Вот как описывает ее одна парижская газета буржуазного направления: «Помимо транспорта войск продолжается транспорт материалов. Мы видели несколько поездов, груженных габионами, земляными мешками, снарядами и прочим, которые направлялись в сторону фортов: последние в изобилии снабжены припасами. Внутри фортов идет работа по расширению линии траншей и вооружению всех аппаров. Говорят о том, что германская армия готовится начать осаду Парижа». На вопрос о цели всех этих военных приготовлений один немецкий офицер ответил: «Мы готовим ловушку».⁴ «Вчера, — читаем в другой французской буржуазной газете за 19 мая, — все батареи фортов Роменвиль и Нуази были приведены в готовность начать обстрел Бельвилля и Ля-Виллетт».⁵ Та же газета сообщала об укреплении немцами

форта Бриш и о прибытии в этот район больших подкреплений. Сохранившееся в бумагах Коммуны донесение, датированное 21 мая, отмечает значительное усиление прусских гарнизонов в районе форта Шарантон, куда ожидается прибытие 50 тысяч человек. Немецкие солдаты открыто говорят, что они собираются «навязать мир Парижу». Другое донесение констатирует, что численность гарнизона Сен-Дени увеличена на 30 тысяч штыков.¹

«Вся кавалерия снимается с места, — сообщал из Компьена 17 мая собственный корреспондент брюссельской газеты «Indé-

pendance belge», — речь идет, как говорят, о создании вокруг столицы своеобразного военного кордона, который должен будет преградить дорогу коммунарам, если бы они захотели спастись бегством...»²

Комментируя создавшееся под Парижем положение, главный орган английской буржуазной прессы «Таймс» 19 мая приходит к следующему выводу: «Исход борьбы не вызывает сомнений, поскольку две великие державы вооружились против Коммуны и готовятся раздавить ее. С одной стороны, мы имеем французскую армию, с другой — огромные силы пруссаков, которые заняли новые позиции и кажутся готовыми к решающему вмешательству. Если

¹ «Le Cri du Peuple», 19/V 1871 (Dernières nouvelles).

² M. Busch, Mémoires de Bismarck, t. II, p. 29—30.

³ Сборник документов «Царская дипломатия», стр. 150.

⁴ «La Vérité», 19/V 1871 (Mouvement des prussiens autour de Paris).

⁵ «L'Indépendance française», 19/V 1871 (Intervention prussienne).

¹ Dauban, op. cit., p. 364.

² «L'Indépendance belge», 19/V 1871.

Версаль окажется бессилён взять Париж, пруссаки придут ему на помощь. А раз так, то судьба Коммуны решена». ¹ Вопрос только в сроке, какой ей остался прожить.

Версальская пресса открыто смакует сообщения этого рода, предвкушая бойню. Монархические газеты «Франс» и «Голуа» не скрывают своего удовлетворения по поводу того, что «развертывание прусских сил на занятой ими территории» не позволит коммунарам прорваться через немецкие линии в момент поражения. ² В газете «Трехцветное знамя» «республиканец» Сарсе буквально пресмыкается перед вчерашним врагом. Коммунары примиряют его с пруссаками, «честными людьми», которых оклеветали, «я» которых приятно услышать, выйдя «из этого зверинца обезьян и тигров» (Парижа). «Трудно себе представить, сколько самых разнообразных вещей обозначает это «я». Оно, кажется, так и говорит: «да, бедный француз, мы здесь, не бойся ничего; тебя не посадят больше в тюрьму, ты получишь право свободно приходить и уходить, тебя не заставят больше читать разглашательства Жюль Валлеса или кровавые пасквили водевилиста Рошфора, ты здесь в свободной стране, «я», на дружественной территории, «я», под защитой баварских штыков, «я»... Я в свою очередь не мог не повторить этого «я», пытаюсь схватить его интонацию. Он вынимает трубку изо рта и говорит: «Ах, француз! Touchons quai, «я, я».....», и мы разражаемся хохотом, глядя друг на друга». ³

Можно ли придумать более яркую иллюстрацию на тему о «патриотизме» буржуазии!

«Мы пали так низко, — писала по этому поводу парижская газета «Vérité», — что версальцы, не краснея, отмечают возможность интервенции пруссаков на их стороне». ⁴ Правильно, но почему только версальцы, когда в том же повинна была и парижская буржуазия, в частности, сама же газета «Vérité»? «До сих пор, — писала она 20 мая, — у пруссаков, опьяненных победами и золотом, не было никакого мотива, никакого повода, чтобы вмешиваться в распрю между Версалем и Парижем». Этот повод дает им теперь Коммуна. На первый же выстрел, который уложит кого-либо из взятых Коммуной заложников, Бисмарк ответит тем, что отдаст своим войскам приказ занять Париж. Но он вступит в него уже не в качестве «счастливого победителя», а в качестве «защитника человечества» и «вооруженного стража цивилизации».

«Его интервенция будет одобрена всей Европой». Коммуна в один день изгладит из памяти людей все преступления, которыми запятнали себя во время войны пруссаки; она навсегда «превратит князя фон-Бисмарка и герцога фон-Мольке в борцов за права человечности, в носителей мира, в героев». ¹

Трудно найти более циничное прославление интервентов.

Приветствовала надвигающуюся интервенцию и газета «Политическая и социальная конституция», еще выходившая тогда в Париже. «Что произойдет, — спрашивала она, — если армия Коммуны победит версальское правительство?» И отвечала: те, кто полагают, что Пруссия допустит, чтобы Франция сделалась «очагом революции, который мог бы вскоре зажечь такую же и в Германии», предаются странной иллюзии. Бисмарк всеми средствами подавит революцию как в своей стране, так и во Франции. ² Бисмарк не верит, — читаем мы в той же газете, — в платежеспособность Коммуны, которая парализует всю хозяйственную жизнь Парижа и делает невозможной уплату пятимиллиардной контрибуции. Вот где лежит ключ к пониманию тех военных приготовлений, которые делаются немцами под стенами Парижа». ³ «Надо капитулировать», — таков вывод, к которому приходит газета. До тех пор, пока борьба шла только между Парижем и Версалем, у Коммуны еще могли быть известные шансы на успех. Но с того момента, как в борьбу ввязывается новый враг — Пруссия, положение Коммуны становится настолько критическим, что дальнейшее сопротивление делается бесцельным, и остается одно — капитулировать. ⁴

«Говорят, что Пруссия накануне вмешательства, — отмечает 20 мая в своем, изданном анонимно, дневнике один парижский буржуа, именующий себя «философом-очевидцем». — Если в ответ на два угрожающих заявления, два ультиматума — со стороны правительства и со стороны Пруссии — Коммуна, которой будет дано два или три дня на размышление, не сложит оружия, Париж подвергнется совместной атаке версальцев и немцев... По одобная развязка, хотя и неприятна, очень неприятна с точки зрения национальной чести, все же предпочтительнее тирании демагогов...» ⁵

¹ «La Vérité», 20/V 1871: «La Commune aura accompli ce prodige d'effacer d'un coup, en un jour, de la mémoire humaine, les excès, les violences, les crimes des Prussiens, de transformer, devant le présent et devant l'avenir, M. le prince de Bismarck et M. le duc de Moltke en vengeurs des droits de l'humanité, en pacificateurs du monde, en héros!».

² «La Constitution politique et sociale», 21/V 1871 (Статья Et après? après, c'est Bonaparte!).

³ Ibidem, 22/V 1871 (Notre argent, s'il vous plaît).

⁴ Ibidem, 22/V 1871 (Il faut capituler).

⁵ Journal de l'insurrection du 18 mars et des événements qui l'ont précédés, par un spectateur philosophe, Paris, 1871, p. 199—200 (разрядка моя. — А. М.): «Un pareil dénuement, quoique fâcheux, très fâcheux au point de vue de l'honneur national, serait encore préférable à la tyrannie démagogique...».

¹ Цитировано в парижской газете «Le Vengeur», 22/V 1871 (M. A. Gro-mier, Paris vu du dehors). (Разрядка моя. — А. М.)

² Цитировано в парижских газетах «Journal populaire», 20/V, и «Le Cri du Peuple», 23/V 1871.

³ «Le Drapeau tricolore», par Francisque Sarcey, № 3, 20/V 1871, p. 11—15.

⁴ «La Vérité», 23/V 1871: «Nous sommes descendus si bas que les Versaillais envisagent sans rougir la possibilité d'une intervention prussienne en leur faveur...».

О том, как реагировала Коммуна на военные приготовления немцев в окрестностях Парижа, можно судить по статьям, опубликованным в эти дни революционными газетами разного направления.

Начнем с якобинцев. Верх политической близорукости проявляет газета «Пробуждение народа», по мнению которой концентрация прусских войск под стенами Парижа есть угроза по адресу не Коммуны, а Версаля. Версальская «деревенщина» медлит с ратификацией мирного договора, «и вот Вильгельм в качестве предусмотрительного кредитора принимает меры предосторожности».¹

Якобинец А. Белливе также отказывается верить в возможность открытой германской интервенции. «Нет, столько низости, столько грязи невозможно переварить!» — восклицает он. Солдаты версальской армии, как бы ни были они обмануты начальством, не согласятся сотрудничать со вчерашним врагом против своих же сограждан. К тому же открытая интервенция Германии сделала бы невозможным восстановление монархии — цель, к которой стремится версальская палата. Кто не помнит о судьбе династии Бурбонов, которая была низвергнута в 1830 г. именно потому, что возвратилась во Францию «в казацком обозе», в хвосте у интервентов. «Пусть Тьер только посмеет, пусть Бисмарк только согласится, и вы увидите психологическое действие этого факта [интервенции] на возмущенное общественное мнение страны!» Белливе заканчивает призывом энергично продолжать организацию обороны Парижа, но этот призыв плохо вяжется с основной мыслью его статьи.²

Отказывается верить в реальность слухов об интервенции и Лиссагарэ, редактор якобинского листка «Трибун народа».³ Это — «реакционные сплетни», идущие из Версаля, заявляет он. У немцев есть достаточный залог — оккупированные территории и мирный договор. «Всякое их вмешательство в наши внутренние дела может только ослабить его». Если они хотят получить свои миллиарды, то пусть сохраняют нейтралитет. К тому же, «заклучение прусско-версальского союза» и «совместное вступление в Париж Мольтке и Мак-Магона, принца Карла и Галлифе» вызвали бы по всей стране такую бурю негодования, которая смела бы версальское правительство и поставила бы на его место республиканскую лигу муниципальных советов с местопребыванием в Бордо или в Лионе «Тьеру пришлось бы тогда тащить за собою пруссаков в Лион, в Бордо, словом,

¹ «Le Réveil du Peuple», 20/V 1871 (Les troupes prussiennes).

² «Le Vengeur», 21/V 1871 (Concentration de l'armée prussienne).

³ «Le Tribun du Peuple», 19/V 1871 (Commerage réactionnaire).

всюду, где ни обосновалась бы эта новая власть, которая имела бы, конечно, на своей стороне сочувствие всей нации».

Особенно велики иллюзии, которые владеют прудонистом Одисс-Баро, как раз в эти дни приступившим к изданию газеты «Федералист». С первых же дней революции, заявляет он, кричат о немецкой интервенции, а последней все нет и нет. Агенты реакции усердно распространяют самые фантастические слухи о замыслах Германии против Парижа и частично достигают своей цели, поскольку даже некоторые революционные газеты принимают эти слухи всерьез. Между тем, утверждает Баро, они лишены всякого основания. «Бисмарк, который признал недавно, что на дне парижских восстаний всегда имеется какое-то зерно истины, Бисмарк, который в своей последней речи с жестокой иронией бросил Тьеру в лицо обещание предоставить Эльзасу и Лотарингии самые широкие коммунальные вольности, Бисмарк останется верен нейтралитету. Мы думаем, что можем ручаться за это».¹

Читатель согласится, что цитированная статья не требует комментариев. Зачислять канцлера Германской империи в категорию сторонников программы Коммуны и игнорировать очевидное соглашение последнего с версальской контрреволюцией, — можно ли найти более яркое доказательство притупления революционной бдительности, столь типичного для прудонистов, как проводников мелкобуржуазного влияния на руководство пролетарской революции 1871 г.?²

Игнорирует перспективу германской интервенции и газета «Свободный Париж», выходявшая под редакцией близкого к якобинцам Везинье. 20 мая газета поместила, без указания источника, сообщение, будто в одной из деревень к северу от Парижа прусское командование заступилось за арестованного версальскими жандармами крестьянина, у которого обнаружены были номера парижской газеты «Отец Дюшен». Из этого «факта» делался вывод, что немцы находятся на ножах с версальцами.³ Два дня спустя в той же газете слухи о предстоящей военной интервенции опровергались ссылкой на полученное якобы от генерала Фабрице успокоительное разъяснение, содержание которого сводилось к следующему: «1) пруссаки останутся под Парижем с такими силами не больше 10—15 дней, 2) три четверти немецких войск будут отведены за линию реки Уазы, 3) берлинское правительство само жаждет возможно скорее положить конец страданиям местного населения».⁴ Что

¹ «Le Féderaliste», 21 V 1871 (Le Spectre prussien).

² Ср. статью «Deux Maîtres» в другой прудонистской газете, «La Commune», 6/V 1871, где заявление Бисмарка от 2 мая о «зерне истины» в Коммуне также расценивалось как доказательство того, что он не выступит против нее.

³ «Paris libre», 20/V 1871 (E. Morot, Informations).

⁴ Ibidem, 22/V 1871 (F. Devaux, Journaux versaillais).

сказать об этой ноте официального представителя Германии, о которой наши немецкие источники не упоминают? Если такая нота была действительно получена Коммуной, то приходится удивляться доверчивости революционной газеты, которая всерьез принимает «заверения» прусского генерала, не замечая того, как сильно они расходятся с условиями уже опубликованного мирного договора.

Несколько более правильную позицию занимали в этом вопросе бланкисты. Доказательством этого может служить статья «Прусский призрак», опубликованная 20 мая в органе Гюстава Марото.¹ Автор этой статьи, некий Диллон-Каванаг, утверждает, что версальцы должны будут отказаться от германской интервенции, так как последняя лишила бы их возможности упрочить свою власть во Франции путем восстановления монархии. Они знают, что Франция «еще не настолько сгнила, чтобы с легким сердцем вынести союз Версаля и Берлина». «Пусть только крупковские пушки вновь обратят свои жерла против столицы, и вы увидите, как департаменты поднимутся и придут к нам на помощь. Старая галльская гордость еще не пала так низко, чтобы три или четыре преступника, опираясь на 417 дураков, могли навязать ей союз с иностранным завоевателем». Если же это все-таки случится, бойцы Коммуны останутся до конца верны своему лозунгу: «Жить свободными или умереть!»

Переходим к статье Казимира Буи, бывшего сотрудника Бланки по газете «Отечество в опасности». Автор заявляет, что самый факт концентрации прусских войск вокруг Парижа в настоящий момент беспорен. Спрашивается, «какова цель этой концентрации» и угрожает ли она Парижу? Вот что говорят по этому поводу английские газеты, основываясь на телеграммах агентства Рейтер: «Договор, подписанный в старом великом городе Франкфурте-на-Майне между Бисмарком и Ж. Фавром, содержит дополнительную статью, которая до сих пор остается секретной. По этому договору князь Бисмарк обязался от имени Германии предоставить содействие армии императора Вильгельма версальскому правительству, чтобы облегчить ему скорейший разгром Парижской Коммуны.

Россия и Англия, а может быть и Италия, сыграли немалую роль в неожиданном принятии этого макиавеллиевского плана, выдвинутого Ж. Фавром и инспирированного версальским представителем кардинала Антонелли, правителя папы Пия IX.

К 21 мая все военные приготовления против Парижа как со стороны Тьера, так и со стороны Бисмарка должны быть закончены. По истечении этого срока из Версаля и из Сен-Дени одновременно должны быть предъявлены членам Коммуны две ультимативные ноты. Национальное собрание (которое должно

накануне этого дня ратифицировать Франкфуртский мирный договор) предложит Парижу сдаться не позднее чем через 24 часа, дабы позволить ему выполнить тридцать дней спустя первое условие мира, принятое Францией по требованию Германии.

Германия прикажет Парижу в трехдневный срок прекратить против версальского правительства вооруженное восстание, которое составляет единственную причину опоздания Франции с уплатой полумиллиарда франков, первого взноса в счет обусловленной контрибуции. Через два дня после этого двойного ультиматума версальцы начнут штурм города. На следующий день, если версальцы еще не станут хозяевами столицы, или если члены Коммуны не дадут согласия на мирное занятие города пруссаками (на время проведения учредительного плебисцита), с северных и южных фортвов версальцы и немцы подвергнут бомбардировке несчастную столицу».

Казимир Буи оговаривается, что сведения, им приводимые, не могут быть проверены, но из дальнейшего видно, что он считает их достоверными. Он не находит достаточно слов, чтобы заклеймить «это гнусное соглашение», и призывает на голову версальского правительства «проклятие народов». Пусть знают версальцы: Париж никогда не впустит в свои стены тех, кто опозорил себя и страну подобным договором, одним которого падет на голову самого же Тьера. «И если когда-нибудь через брешь, пробитую в наших стенах прусской пушкой, версальская армия войдет победительницей в Париж, она найдет перед собой всю Францию, поднявшуюся, чтобы отомстить за нас».¹

С этой ставкой на патриотизм «всей Франции» мы уже встречались. Бланкист Буи перекликается тут с прудонистом Дени и с якобинцем Лиссагарэ. Буи еще верит, повидимому, в «мирное» занятие Парижа немецкими войсками, в то, что последние могут «гарантировать» выборы в Учредительное собрание на основе всеобщего голосования, в то, что эти «выборы» могут разрубить гордиев узел гражданской войны. Но эта иллюзия не была иллюзией только бланкиста Буи. Вспомним ставку на «мирное» посредничество Бисмарка между Парижем и Версалем, которую выдвигал в своих переговорах с немцами Ключере. Вспомним соответствующее заявление лидера якобинцев Феликса Пиа корреспонденту одной немецкой газеты. Мы увидим сейчас, как прав оказался этот корреспондент, когда он писал 20 мая, что «Коммуна разделяет эти иллюзии до конца».²

XX

С момента ратификации мирного договора версальцами — 18 мая — нетерпение Бисмарка покончить с Коммуной как един-

¹ «Le Salut public», 20/V 1871 (G. Dillon-Kavanagh, Le Spectre prussien).

¹ «Le Cri du Peuple», 21/V 1871 (Encore les prussiens).

² «Allgemeine Zeitung» (Augsburg), 27/V 1871.

ственной помехой к его скорейшей реализации достигает своего апогея. Более настойчиво, чем когда-либо, требует он теперь от Тьера скорейшей ликвидации «неопределенного положения, созданного ненормальной ситуацией в Париже». Обещая ускорить репатриацию еще находящихся в Германии военнопленных,¹ он просит Фавра «пустить в ход все свое влияние, чтобы ускорить военные операции». «Мы уже не нуждались в подобных наставлениях, — заявляет по этому поводу Фавр, — наши собственные интересы требовали от нас этой быстроты действий».²

20 мая Бисмарк и Фавр вновь встретились во Франкфурте-на-Майне. После того как формальности, связанные с ратификацией мирного договора, были улажены, канцлер поднял вопрос об ультимативном требовании разоружения парижской крепостной стены, которое германские оккупационные власти должны были предъявить Коммуне, дабы ускорить этим ее падение. «Признайте, — говорил он Фавру, — что мы имеем тысячу оснований действовать твердо, ибо вы боретесь не с партией в обычном смысле; это шайка разбойников, нарушающих законы, на которых покоится всякая цивилизация. Можем ли мы со скрещенными руками взирать на разрушение общественных памятников, на уничтожение частной собственности, а может быть и на умерщвление архиепископа? Нельзя понять нашего невмешательства. Мы можем обещать вам продолжить его только на короткое время, не принимая на себя в этом отношении никаких обязательств».³

Фавр старался успокоить Бисмарка, уверяя его, что версальцы в ближайшие же дни дадут решающий бой Парижу.

21 мая — за несколько часов до вступления версальцев в Париж — Тьер телеграфировал Фавру: «Господин Бисмарк может быть спокоен. Война будет закончена в течение недели. Мы сделали брешь со стороны Исси. Сейчас мы заняты тем, что расширяем ее. Брешь, пробитая нами в Ля-Мюэтт, далеко подвинулась вперед. Такую же брешь пробиваем мы в Пасси и в Пуэн-дю-Жур. Наши солдаты работают под огнем картечи, и, не будь нашей большой батареи в Монтрету, это было бы неосуществимым безрассудством. Но работы этого рода подвержены стольким случайностям, что назначить точный срок их окончания невозможно. Во имя дела порядка, я умоляю г-на Бисмарка предоставить нам самим подавить тот антисоциальный разбой, который на несколько дней свил себе гнездо в Париже. Действовать иначе — значило бы нанести новый удар партии

порядка во Франции, как и во всей Европе. Пусть положатся на нас: общественный порядок будет восстановлен в течение недели...»¹

Получив эту телеграмму, в которой Тьер открыто признавал, что действует в качестве союзника иностранного завоевателя, в качестве жандарма не только французской, но и международной реакции, Фавр немедленно отправился к Бисмарку убеждать его не начинать военных действий против Парижа: «Вы знаете достоинства и недостатки нашей нации; она до крайности впечатлительна, ею нужно руководить, действуя на ее чувства. Она отказала бы в уважении и в поддержке власти, которую тяжелые обстоятельства вынудили бы принять помощь врага; она отнеслась бы к ней с презрением и свергла бы ее при первой возможности. А между тем наши общие интересы требуют того, чтобы Франция любила и поддерживала правительство, которое она себе избрала. Только при этом условии мы сможем обеспечить мир и выполнить свои обязательства. Мы просим у вас всего несколько дней терпения. Я надеюсь, что теперь нам остается ждать уже не дни, а часы...» Бисмарк согласился с этими доводами. Ему не пришлось в этом раскатыться: несколько часов спустя он получил копию телеграммы, в которой Тьер сообщал Фавру о состоявшемся выступлении в Париж версальской армии.²

Если Бисмарк нажимал на Тьера, то на Бисмарка нажимала вся европейская реакция. Недостаток документов, которыми мы располагаем в настоящий момент, не позволяет нам восстановить сейчас с полной ясностью и во всех подробностях шаги, предпринимавшиеся дипломатическими представителями европейских держав в Версале и в Берлине в интересах скорейшей ликвидации Коммуны. Что подобные шаги предпринимались, видно не только из приведенной выше телеграммы агентства Рейтер о совместном выступлении по данному вопросу Англии, России, Италии с благословения римского папы. Об этом свидетельствуют и другие данные. 2 апреля орган секций Интернационала в Париже опубликовал выдержки из статьи, появившейся в парижской буржуазной газете «Vérité», которая общала о тревоге, охватившей правящие круги Вены, Петербурга, Флоренции, Лондона при виде того, что столица Франции находится в руках людей, известных своей принадлежностью к Интернационалу и своим революционным прошлым.

¹ По данным парижской буржуазной прессы, из общего числа в 363 тысячи французских военнопленных, интернированных в Германии, к моменту заключения Франкфуртского мира на родину возвращены были 174 тысячи человек («La Patrie», 12/V 1871).

² Favre, op. cit., p. 422 (телеграмма Фабрице—Фавру от 19/V 1871).

³ Ibidem, p. 427—428.

¹ Ibidem, p. 429: «Je supplie M. de Bismarck, au nom de la cause de l'ordre, de nous laisser accomplir nous mêmes cette répression de brigandage anti-social, qui a pour quelques jours établi son siège a Paris. Ce serait causer un nouveau préjudice au parti de l'ordre en France, et dès lors en Europe, que d'agir autrement. Que l'on compte sur nous, et l'ordre social sera vengé dans le courant de la semaine».

² Ibidem, p. 429—432.

Испуганные парижскими событиями, европейские правительства принимают все меры к тому, чтобы революция не перекинулась в другие страны. При этом вся надежда международной дипломатии возлагается на новорожденную Германскую империю, которая должна выступить в качестве защитника дела «порядка» во всем мире. По слухам, соответствующая нота уже вручена в Берлине. Говорят также, что Россия, Австрия, Италия официально заявили германскому правительству, что интервенция немцев против Парижа будет открыто одобрена всеми великими державами. Вывод, к которому приходит под впечатлением всей этой информации газета парижских интернационалистов, тот, что «священный союз всемирного деспотизма», превратившийся было в труп, воскресает. Революционные социалисты всего мира должны поэтому последовать примеру Парижа и немедленно вступить на путь революции.¹

Мы лишены сейчас возможности проверить точность приведенной здесь информации, источник которой нам неизвестен. Но самый факт обращения некоторых европейских правительств к Бисмарку с просьбой об активном вмешательстве во внутренние дела Франции не подлежит никакому сомнению. Те же правительства обращались и непосредственно к Тьеру, подстрекая его к скорейшей ликвидации Коммуны. 8 апреля генерал Фабрице сообщал Бисмарку о врученной Фавру русским послом ноте, в которой указывалось, что царское правительство озабочено оживлением деятельности сторонников Интернационала в России со времени парижского восстания.² 21 апреля официальный орган Коммуны опубликовал в отделе иностранных известий следующее сообщение: «По слухам, которые кажутся обоснованными, лорд Лайонс вручил в понедельник [17 апреля] главе исполнительной власти Тьеру настойчивую ноту (une note pressante) своего правительства, которое не скрывает страха перед возможными откликами в Англии на события, происходящие в Париже».³

То что французские события вызывали серьезное беспокойство в правящих кругах Англии, которые легко склонялись к мысли о немецкой военной интервенции, как вернейшем сред-

стве восстановления «порядка» во Франции, — это подтверждает и Шарль Гавар, бывший тогда секретарем французского посольства в Лондоне. Он же сообщает о росте симпатий тех же кругов к экс-императору Наполеону III и к планам новой бонапартистской реставрации.¹

Больше других держав нажимала, конечно, Россия, обеспокоенная возможностью «возникновения разных толков по сему прискорбному поводу среди части населения, увлеченной крайней агитацией»,² и мечтавшая о том, чтобы открыть «путь к скорому уничтожению корня европейской смуты»³ (т. е. революции в Париже). Настойчивость, с которой царское правительство и монархическая «общественность» России нажимают на Тьера, требуя от него скорейшей расправы с очагом революции,⁴ была продиктована не только классовой ненавистью к Коммуне, не только боязнью ее «развращающего влияния», но и тем, что существование Коммуны отразилось на состоянии русского денежного и хлебного рынка, довольно тесно связанного тогда с Францией. Кто же сможет положить конец «анархии», которая «не только в самой Франции, но и во всем свете приводит в грех и негодование всех сколько-нибудь порядочных людей»?⁵ На этот вопрос у русской реакции был давно готов ответ — интервенция.

По словам тогдашнего французского посла маркиза Габриака, при первых же известиях о событиях 18 марта в правящих кругах Петербурга возникла мысль о необходимости немедленного вмешательства немецких войск во внутренние дела Франции с целью подавления того, что канцлер Горчаков называл «грандиозной парижской оргией».⁶

Что в роли интервента должна выступить Германия, на этом сходились все. Вот, например, мнение «либерального» «Голоса»: «Пока у монмартровцев и бельвильцев будут шашпо, до тех пор Парижу не оставаться спокойным. На беду, кроме пруссаков, едва ли кто за решение этой задачи может взяться».⁷ Даже «Сын отечества», орган московской антинемецкой партии, не скрывавший своего беспокойства за судьбу «европейского равно-

¹ *Ch. Gavard, Un diplomate a Londres. Lettres et notes 1871—1877, Paris, 1895, p. 27—30.*

² *P. M. Кантор, Царская охранка и Парижская Коммуна, «Прожектор» 1928, № 12, стр. 6 (из неизданного секретного циркуляра шефа жандармов графа П. А. Шувалова от 13 (25)/III 1871).*

³ Там же, стр. 7 (из неизданного письма помощника шефа жандармов полковника Никифораки от 29 IV 1871).

⁴ Яркое представление об этом нетерпении русских реакционеров увидеть Париж в руках версальцев дают почетки Александра II на полях донесения русского посольства из Версаля.

⁵ «Правительственный вестник», 8 (20)/IV 1871 (Зарубежные известия. Общее обозрение).

⁶ *Marquis de Gabriac, Souvenirs diplomatiques de Russie et d'Allemagne 1870—1872, Paris, 1896, p. 107.*

⁷ «Голос», 7 (19) IV 1871 (*Щербань, С. перепись, II*).

¹ «La Revolution politique et sociale», № 1, 2/IV 1871 (L'Internationale et les despoies) «Revolutionnaires socialistes du monde entier, prenez garde a vous. La sainte alliance du despotisme universel, ce cadavre, vient d'être galvanisé par la glorieuse revolution du 18 mars. Cette morte se releve effaree et tremblante. Citoyens de l'Internationale, hâtez vous d'agir, Paris vous a montré la route. Seris de l'univers, debout! la Révolution vous appelle».

² Die Grosse Politik, I, S. 11, № 2.

³ «Journal officiel» (Коммуны), 21/IV 1871. Факт вручения английским послом соответствующей ноты версальскому правительству подтверждается 21 апреля и другой газетой Коммуны — «La Montagne» (статья «Tenez bon»), которая сообщает, что лорд Лайонс просил Тьера ускорить нанесение решительного удара «парижским мятежникам». Газета выражает надежду на то, что начавшаяся в Париже революция вскоре распространится на всю Европу и приведет к созданию «Всемирной республики».

весья», нарушенного победами германского оружия над Францией, готов был одобрить интервенцию Бисмарка против Коммуны: «В Париже красная республика торжествует над синей, т. е. коммунисты и социалисты над умеренными республиканцами. Красные, повидимому, забывают, что немецкие войска еще занимают северные и восточные форты города... и что орудия этих фортов попрежнему господствуют над Парижем, который они могут в продолжение одних суток превратить в развалины... Если этой дерзости не будет положен конец населением Парижа и войсками, находящимися в распоряжении версальского правительства, то бомбардирование французской столицы пруссаками сделается неизбежным».¹

Именно эту провокационную роль царской России имел в виду Маркс, когда писал, что Германия, становясь на сторону Версаля, была «простым орудием в руках петербургского кабинета».² Возможно, что именно царский посол явился инициатором коллективного выступления дипломатических представителей европейских держав в Версале в середине мая (точная дата нам неизвестна), о котором мы знаем, к сожалению, лишь то немногое, что сообщает французская и немецкая печать, враждебная Коммуне. По согласованию с послом Соединенных Штатов Уошберном (единственным членом дипломатического корпуса, оставшимся еще в Париже) представители держав (каких точно, мы не знаем) обратились к германскому правительству (повидимому, через генерала Фабрице) с коллективной нотой, в которой просили его взять на себя защиту интересов их граждан в Париже, поскольку версальское правительство оказывается не в состоянии это сделать. За этим последовало — по тем же газетным сведениям — совещание прусских генералов в Маржанси (близ Парижа), после которого распространился слух, что Бисмарк предложил Тьеру в четырехдневный срок покончить с восстанием, угрожая в противном случае занять Париж немецкими войсками либо по соглашению с Коммуной, либо силой.³

Читатель уже заметил, конечно, что это сообщение, в форме телеграммы из Парижа от 17 мая, совпадает — вплоть до срока, отпущенного Коммуне (21 мая), — с уже известным нам сообщением телеграфного агентства Рейтер — обстоятельство, которое усиливает правдоподобность излагаемых в нем фактов.

Бисмарк рад был стараться. Ведь он давно ждал того, чтобы его попросили взять на себя миссию восстановления «порядка» в столице Франции. «Мы готовы оказать помощь [Тьеру], — писал Мольтке 22 апреля, — но нужно, чтобы нас об этом попросили, нужно, чтобы Европа предоставила нам в этом деле полную

свободу действий».¹ Момент настал: «Европа» давала свое полное согласие на германскую интервенцию против Коммуны.

А тут еще подвернулся инцидент с попыткой группы национальных гвардейцев захватить 20 мая дом Уошберна в Париже. Нужно ли говорить, что эта попытка, которую Коммуна успела своевременно расстроить, была встречена Бисмарком как долгожданный повод к вмешательству!² По его предложению генерал Фабрице адресовал 21 мая, на другой день после происшествия, угрожающую ноту Коммуне по поводу этого нарушения дипломатической неприкосновенности американского посла. «Нижеподписавшийся, — заявляла эта нота, — требует от руководителей власти в Париже немедленной выдачи немецким военным властям национальных гвардейцев, которые оказались виновны в покушении на резиденцию г-на Уошберна. В случае, если в 24-часовой срок ему не будет дано удовлетворение путем выдачи виновных аванпостам в Сен-Дени, правительство оставляет за собой право немедленно принять другие меры». От имени Коммуны Паскаль Груссе отвечал 22 мая, что им приняты меры к защите неприкосновенности принадлежащего Уошберну дома и к преданию суду виновников этого покушения, которое он категорически осуждает. К сожалению, арестовать их не удалось, так как они успели скрыться. Делегату Коммуны по внешним сношениям остается, таким образом, только выразить послу Соединенных Штатов Америки свое сожаление и свое возмущение по поводу происшедшего, что он и делает. Те же чувства он готов выразить теперь и уполномоченному германского правительства. Груссе добавлял, что все представители иностранных держав, с которыми ему приходилось иметь дело, могут подтвердить его уважение к принципу экстерриториальности иностранных дипломатов.³

Насколько у Бисмарка чесались в этот момент руки, показывает его телеграмма из Франкфурта-на-Майне, отправленная Мольтке 22 мая, в 8 ч. 30 м. утра: «Если взятие Парижа правительственными войсками не подтвердится или окажется неполным, то на мой взгляд разграбление дома Уошберна и наглое расхищение хранящихся в нем наших архивов дают нам полное право открыть огонь по Парижу, если нам не будут немедленно выданы виновники этого дела, а равно и наши архивы».⁴

Мольтке отвечал: «Военные действия против Парижа подготовлены так, что могут быть начаты в любой момент (Aktion

¹ *Moltke*, op. cit., S. 709, № 821: «Wir sind zur Hülfeleistung bereit, aber wir müssen darum angegangen werden, und von Europa bedürfen wir darüber Schwarz auf Weiss».

² *Ibidem*, S. 741: «Ausserdem ist dieses für uns eine erwünschte Gelegenheit gegen die Kommune vorzugehen».

³ *Maxime Du Camp*, *Les Convulsions de Paris*, t. IV, p. 199—201.

⁴ *Moltke*, op. cit., S. 741. — Мы уже говорили, что Коммуне удалось во-время предотвратить разгром этого дома.

¹ «Сын отечества», 13 (25)/III 1871.

² *К. Маркс*, *Гражданская война во Франции (1871 г.)*, 1937, стр. 103.

³ «Kölnische Volkszeitung», 21/V 1871 (Уошберн ошибочно назван здесь Мельбурном).

gegen Paris ist militärisch vorbereitet, so dass sie jeden Augenblick beginnen kann)». Но «его величество» считает политически более правильным не начинать их до тех пор, пока Коммуна не отвергнет ультиматума генерала Фабрице; впрочем, это не исключает немедленного открытия военных действий в случае, если бы положение версальцев в Париже оказалось непрочным.¹

О каком ультиматуме идет здесь речь? Повидимому, о том, который уже был предъявлен генералом Фабрице, потребовавшим от Коммуны немедленной выдачи виновников нападения на дом американского посла в Париже.² Если это так, значит, ответ Паскаля Груссе, который к этому времени был уже вручен немцам,³ был признан неудовлетворительным. Возможно также, что имелось в виду подкрепить этот ультиматум другим, который содержал бы требование немедленного разоружения северной и восточной части парижской крепостной стены, о чем, добавим, версальское правительство ходатайствовало еще до ратификации мирного договора.⁴ Так или иначе, цель Бисмарка ясна: предъявлением невыполнимых требований спровоцировать Коммуну на разрыв, придать своему нападению на Париж вид «обороны», замаскировать свою подлую роль «жандарма и наемного убийцы в руках побежденного правительства»⁵ игрою в «бескорыстного» стража международного права.

XXI

Как ни рвался Бисмарк в бой против Коммуны, выступить ему пришлось не в качестве солдата, а в качестве жандарма, не в открытой схватке с вооруженными защитниками баррикад, а в вероломном нападении из-за угла на безоружных людей, лишенных возможности сопротивляться. Зато в роли организатора этой полицейской интервенции и голодной блокады он оказался на высоте положения. 22 мая в 7 ч. 58 м. утра он телеграфировал Мольтке: «Господин Тьер выдвинул просьбу, чтобы главное командование немедленно осуществило полную изоляцию Парижа. Его королевское высочество кронпринц Саксонский уже поставлен об этом в известность; могу ли я быть уверен, что его королевское высочество будет действовать в этом направлении?» Ответ начальника главного штаба, отправленный менее чем час спустя, гласил: «Полная изоляция была подготовлена и уже осуществлена (Absolute Absperrung war vorbereitet und ist ausgeführt)».⁶

¹ Moltke, op. cit., S. 741—742, № 846.

² Holleben, op. cit., S. 246 (депеша Фабрице от 21 мая — штабу 1-й гвардейской дивизии).

³ Ibidem, S. 247.

⁴ Moltke, op. cit., S. 740 (главное командование 3-й германской армии — начальнику главного штаба, 18 мая 1871 г., 10 ч. 30 м. утра).

⁵ К. Маркс. Гражданская война во Франции (1871 г.), 1937, стр. 103.

⁶ Moltke, op. cit., S. 740 № 845.

Нужно ли доказывать, что эта изоляция была рассчитана на то, чтобы отрезать побежденным коммунарам всякую возможность вырваться из захваченного версальцами города! Достаточно прочесть письмо Фавра генералу Фабрице, относящееся к середине мая, чтобы убедиться в этом. «Нужно сделать так, чтобы главари этого преступного предприятия не ускользнули от карающей руки правосудия», — писал версальский министр иностранных дел уполномоченному германского правительства.¹ Просьба Фавра была услышана. «Мы не должны допустить того, — инструктировал своих подчиненных 23 мая Бисмарк, — чтобы Европа упрекала нас в сговоре с парижскими коммунистами».²

Как полно была проведена эта мера (изоляция), видно из многочисленных документов, которыми мы располагаем. Вот отрывок из письма, адресованного 22 мая с форта Шарантон одному немецкому очевидцу в газету «Гамбургский корреспондент»: «Сегодня в 4 часа утра все наши войска были пробуждены тревогой; на все форты и шанцы были выдвинуты пушки и направлены против Парижа. На правом берегу Сены [против занятого федератами форта Иври] были выставлены сильные пикеты; целые батальоны отправились к крайней пограничной черте со стороны Парижа; повсюду были разсланы конные разъезды; в надлежащих пунктах были заготовлены боевые запасы, а на станции в Сен-Дени, Нуази-ле-Сек и Вильнёв, т. е. на трех главных железнодорожных линиях — северной, восточной и лионской, — явились прусские и баварские офицеры с предписанием останавливать все поезда, идущие в Париж или из Парижа. Сторожевым постам по всей передовой цепи отдано было приказание не пропускать в Париж или из Парижа ни мужчин, ни женщин, ни детей. Все эти предписания были выполнены со свойственной немцам точностью, и с сегодняшнего утра ни одна мышь не пробежала в Париж или из Парижа».³

«На станции Сен-Дени, — читаем в корреспонденции от 21 мая, помещенной в «С.-Петербургских ведомостях», — они [немцы] задерживают французов, подозреваемых в сочувствии к Коммуне. Так, они арестовали одного молодого человека, по жалобе священника на оскорбление, им нанесенное, и нескольких рабочих, кричавших на жандармов».⁴

24 мая, когда версальцы уже успели занять значительную часть города, французская буржуазная газета «Vérité» с удовлетворением отмечала, что пруссаки сооружают баррикады на всех больших дорогах, ведущих к Парижу, и концентрируют свои войска в двух шагах от его крепостной

¹ Holleben, op. cit., S. 219.

² Goldschmidt, op. cit., S. 141, примечание.

³ Цитировано в газете «С.-Петербургские ведомости», 19 (31)/V 1871.

⁴ Там же.

стены. Газета приходит к заключению, что они не отказали бы Тьеру и в более активном содействии, если бы это было нужно.¹

26 мая, по словам немецкого очевидца генерала Holleben, коммунары, пытавшиеся вырваться из Парижа через заставу Ля-Виллетт, были многократно обстреляны с немецких аванпостов. Стрельбу по коммунарам, пытавшимся пробиться через немецкие линии, подтверждает и другой очевидец, прусский генерал фон-Папе.² Жертвами этой стрельбы бывали и безоружные работницы, жившие в Париже, но работавшие в его окрестностях.³

27 мая бывший военный делегат Коммуны Россель заносит в свой дневник: «Пруссаки перерезали железнодорожное сообщение и разобрали рельсы на протяжении ста метров, они передают в руки победителей всех федератов, пытающихся спастись бегством, и, как говорят, расстреливают тех, кому удалось проникнуть через их линии».⁴

30 мая коммунары Эли Реклю отмечает в своей поденной записи: «Сотни национальных гвардейцев бежали к пруссакам. Бедняги серьезно думали, что внешний враг, согласно данному им обязательству, не вмешается в наши внутренние раздоры. Пруссаки действительно опустили для них подъемный мост, так что всякий, кто хотел, входил; когда же все прошли таким образом, их методически разоружили, им крепко связали руки, а затем направили в Версаль. Некоторые из этих несчастных, испуганные этим приемом, вздумали протестовать: «Но ведь мы эльзасцы, мы больше не французы, мы немцы». Последовал ответ: «Выходите из рядов!» Эльзасцы и лотарингцы выходят из рядов. «Прекрасно, пусть отведут этих каналий в район расположения баварцев и немедленно же расстреляют. Остальные пусть отправляются в Версаль».⁵

О том, в каких громадных размерах производилась выдача версальцам задержанных немецкими аванпостами коммунаров, можно судить по тому, что за один только день 25 мая баварцы передали версальцам около 3 тысяч федератов, которые сдались у Венсенской заставы. Столько же человек в этом одном пункте были выданы 27 мая.⁶ Аналогичная картина наблюдалась 27 мая у заставы Роменвиль.⁷

Так Бисмарк понимал нейтралитет... И уж, конечно, не его вина, если на некоторых немецких линиях, особенно там, где

стояли саксонские части (в которых было немало рабочих), многие явные бойцы революции были пропущены солдатами, которые «повиновались больше чувству гуманности, чем приказу начальства».¹ И все же основная масса беглецов Коммуны, пытавшихся прорваться через германские аванпосты, была задержана и передана версальцам.² Действуя таким образом, немецкие войска спасли, как уверяла потом «Кёльнская народная газета», не только Францию, но и соседнюю Бельгию, коммунисты которой ждали якобы только прибытия парижских коммунаров, чтобы поднять восстание и сжечь все правительственные здания в Брюсселе. «Заговор» потерпел неудачу единственно из-за бдительности Бисмарка и Мольтке.³

Но интервенция Бисмарка в майские дни 1871 г. не ограничилась полной изоляцией Парижа от окружающего мира и полицейской травлей побежденных инсургентов, обусловленной, как сообщает версальский генерал Винуа, специальным устным соглашением между кронпринцем саксонским Альбертом и маршалом Мак-Магоном.⁴ В ночь с 22 на 23 мая прусские гвардейские части в Сен-Дени навели мост через Сену, по которому версальцы проникли в Париж через заставу Сен-Дени.⁵ 23 мая пруссаки пропустили в Париж бригаду генерала Монтодона, которая получила таким образом возможность вести наступление на Монмартр с севера, что ускорило падение этой важной стратегической позиции.⁶ Нужно ли говорить, что Коммуна, вопреки настойчивым предостережениям Маркса, ничего не сделала для укрепления своей северной и северо-восточной окраин на случай нарушения немцами нейтралитета: ведь этот случай не входил в ее расчеты.

«Мы впустили версальцев в Париж, пусть они попытаются теперь там удержаться», — заявил Бисмарк 22 мая на вокзале в Веймаре (на обратном пути из Франкфурта в Берлин), в разговоре с известным исследователем Африки Рольфсом.⁷

24 мая, по просьбе Фавра, пять версальских канонеров были пропущены через немецкие сторожевые посты на Сене во внутреннюю часть города и получили возможность атаковать флоти-

¹ Ф. Энгельс, Введение к брошюре Маркса «Гражданская война во Франции». — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 90.

² Баварский генерал фон-дер-Танн предпочитал вовсе не выпускать беглецов из Парижа. В донесении от 25 мая он сообщает, что отказал в пропуске даже колонне в 3 тысячи женщин, детей и стариков с левого берега Сены (Holleben, op. cit., S. 261).

³ «Kolnische Volkszeitung», 30/V 1871.

⁴ Vinoy, L'Armistice et la Commune, Paris, 1872, p. 344—345.

⁵ «Neuer Social-Demokrat», 15/IX 1871 (Bürgerkrieg in Paris).

⁶ Этот факт подтверждает и один из немецких очевидцев Коммуны Paul Grünfeld в своей книге «Paris unter der Commune. Nach eigener Wahrnehmung erzählt», Berlin (1873), S. 60.

⁷ «Der Volksstaat», 7/VI 1871: «Nun, wir haben die Versailler nach Paris hineingelassen, sie mögen zusehen, ob sie sich darin halten».

¹ «La Vérité», 24/V 1871.

² Holleben, op. cit., S. 267, 269, 271.

³ A. Dayot, L'Invasion, le Siège, la Commune [Paris, 1901], p. 222.

⁴ L. N. Rossel, Mémoires et correspondance, Paris, 1907, p. 368.

⁵ E. Reclus, La Commune de Paris au jour le jour, p. 368.

⁶ «Der Volksstaat», 7/VI 1871.

⁷ «Le Cri du Peuple», 25/V 1885 (Jules Boulabert, Les Vaincus. 1871. Porte de Romainville, 27/V 1871).

лию коммунаров, мешавшую своим огнем продвижению версальцев у Трокадеро и Дома инвалидов.¹

25 мая версальское командование обратилось к немецким властям с просьбой пропустить через занятый немцами Роменвиль войска, предназначенные для поддержки натиска на Бельвилль, один из последних оплотов Коммуны. Немецкое командование запросило Берлин, откуда последовало полное согласие. О том, какое тесное сотрудничество установилось в этот момент между немцами и версальцами, свидетельствует следующая телеграмма Мак-Магона Тьеру: «Будьте любезны передать генералу Фабрице, что войска, предназначенные для поддержки батареи, имеющей быть установленной у Прэ-Сен-Жервэ для обстрела высот Шомона, пройдут через ворота Клиньянкур и что офицер штаба генерала Ладмиро прибудет сегодня в Роменвиль, чтобы познакомить прусского генерала с планом атаки».²

26 мая прусский генерал фон-Папе писал в Берлин из Сен-Дени: «Версальские войска проходят через наши линии и взбираются на Ля-Виллетт и высоты Шомона с тыла, т. е. через Прэ-Сен-Жервэ. Завтра или послезавтра все безусловно будет кончено».³

Другой немецкий генерал принц Гогенлоэ-Ингельфинген приводит факты еще более прямого содействия версальцам со стороны отдельных частей германской армии в майские дни 1871 г. «Многим из наших офицеров, — рассказывает он, — становилось просто неумоготу быть ежедневными свидетелями боев, не принимая в них участия. Если случай сталкивал их с группой повстанцев, они находили истинное удовольствие в том, чтобы атаковать их». Тот же очевидец подтверждает факт пропуска версальских войск через немецкие линии к северо-востоку и востоку от Парижа. «Так пребывали мы, — замечает он, — в наилучших отношениях с солдатами и командирами войск, которые немного месяцев тому назад были нашими злейшими врагами».⁴

Резюмируя приведенные здесь факты, следует сказать, что падение важнейших пролетарских твердынь революционного Парижа 1871 г. — не только Монматра, но и Бельвилля, Ля-Виллетт, Бютт-Шомон — было сильно ускорено помощью, оказанной версальцам со стороны немецкого командования. Цитадели Коммуны пали под двойным ударом Бисмарка и Тьера.⁵

¹ *Holleben*, op. cit., S. 250, 256.

² *Ibidem*, S. 262.

³ *Ibidem*, S. 269: «Versailler Truppen kommen bei uns durch und greifen La Villette und die Buttes Chaumont von hinten an, das heiss über Le Pré St-Gervais. Morgen oder übermorgen wird es wohl vorbei sein».

⁴ Aus meinem Leben. Aufzeichnungen des Prinzen Kraft zu Hohentlohe-Ingelfingen, Berlin, 1907, B. IV, S. 493—495.

⁵ В своем печатном отчете об операциях версальской армии ее главнокомандующий, разумеется, совершенно умалчивает об этом (*Rapport du maréchal Mac-Mahon sur les opérations de l'armée de Versailles depuis le 11 avril*,

Активную помощь версальцам оказали немцы и при ликвидации последнего оплота Коммуны в не Парижа — форта Венсенн, который уже с 25 мая был окружен усиленными отрядами германской армии, наводнившими местечко того же имени.¹ При этом заняты были деревни Сен-Морис и Сен-Манде, которые по условиям перемирия отнесены были к нейтральной зоне. 28 мая, убедившись в полной невозможности дальнейшего сопротивления, командующий фортом Фальто повторно обратился к немецким военным властям (к генералу Гофф) с предложением сдать его на условиях свободного выхода гарнизона и предоставления всем желающим иностранных паспортов.² Кронпринц Альберт ответил на это предложение тем, что предоставил версальскому командованию полную свободу действий в этом оккупированном немцами районе: им разрешено было занять здесь любые позиции и стянуть сюда любое количество войск.³ 29 мая форт сдался версальцам без всяких условий, на «милость» победителя, который поспешил увенчать свою победу расстрелом 9 офицеров из 24.

Рассказанный нами эпизод показывает, что многие деятели Коммуны до самого конца остались верны своим иллюзиям в вопросе о германском «нейтралитете». О том же свидетельствуют и другие факты этого рода. Так, например, 22 мая один из членов Коммуны, Растуль, составил проект предложения, в котором предусматривалось обращение к немецким военным властям с просьбой о пропуске наличных батальонов федератов с оружием и багажом через прусские линии и предоставлении им возможности переправиться в Соединенные Штаты.⁴ Повидимому, однако, этот совершенно утопический проект, найденный потом в бумагах Растуля и опубликованный одним из историков, не был внесен его автором на рассмотрение Коммуны.

Гораздо характернее следующий эпизод. 24 мая личный секретарь посла Соединенных Штатов Америки Мак-Кин⁵ явился на экстренное заседание Коммуны (происходившее в мэрии XI округа), чтобы передать ей от имени пруссаков предложение о соглашении между версальцами и федератами на следующих

époque de sa formation, jusqu'au moment de la pacification de Paris, le 28 mai, Paris, le 30 juin 1871).

¹ *Holleben*, op. cit., S. 261, 264, 271, 276—277.

² *M. Du Camp*, op. cit., IV, p. 365—366. «Gazette des tribunaux», 8, 13—14/VI 1872, p. 560—561, 576, 580 (процесс Фальто в 3-м версальском военном суде).

³ *Vinoy*, op. cit., p. 430 (телеграмма Мак-Магона — Винуа от 29 мая).

⁴ *Du Camp*, op. cit., IV, p. 497—498 (Note trouvée chez Rastoul).

⁵ Член Коммуны *Лефрансэ* в своих мемуарах (Воспоминания коммунара, Л., 1925, стр. 133) называет этого секретаря Г. Артуром Ривс. Арестованный при подавлении Коммуны Арнольд показал, что посредником в этом деле выступал аташе американского посольства Steinwerk, с которым его познакомил некий Бертге, родственник Арнольда, рассчитывавший таким путем спасти его (*G. Laronze*, Histoire de la Commune de 1871 d'après des documents et des souvenirs inédits. La Justice, Paris, 1928, p. 616—617).

условиях: приостановка военных действий; перевыборы Коммуны и Национального собрания; эвакуация Парижа и его фортов версальцами; сохранение за национальной гвардией ее оружия; гарантия в том, что служившие в армии федератов лица не подвергнутся репрессиям. Эти условия, добавим, почти совпадали с теми, которые выставил в своей примиренческой прокламации от 23 мая Центральный комитет национальной гвардии.

У нас нет протокола заседания, на котором обсуждалось это предложение, поддержанное одним из присутствовавших членов Коммуны — Арнольдом. Лиссагарэ, не указывая своего источника, сообщает, что «Делеклюзу оно было сильно не по душе. Какие мотивы заставляли иностранцев вмешиваться? Ему отвечали: «Остановить пожары и сохранить свой залог». Но ведь у них был залог — версальское правительство, победа которого была в тот момент вне всякого сомнения. Другие серьезно уверяли, что отчаянная защита Парижа вызвала удивление пруссаков. Никто не поставил вопроса: не скрывается ли ловушка за этим бессмысленным предложением? И предполагаемый секретарь посла Соединенных Штатов не есть ли просто шпион? Хватались, как утопающие, за последнюю соломинку».¹ Собрание, на котором присутствовали, по словам одного из его участников Малона,² два десятка еще бывших налицо членов Коммуны, приняло изложенные выше условия с той оговоркой, чтобы Франции были предоставлены два месяца для подготовки к выборам в Учредительное собрание на основе всеобщего голосования.

На следующий день (25 мая), после нового свидания с секретарем американского посла, была выделена делегация в составе пяти членов Коммуны (Верморель, Делеклюз, Арнольд, Вальян, Лонкла), которым было поручено отправиться в Венсенн, где, по словам этого же секретаря, они должны были найти представителя немецких властей. Как известно, делегация эта не была пропущена национальными гвардейцами, стоявшими на страже у Венсенских ворот и заподозрившими членов Коммуны в намерении бежать.³ Делегация вернулась обратно в мэрию XI округа. На следующий день (а по другим сведениям в тот же день) член Коммуны Арнольд, снабженный соответствующим пропуском, сделал попытку пробраться для переговоров в Сен-Дени, но не был туда пропущен немцами.⁴

«В результате этого вмешательства Америки, вселившего уверенность в возобновлении нейтралитета, как и надежду на по-

средничество пруссаков, — в самый критический момент оборона была парализована на два дня. Несмотря на принятые меры предосторожности к сохранению переговоров в тайне, они вскоре стали известны национальным гвардейцам, которые стали, вполне доверяя нейтралитету пруссаков, массами направляться к прусским линиям, сдаваясь в плен. Известно, как этим доверием злоупотребили пруссаки, расстреливавшие на своих сторожевых постах часть беглецов и передававшие в руки версальцев тех, кто сдавался».¹ Коммуна угодила в ловушку, расставленную ей прусским юнкером при помощи дипломатического представителя «великой заокеанской демократии». Поведение Уошберна в этом деле было заклеено Генеральным советом Интернационала в специальном обращении к его американским секциям.

«. . . Бисмарк самодовольно смотрит на развалины Парижа и, вероятно, видит в них «первый шаг» ко всеобщему разрушению больших городов; ведь он любил мечтать об этом, когда он был еще только простым помещиком — депутатом прусской *Chambre introuvable* [бесподобной палаты] 1849 года. Он самодовольно любуется трупами парижского пролетариата. Для него это не только искоренение революции, но и уничтожение Франции, которая теперь, в самом деле, обезглавлена — и притом самим же французским правительством».²

После побед германского оружия в 1870 — 1871 гг. Коммуна была первым облачком на ясном небе империи Гогенцоллернов. Бисмарку приписывают признание, что Коммуна причинила ему первую бессонную ночь в течение всей войны. Теперь разгулявшиеся нервы «железного канцлера», которые делали его одно время прямо несносным для окружающих,³ наконец, успокоятся. Успокоится и вся официальная Германия, пресса которой не находит слов, чтобы выразить свое ликование по поводу подавления Коммуны. Еще бы ей не ликовать! «Интернациональная социалистическая сволочь», как изысканно выражаются господа прусские юнкера, «уготовала себе, наконец, в Париже давно заслуженное поражение, от которого она так скоро не оправится».⁴ Что это поражение куплено ценою интервенции «глубококонрастной и набожной Германии», совершившей «небывалое нарушение международного права даже с точки зрения юристов старого мира»,⁵ этого бесспорного факта не в состоянии будет замолчать даже самый циничный фашистский фальсификатор истории.

23 мая, когда борьба в Париже еще не была окончена, Маркс

¹ Лиссагарэ, История Коммуны. СПб, изд. Глаголева, стр. 293 (перевод исправлен. — А. М.).

² В. Малон, *La Troisième défaite du prolétariat français*. Neuchâtel, 1871, p. 454.

³ М. Вильом, В дни Коммуны, стр. 234—238 («Почему Делеклюз искал смерти»).

⁴ Лиссагарэ (ук. соч., стр. 307) говорит, что на немецких аванпостах «Арнольд был принят довольно грубо и отослан с неопределенным обещанием, что его письмо будет передано».

¹ «Мистер Уошберн, американский посол в Париже». Обращение Генерального совета I Интернационала к американским секциям от 11 июля 1871 г. (опубликовано нами в «Ленинградской правде», 18/III 1927).

² К. Маркс, Гражданская война во Франции (1871 г.), 1937, стр. 103.

³ Ср. *Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Grafen von Waldersee*, I, S. 130.

⁴ «*Kölnische Volkszeitung*», 24/V 1871.

⁵ К. Маркс, Гражданская война во Франции (1871 г.), 1937, стр. 103.

констатировал этот факт на заседании Генерального совета Интернационала. «Парижскую Коммуну, — говорил он, — побеждают с помощью пруссаков, которые действуют в качестве жандармов Тьера. План ее уничтожения был состряпан Бисмарком, Тьером и Фавром... Это старая история. Высшие классы всегда объединялись, чтобы держать в порабощении рабочий класс».¹

30 мая тот же Генеральный совет в манифесте, принадлежащем перу Маркса, заклеил контрреволюционный союз Бисмарка с Тьером словами, которые всегда будут звучать как приговор истории над версальскими палачами Коммуны и их соучастниками — германскими интервентами:

«После самой ужасной войны новейшего времени победившая и побежденная армии соединяются, чтобы вместе избивать пролетариат. Такое неслыханное событие доказывает не то, что новое, пробивающее себе дорогу общество потерпело окончательно поражение, как думал Бисмарк, — нет, оно доказывает полнейшее разложение старого буржуазного общества. Величайший героический подвиг, на который старый мир еще был способен, это — национальная война; но и она теперь оказывается только чистойшей мошеннической проделкой правительства; эта проделка не имеет никакой другой цели, кроме отсрочки классовой борьбы, и она сразу же летит к чорту, как только классовая борьба вспыхивает пожаром гражданской войны. Классовое господство уже не может больше прикрываться национальным мундиром; против пролетариата национальные правительства едины».²

Прошло сорок три года, разразилась мировая империалистическая война. Социал-шовинистами II Интернационала тезис Маркса, выведенный из уроков Коммуны, был предан забвению как «устаревший». Ленин напомнил о нем в борьбе против изменников делу социализма, русских и международных. Возражая этим предателям, которые «доказывали», что пролетариат отдельной страны не может желать поражения «своего» правительства, так как победить должна либо одна страна, либо другая, — Ленин писал:

«Возьмите пример Коммуны. Победила Германия Францию, и Бисмарк с Тьером победил рабочих!»³

XXII

В заключение — несколько слов о том, как разгром пролетарского восстания во Франции был использован Бисмарком и всей международной реакцией для организации крестового похода против интернационального рабочего движения.

Инициатива в этом деле принадлежала одновременно Герма-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Парижская Коммуна, 1938, стр. 207, 208.

² К. Маркс, Гражданская война во Франции (1871 г.), 1937, стр. 104.

³ В. И. Ленин, О поражении своего правительства в империалистской войне, Сочинения, т. XVIII, стр. 170.

нии и России. Представители Германской империи подняли этот вопрос еще во время борьбы Коммуны. Так, например, 17 мая находившийся в этот момент в Мадриде генерал Теодор фон-Бернгарди настойчиво доказывал королю Амедею необходимость усиления бдительности в отношении Интернационала, который с поражением Коммуны перенесет всю свою деятельность в Испанию. Король — с удовлетворением отмечает немецкий генерал — согласился с тем, что ему придется «драться не только за Испанию, но и за всю Европу, за всю цивилизацию».¹

Наибольшее сочувствие подобным планам встретили, конечно, в России, правящие круги которой восторженно приветствовали падение Коммуны. «Князь Горчаков, которого я только что видел, — доносил в Версаль 22 мая маркиз Габриак, — выразил мне свое полное удовлетворение счастливым известием о вступлении наших войск в Париж... Я получил также поздравление от г. Вестмана, который должен руководить министерством во время отсутствия канцлера».² В тот же день Александр II просил французского посла передать его поздравления Тьеру. 24 мая Габриак писал Фавру: «Мне не нужно вам говорить, с каким облегчением общественное мнение встретило здесь новость о вступлении наших войск в Париж. Европейское общество чувствует себя освобожденным от ужасного кошмара, который давил его в течение двух месяцев».³ Один из царских сановников писал 28 мая французскому послу: «Победа порядка во Франции — это победа цивилизации во всем мире. Я всей душой приветствую ее как человек, европеец и русский».⁴

При таких обстоятельствах неудивительно, что выдвинутая Бисмарком идея объединенной борьбы европейских правительств против международного социалистического движения была одобрительно встречена в Петербурге.

3 июня князь Рейсс доносил в Берлин, что русский император имеет в виду путем личных переговоров с Вильгельмом I и его канцлером обсудить мероприятия, необходимые для защиты Европы от покушений со стороны социалистов. «Все европейские правительства, — заявлял Александр II, — должны быть солидарны между собою в этом деле, должны взаимно поддерживать друг друга в борьбе против этого врага». Канцлер Германской империи прав: члены Интернационала должны рассматриваться не как политические, а как уголовные преступники.⁵

¹ Aus dem Leben *Theodor von Bernhardis*, IX Teil: In Spanien und Portugal. Tagebuchblätter aus den Jahren 1869—1871, Leipzig, 1906, S. 517—518.

² Сборник документов «Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 г.», стр. 157.

³ Там же, стр. 158.

⁴ *Marquis de Gabriac*, op. cit., p. 108, 114. Посол не приводит имени этого сановника.

⁵ *M. Busch*, op. cit., S. 251. Взятые нами в кавычки слова представляют собой не цитату из депеши германского посла, а выдержку из ее изложения секретарем Бисмарка (подлинник этой депеши нам неизвестен).

Когда 6 июня Жюль Фавр обратился к дипломатическим представителям Франции при иностранных правительствах с циркуляром, в котором требовал ареста и выдачи бежавших за границу коммунаров, циркуляр этот встретил самый сочувственный отклик как в Берлине, так и в Петербурге. Александр II не согласился с мнением управляющего министерством иностранных дел Вестмана, который в своем докладе императору от 11 июня (30 мая ст. ст.) писал: «Г-н Габриак спрашивал меня, какой ответ он может передать своему правительству. Я ему ответил, что официально я должен ограничиться составлением акта о получении его сообщения, но что, поскольку его императорское величество отсутствует, я не могу ничего прибавить к этому простому устному подтверждению получения. Что касается меня лично, я счел возможным сказать ему, что по всей видимости мы почти не будем иметь случая заняться этим вопросом [помета Александра II: «Напротив!】. Нужно думать, что члены Коммуны французы не отправятся укрываться в Россию [помета Александра II: «Как знать!】]; еще меньше этого можно ожидать от поляков, по отношению к которым, однако, мое правительство имело бы первенство при сведении счетов. Я полагаю, что этот вопрос не будет больше подниматься». К этим последним словам доклада царь, находившийся в этот момент в Берлине, отнесся явно отрицательно. Он наложил следующую характерную резолюцию: «Я рассматриваю этот вопрос, как вопрос самой большой важности для будущего всех правительств. По моему приказу министр юстиции составил по этому поводу докладную записку, которую я сам передал в Берлине императору-королю, желая, чтобы инициатива исходила не от меня, а от Пруссии. Теперь я ожидаю результатов».¹

Столь же сочувственно отнесся к циркуляру Фавра Бисмарк. Он поспешил предпринять ряд шагов, чтобы привлечь к борьбе против Интернационала правительства других европейских государств. 7 июня он писал в Вене германскому послу графу Швейницу, что «события, происходящие теперь в Париже, вскрыли солидарную организацию социалистических элементов в европейских странах и опасности, которыми она угрожает государственному порядку этих стран». «В Германии, — продолжал канцлер, — влияние коммунистических рабочих объединений дает себя знать в крупных индустриальных центрах наших западных провинций, именно в фабричных округах Саксонии». Но Германия не составляет исключения. «Некоторые признаки указывают на то, что и в Австрии, в частности в Вене, агитаторы находят себе почву среди рабочих». Если австро-венгерское правительство раз-

деляет взгляды германского на необходимость отпора «этим антигосударственным стремлениям», то пусть оно выскажется по вопросу о средствах совместной борьбы с ними. Ближайшей задачей, по мнению Бисмарка, должна быть организация обмена информацией об успехах социализма в отдельных странах.¹

Аналогичные письма были тогда же отправлены германским канцлером дипломатическим представителям Германии в Англии, Италии, Бельгии.

17 июня германский поверенный в делах в Париже граф Вальдерзее в разговоре с Тьером открыто предложил ему на случай новой революции германскую помощь, которая была принята с благодарностью.² В тот же день Бисмарк переслал канцлеру Австро-Венгерской монархии графу Бейсту составленную им памятную записку («Pro memoria») о Коммуне, ее значении и причинах поражения.³

Но далеко не все правительства одинаково горячо откликнулись на предпринятые Бисмарком шаги по сколачиванию «священного союза» для борьбы с Интернационалом. Бельгийский министр барон д'Анетан горько жаловался на сдержанную позицию Англии.⁴

Зато Германия могла быть уверена в полной солидарности с нею не только России, но и Австро-Венгрии.⁵ Уже 1 сентября 1871 г. Бейст созвал совещание австрийских и венгерских министров, специально посвященное этому вопросу. Он был затронут и на свиданиях Вильгельма I с Францем-Иосифом в Гаштейне и в Зальцбурге в августе и сентябре того же года.

Результатом всех этих переговоров и совещаний явилось создание в Вене особого правительственного «комитета по изучению рабочего вопроса». Впрочем, деятельность этого комитета не получила большого развития. Зато полицейские и судебные преследования социалистов почти во всех странах (особенно в Германии) усилились в еще небывалой степени.

«Если война против Интернационала, — писал Маркс в отчете Генерального совета Гаагскому конгрессу 1872 г., — до сих пор была локализована сначала во Франции — со дня плебисцита до падения империи, затем в Германии — в течение всей борьбы республики против Пруссии, то со дня провозглашения Парижской коммуны и после ее падения эта война стала всеобщей».⁶ Отчет

¹ Tagebuchblätter von Moritz Busch, Leipzig, 1899, II, S. 250—251. — М. Буш ошибочно датирует это письмо 7 мая.

² Denkwürdigkeiten des Grafen von Waldersee, I, S. 143.

³ Eine Denkschrift Bismarcks über die Pariser Kommune. Mitgeleitet und eingeleitet von Ludwig Brügel. «Österreichische Rundschau», XLVI, Heft 3, 1/II 1916, S. 109—113.

⁴ Tagebuchblätter von M. Busch, II, S. 252—253.

⁵ О позиции австро-венгерского правительства в этом вопросе, о травле эмигрантов Коммуны в Австро-Венгрии см. в книге L. Brügel, Geschichte der österreichischen Sozialdemokratie, B. II (1870—1873), Wien, 1922.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Парижская Коммуна, 1938, стр. 226.

¹ Сборник документов «Царская дипломатия и Парижская Коммуна», стр. 175—176. Эта докладная записка не сохранилась.

приводит многочисленные факты травли отдельных членов и целых организаций Интернационала в Германии и Австро-Венгрии, в Дании и Бельгии, в Италии и Испании, в России и Англии (Ирландии). В этой травле принял участие и папа Пий IX, осудивший швейцарское правительство за то, что «оно предоставляет право убежища большому числу людей худшего сорта» и «... терпит у себя секту интернационалистов, с которыми вся Европа хотела бы расправиться, как с ними расправился Париж».¹

«Но все репрессивные мероприятия, которые были в состоянии измыслить объединенный правительственный разум Европы, — добавлял Маркс, — меркнут перед той клеветнической кампанией, которую ведет против Интернационала во всеоружии лжи цивилизованный мир. Апокрифические истории и тайны Интернационала, бесстыдные извращения официальных документов и частных писем, сенсационные телеграммы и т. п. быстро следовали одни за другими; все шлюзы клеветы, которые были в распоряжении продажной буржуазной прессы, были сразу открыты и выпустили целый поток гнусности, который должен был потопить ненавистного врага. Эта война при помощи клеветы не имеет себе равной во всей истории, настолько поистине интернационален театр военных действий, на котором она разыгрывается, настолько велико единодушие, с которым ее ведут самые различные партийные органы господствующих классов. После большого пожара в Чикаго телеграф разнес по всему земному шару весть, что это дьявольская работа Интернационала. Нужно только удивляться, как не приписали его же демоническому вмешательству ураган, который опустошил Вест-Индию».²

Что своей пропагандой интернационального крестового похода против социализма Бисмарк преследовал одновременно и цели иного порядка, это не подлежит никакому сомнению. Секретарь канцлера Мориц Буш совершенно правильно излагает эти цели следующим образом:³ «Используя страх перед Интернационалом, восстановить Россию против Франции, как страны Коммуны и красных вообще, и завоевать на свою сторону Австрию».⁴

Так сочетает в своей политике Бисмарк борьбу против международного пролетарского движения с борьбой за гегемонию Германии в Европе. Прикрываясь «идейной» защитой дела «порядка», он стремится закрепить за Германской империей то влия-

тельное положение, которое она заняла после своей победы над Францией в 1871 г.

История повторяется, хотя и на новой основе.

В 1871 г. вторая Германская империя, в своей роли интервента по отношению к Парижской Коммуне, а затем организатора крестового похода против Международного товарищества рабочих, стяжала себе «славу» стража «порядка» в Европе и использовала страх ее владельческих классов перед социализмом для борьбы за гегемонию монархии Гогенцоллернов на европейском континенте.

В 1939 г. «третья империя», как именуют нынешнюю Германию ее кровавые фашистские правители, завоевала себе во всем мире «славу» поджигателя второй империалистической войны. Используя смертельный страх мировой буржуазии перед успехами Советского Союза, перед рабочим движением и народным фронтом в странах капитала, гитлеровская Германия со своими союзниками — фашистской Италией и фашистской Японией — добивается под предлогом борьбы с Коммунистическим Интернационалом передела мира в свою пользу, порабощения всех народов и установления своей гегемонии.

Но мощь Советского Союза и силы демократии всего мира преградят путь агрессорам и освободят человечество от фашистского варварства.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Парижская Коммуна, 1938, стр. 228. •

² Там же, стр. 229—230.

³ М. Busch, op. cit., S. 254: «... die Hauptabsicht war bei dem Manöver, die Gefahr der Internationale benutzend, Russland gegen Frankreich, das Land der Kommune und der Roten überhaupt, festzuhalten und Österreich zu gewinnen».

⁴ Таким же образом расценивал эту политику германского канцлера Маркс в приведенном выше отчете Генерального совета: «Действительной целью Бисмарка было, конечно, обеспечить себе союзников для предстоящей войны с Россией, а Интернационал был выставлен перед Австрией, как выставляют кусок красной материи перед быком» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Парижская Коммуна, 1938, стр. 228—229).

В. С. АЛЕКСЕЕВ-ПОПОВ

РАБОЧИЙ КЛАСС ГЕРМАНИИ

В ДНИ

ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

I

Одной из главных особенностей развития освободительной борьбы пролетариата, начиная с 60-х годов XIX века, является неуклонный рост и укрепление его международной солидарности

Почетное место в истории этой борьбы принадлежит первой международной организации пролетариата — Международному товариществу рабочих, созданному в 1864 г. творцами научного социализма — Марксом и Энгельсом.

Борьба Парижской Коммуны — этого «духовного детища» I Интернационала — особенно отчетливо показала огромные результаты его семилетней деятельности.

Чрезвычайно выразительно сформулировал это Маркс в написанном в сентябре 1872 г. отчете Генерального совета Гаагскому конгрессу: «Различие между рабочим классом, интернационально не организованным, и рабочим классом, имеющим свое Международное товарищество, становится особенно поразительным, если мы обратимся назад, к революции 1848 г. Потребовалось много долгих лет, пока рабочие сами признали в июньском восстании 1848 г. дело своих собственных передовых борцов. А Парижскую коммуну немедленно приветствовали ликующими возгласами пролетарии всех стран». ¹

Это могло произойти потому, что Парижская Коммуна, по словам Маркса, была «... интернациональной в полном смысле этого слова. Перед лицом прусской армии, присоединившей к Германии две французские провинции, Коммуна присоединяла к Франции рабочих всего мира». ²

Громадное влияние Коммуны на рабочее движение всех стран определяется тем, что именно она нанесла первый удар по капитализму. ³ Коммуна — писал Ленин — «... всколыхнула по Европе

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Парижская Коммуна, 1938, стр. 230.

² К. Маркс, Гражданская война во Франции (1871 г.), 1938, стр. 64.

³ Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова о конспекте учебника «Новой истории», «Правда», 27/1 1936.

социалистическое движение. . . »¹ Энгельс, давая в 1874 г. оценку состояния немецкого рабочего движения, писал: «Где были бы мы теперь без примера английских тред-юнионов и политической борьбы французских рабочих, без того гигантского толчка, который дала в особенности Парижская коммуна?»²

Изучение этого влияния является одной из важнейших задач, стоящих перед историками Коммуны — первого опыта пролетарской диктатуры.

При этом особенно важное значение имеет вопрос о влиянии Коммуны на немецких рабочих, изучение их поведения в дни ее героической борьбы и трагической гибели.

Почему это так?

Почему на страницах этой книги мы стремимся выделить из хора ликующих голосов, которыми рабочие всех стран приветствовали Коммуну, голоса именно немецких рабочих?

На то существуют две причины.

С одной стороны, как мы уже видели, лагерь противников Коммуны включал не только «отечественных», французских, но и германских помещиков и буржуа. Завоевать на свою сторону активные симпатии рабочего класса Германии — значило для Коммуны сделать шаг к отвоеванию у Бисмарка немецких рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели, — это значило сделать шаг к тому, чтобы разорвать железное кольцо немецких войск, окружавших Париж с севера и востока. Завоевать на свою сторону трудящихся Германии — это значило решить проблему союзников пролетарской революции за пределами Франции.

Но Коммуна, поверившая, как мы видели, лицемерным декларациям германского правительства «о нейтралитете», оказалась не в силах разрешить эту проблему, так же как она оказалась не в силах разрешить проблему союзников внутри страны — проблему крестьянских резервов. «Зажатая в тиски между наемниками бывшей французской империи, с одной стороны, и пруссаками — с другой, Коммуна была быстро истреблена в беспримерной резне, которой мы никогда не забудем».³

С другой стороны, из всех отрядов международного пролетариата рабочий класс Германии в памятные дни Коммуны выразил наибольшее сочувствие ей, заняв наиболее последовательную интернационалистскую позицию. Объясняется это тем, что в силу ряда исторических условий немецкие рабочие выдвигались в это время на передовую линию освободительной борьбы пролетариата.

В германском рабочем движении существовали старые революционные традиции.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 163.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 143.

³ Ф. Энгельс [Письмо французским товарищам (1886 г.)], К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 257.

Еще в 40-х годах прошлого века, когда Германия стояла накануне буржуазной демократической революции, вожди германского пролетариата — Маркс и Энгельс — заложили основы самостоятельной партии рабочего класса. В 1847 г. они основали «Союз коммунистов» — «. . . первую организацию немецкой социал-демократической партии».¹

Но в 1848 г. немецкий пролетариат, немногочисленный, мало развитый, неорганизованный, «. . . только смутно чувствовал глубокую противоположность своих интересов интересам буржуазии».² «. . . Не сознавая еще своей собственной исторической роли», он «должен был в подавляющей своей массе на первых порах взять на себя роль передового, крайнего левого крыла буржуазии. Немецкие рабочие должны были прежде всего завоевать себе те права, которые были им необходимы для самостоятельной организации в классовую партию: свободу печати, союзов и собраний. . . »³

После поражения революции 1848 г. новый подъем в рабочем движении Германии обозначился к началу 60-х годов. К этому времени увеличилась концентрация немецкого пролетариата, выросли его классовая сознательность и организованность.

За два месяца до восстания, приведшего к провозглашению Коммуны в Париже, завершился многолетний процесс национального воссоединения Германии. В результате победоносного для Пруссии исхода войны с Францией 18 января 1871 г. была провозглашена Германская империя.

«. . . То, что Германия первоначально обретает свое единство в прусской казарме, является наказанием, ею вполне заслуженным. Но результат, хотя и таким способом, все же достигнут. Вздорные мелочи, как, например, конфликт между северо-германскими национал-либералами и южно-германской Народной партией, впредь не будут становиться понапрасну поперек дороги. Отношения развернутся в большом масштабе и упростятся. И если тогда германский рабочий класс не сыграет выпавшей на его долю исторической роли, то это — его вина. *Нынешняя война перенесла центр тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию.* Тем самым на германский рабочий класс ложится большая ответственность. . . »⁴

Так писал Маркс немецким социалистам 1 сентября 1870 г., в разгар франко-прусской войны.

Оценивая поведение немецкого пролетариата во время этой войны, Энгельс писал:

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 414.

² Там же, т. XVI, ч. I, стр. 166—167.

³ Там же, стр. 167.

⁴ Там же, т. XXVI, стр. 70. (Маркс — Комитету Германской социал-демократической рабочей партии, 1 сентября 1870 г.)

«...Германские рабочие оказались в авангарде европейского движения *главным образом* благодаря своему подлинно интернационалистскому поведению во время войны; никакой другой пролетариат не мог бы держать себя так блестяще». ¹ }

В полном единении с интернационалистскими настроениями рабочих Германии вожди немецкой социал-демократии, ее представители в рейхстаге Бебель и Либкнехт не побоялись открыто заявить о том, что протестуют против войны и отказываются голосовать за какие бы то ни было военные кредиты.

За это смелое выступление Бебель и Либкнехт подверглись репрессиям, — были арестованы и брошены в тюрьму, где пробыли до весны 1871 г. Еще раньше подверглись заключению в крепость члены Брауншвейгского (центрального) комитета германской социал-демократической партии.

Еще не успели немецкие рабочие собрать свои силы после перенесенного ими в дни войны сурового испытания, как история поставила их перед новым, еще более сложным испытанием: в столице побежденной Франции, в окруженном немецкими оккупационными войсками Париже взвился красный флаг первого в мире рабочего правительства.

Среди опьянения победой, охватившего прусское юнкерство и буржуазию, ликовавших по поводу пятимиллиардной контрибуции и отторжения от Франции двух ее богатейших областей — Эльзаса и Лотарингии, — в чадю бешеной антифранцузской пропаганды рабочие Германии должны были выразить чувство солидарности с коммунарами как борцами за общее пролетарское дело.

Напомним, что представляла собой Германия весной 1871 г. Основные моменты этого периода — экономическая отсталость, завершение (в своеобразной форме) начавшейся в 1848 г. буржуазно-демократической революции, трусость буржуазии, пошедшей на сделку с юнкерством, сохранившим свои позиции в стране, распыленность пролетариата, наличие значительных мелкобуржуазных пережитков в его быту и идеологии. «...Хотя наши немецкие рабочие, — писал в 1872 г. Энгельс, — в теоретическом отношении опередили всех других, на практике они далеко еще не стяхнули с себя былого «мастерского»...»²

Немецкая буржуазия уже в 1848 г. отшатнулась от рабочих, так как для нее «...малейшее самостоятельное движение пролетариата было страшнее феодального дворянства и бюрократии. Спокойствие, купленное ценою холопства, казалось ей более предпочтительным, чем даже одна только *перспектива* борьбы за свободу. С тех пор этот священный ужас перед рабочими делался у буржуа традиционным...»³

Эти слова Энгельса, написанные в 1865 г., сохраняли всю свою силу к интересующему нас периоду. В 1870—1871 гг., когда рабочая партия делала первые шаги по пути своего превращения в массовую политическую организацию рабочего класса, начала издавать свои газеты, провела своих первых представителей в рейхстаг, «священный ужас» буржуазии перед пролетариатом вырос, укрепился и окончательно превратил ее в верного союзника юнкеров.

Как только правящие классы Германии добились объединения страны «сверху» в империю Гогенцоллернов, они направили свои силы против общего врага — против рабочего класса. Энгельс, внимательно следивший за событиями внутривнутриполитической жизни Германии, предупреждал об этом деятелей немецкого рабочего движения Карла Клейна и Фрица Молля. 10 марта 1871 г. он писал им: «Для немецких рабочих начинается теперь трудное время: повидимому, состоялось решение, что они должны послужить жертвой, при заклинании которой произойдет примирение между помещиками и буржуазией». ¹

Это объединение сил господствующих классов было тем опаснее, что ряды немецких рабочих не были сплоченными и едиными.

«...Когда Германия испытала один из величайших исторических переломов — образование империи, открытие рейхстага, дарование всеобщего избирательного права, — один план социал-демократической политики и работы вообще был у Либкнехта, другой у Швейцера», — писал Ленин.²

Что же это были за планы, какие направления в руководстве немецким рабочим движением представляли собой фигуры Швейцера и Либкнехта? Швейцер представлял прошлое движения — лассальянский его этап, Либкнехт и Август Бебель — его будущее — марксистскую рабочую партию.

«Первая фаза борьбы пролетариата против буржуазии отмечена сектантским движением. Оно имеет свое право на существование в эпоху, когда пролетариат еще недостаточно развился для того, чтобы действовать как класс». ³ Но эти сектантские организации, «...служившие рычагами движения при его возникновении, превратились в препятствие для него с того момента, когда оно их переросло, и тогда они становятся реакционными...»⁴ Такова была и судьба лассальянства.

В 1863 г. Лассаль основал Всеобщий немецкий рабочий союз и тем способствовал организационному обособлению рабочего движения от буржуазно-демократического. Но совершен-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 97.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. IV, стр. 398.

³ К. Маркс. «Мнимые расколы в Интернационале». Цитировано по переводу данного отрывка, помещенному в редакционных примечаниях к «Критике Готской программы» Маркса, 1937, стр. 83.

⁴ Там же.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 384.

² Там же, стр. 235.

³ Там же, т. XIII, ч. I, стр. 54.

ные Лассалем крупные ошибки определили резко отрицательное значение всей его деятельности для развития рабочего движения. Главная ошибка Лассалья состояла в том, что он «... мелкую исходную точку» — создание производительных рабочих товариществ, субсидируемых государством, «сделал центральным пунктом своей агитации»,¹ и хотел направить ход классового движения «... по некоему определенному доктринерскому рецепту».² Оппортунизм в теории и практике привел Лассалья на путь переговоров и соглашения с Бисмарком, т. е. на путь прямого предательства интересов рабочего движения. «Лассаль и лассальянцы...», — писал Ленин, — вели шаткую тактику, приспособляясь к гегемонии юнкера Бисмарка. Их ошибки сводились к уклону рабочей партии на бонапартистски-государственно-социалистический путь».³

После смерти Лассалья (в 1864 г.) среди руководителей Всеобщего рабочего союза выдвинулся Иоганн-Баптист Швейцер, ловкий политический делец и честолюбивый интриган. Швейцер всячески противился присоединению Рабочего союза к Интернационалу. Идя по тому же пути, что и Лассаль, он зашел еще дальше и с течением времени превратился в скрытого агента Бисмарка внутри рабочего движения. К концу 60-х годов, и особенно после войны 1870 г., положение Швейцера становилось все затруднительнее.

С момента организации Интернационала борьба Маркса с различными сектами, существовавшими в отдельных странах, вступила в новую фазу. Маркс и Энгельс, неустанно боровшиеся с лассальянцами, являлись центром притяжения для деятелей немецкого рабочего движения, шедших по новому пути. Среди них выделились обладавший значительным опытом участник революции 1848 г., прошедший школу эмиграции вблизи Маркса, — Вильгельм Либкнехт и молодой, талантливый рабочий вождь — токарь Август Бебель. Выдвинувшись в качестве руководителя рабочих Саксонии, он во второй половине 60-х годов возглавил борьбу немецких рабочих за создание централизованных профсоюзов. В сентябре 1868 г. на съезде немецких рабочих союзов в Нюрнберге откололось меньшинство, которое приняло программу, выдержанную в духе Интернационала.

Через год, на конгрессе Всеобщего рабочего союза в Эйзенахе, левое крыло союза, шедшее за Бебелем и Либкнехтом, оформилось в социал-демократическую рабочую партию Германии.

С организацией этой партии немецкое рабочее движение поднялось на новую, более высокую ступень.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXV, стр. 536.

² Там же, стр. 537.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. XVI, стр. 547.

Это обеспечило решающее идейно-политическое влияние Маркса и Энгельса на руководителей передовой части немецких рабочих. Комитет партии получал от руководителей Интернационала исчерпывающие указания, точные директивы, направлявшие линию поведения партийного руководства во всех вопросах внутренней и внешней политики.

Борьба социал-демократической партии с вождями лассальянцев за влияние в массах в значительной мере затруднялась половинчатой тактикой Либкнехта, который крайне медленно преодолевал свои ошибки предыдущего периода — 1868—1869 гг. Не умея сразу же поставить ставку на самостоятельное рабочее движение, он пытался тогда опереться на мелкобуржуазную демократию. После возникновения самостоятельной рабочей партии Либкнехт не умел противопоставить интриганству Швейцера достаточно действенную агитацию среди рабочих масс.

Летом 1869 г. Энгельс в письме к Марксу отмечал, что Швейцер «... быстро сходит на-нет, и если бы ему противостоял другой противник, чем Вильгельм (т. е. Вильгельм Либкнехт. — В. А.), то это сильно ускорило бы процесс».¹ В этом отношении для партии много сделал Бебель. Его роль в руководстве партии непрерывно возрастала, и благодаря этому борьба со Швейцером пошла значительно успешнее. В 1869 г. Энгельс писал Марксу: «Бебель прямо хватает Швейцера за горло и выдвигает против него несколько сокрушительных фактов, из которых можно заключить, что Швейцер получил свою долю из гвельфского фонда, находящегося в распоряжении Штибера».²

«... Надеюсь, — писал 3 июля 1869 г. Маркс, — что... немецкое рабочее движение выйдет, наконец, из стадии лассальянской детской болезни, остатки которой будут изжиты при помощи простой изоляции сектантов».³

Значительное влияние на ход этого процесса имели события франко-прусской войны 1870—1871 гг. Мужественное поведение Бебеля и Либкнехта, открыто выступивших в рейхстаге против военных кредитов, составляло резкий контраст с поведением Швейцера и его сторонников, давших себя увлечь на путь «органического» сотрудничества с правительством новой Германской империи. Престиж Швейцера к 1871 г. был уже сильно поколеблен.

Таково было соотношение сил внутри немецкого рабочего движения к моменту возникновения Коммуны.

II

Как же встретили рабочие Германии весть о событиях 18 марта?

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 210.

² Там же, стр. 210—211. Штибер — начальник прусской тайной полиции. — В. А.

³ Там же, стр. 208.

Ответ на этот вопрос дает нам изучение рабочих газет.

К 1871 г. рабочая печать Германии, возродившаяся после поражения революции 1848 г. и закрытия «Новой рейнской газеты», насчитывала уже около десяти лет своего существования.¹ Однако, если ее возникновение относится к первой половине 60-х годов, то речь тут идет о том типе изданий, которые мы сейчас назвали бы «профсоюзной печатью», политическая же печать получает распространение лишь к 1868—1870 гг.

Сюда относятся: начавший выходить в Лейпциге с октября 1869 г. центральный орган социал-демократической рабочей партии Германии — газета «Народное государство» («Der Volksstaat») газеты «Всеобщего немецкого рабочего союза»: основанный Швейцером в Берлине в 1864 г., при финансовой поддержке Бисмарка, «Социал-демократ» и журнал-газета «Агитатор», выходившая там же с 1870 г.

Газета «Народное государство» была создана по постановлению учредительного конгресса партии путем переименования и изменения персонального состава редакции издававшейся Либкнехтом в 1868—1869 гг. газеты «Демократический еженедельник» («Demokratisches Wochenblatt»). В 1871 г. газета выходила два раза в неделю, главным редактором ее был Вильгельм Либкнехт, его помощником — Адольф Гепнер, заведывавший издательством (т. е. складом, рассылкой, финансовыми и хозяйственными делами) Август Бебель.

Несмотря на тяжелые условия военного времени (газета в 1871 г. была запрещена во всей северной Германии), «Народное государство» к концу первого квартала 1871 г. насчитывало 2790 подписчиков. Весьма важно отметить, что около третьей части их — это являвшиеся в то время одним из передовых отрядов социал-демократического движения рабочие Саксонии: Лейпцига, округов Мееран, Цвикау, Глаухау и других.

Газета не сразу завоевала ту популярность и уважение среди рабочих, которыми она пользовалась весной 1871 г. Далеко не из всех трудных положений, в которые обстановка войны ста-

вила рабочий класс, редактор газеты выходил с честью. В переписке Маркса и Энгельса между собой и с деятелями немецкого рабочего движения за 1870 г. мы встречаем немало беспощадных критических нападок, которым они подвергали линию газеты и воззрения ее редактора. Как увидим, уроки этой критики не пропали даром.

Значительную роль в газете сыграл Бебель, вошедший в это время в ее редакцию. Его связи с рабочей массой помогли «Народному государству» шире и полнее отражать ее жизнь.

Первые сообщения о событиях в Париже появились в «Народном государстве» и в «Социал-демократе» 22 марта.

Анализируя положение в Париже, редакция «Народного государства» писала, что «каждый день можно ожидать известия о покушении буржуазии и военщины на республиканцев». А на последней полосе этого номера мы находим следующее сообщение, полученное, как видно, в последнюю минуту:

«В Париже была сделана, но блестяще отражена попытка покушения». И дальше — крупным шрифтом: «В Париже образовалось новое временное правительство, в состав которого вошли Варлен, Асси, Толен и другие товарищи по партии. Новое правительство провозгласило мир и порядок и, при любых обстоятельствах, — сохранение республики. По последним известиям, Бисмарк и его партия намерены возобновить войну с целью уничтожения или ослабления французской республики. Согласится ли на это немецкий народ?»¹

¹ «Der Volksstaat». Organ der social-demokratischen Arbeiterpartei und der Internationalen Oewerksgenossenschaften, № 24, 22/III 1871. Это сообщение, в части, касающемся Толена, неверно: он не был членом Центрального комитета национальн. гвардии, а остался в Версале в качестве депутата Национального собрания, за что и был тогда же исключен из Интернационала.

Nachricht: Das Attentat in Paris ist vereitelt, aber glanzend zurüdgewiesen worden! Zu der Nacht vom 18 auf den 19 ließ die Regierung durch einen militärischen Hauptstabschef einige Kanonen aus dem Stadttheil Montmartre entwerfen und 400 Nationalgardisten, die protestirten, verhaften. Am 19. Morgens riefen die Nationalgarde-Bataillone von Belleville vor das Gefängniß und besetzten das militärische Gefängniß. Beim Anmarsch trugen sie die Gewehre mit den Kolben nach oben, zum Zeichen, daß sie keinen Kampf wollten. Die Soldaten des General Vinoy, die um den Stadttheil Montmartre herum aufgestellt waren und die auf die Straßen von Montmartre gerichteten Mitrailleusen bewachten, diese Soldaten verstanden das Zeichen der Nationalgardisten, fielen denselben als Brüder in die Arme und übergaben ihnen ihre Ausrüstungen. Ein Lieutenant, der das Volk mit dem Sabel bedrohte, wurde vom Volke getödtet. Damit war der erste Angriff abgeschlagen, und zum weiteren Schutze des republikanischen Lagers strömten nun von allen Seiten die Pariser Arbeiterbataillone nach Montmartre, alle die Gewehrkolben nach oben haltend, mit dem Ruf: „Es lebe die Republik!“

Der zweite Angriff auf das Volk erfolgte nunmehr von allen Seiten, wurde aber in kurzer Zeit abgewiesen. Ueberall verbrüderten sich Linie und Nationalgarde. Zwei Generale, Thomas und Lecointe, wurden erschossen. Die Regierung Thiers' ist zerstreut, ein Theil der Mitglieder ging nach Versailles, fand aber auch dort die republikanische Partei wach und auf dem Fuße.

In Paris hat sich eine neue provisorische Regierung gebildet, unter deren Mitglieder ich Varlin, Joffe, Tolain und andere Pariserer sind befinden. Die neue Regierung erklärt, den Frieden und die Ordnung, aber unter allen Umständen die Aufrechterhaltung der Republik zu wollen, und schreibt neue Wahlen zur Konstituante und zu den Kommunalvertretungen aus.

Nach den neuesten militärischen Nachrichten scheint Bismarck und seine Partei den Krieg zur Ueberbrückung oder Schwächung der französischen Republik wieder aufnehmen zu wollen. Wird des deutsche Volk sich dazu hergeben?

Первое сообщение о революции 18 марта, помещенное в «Народном государстве».

В этом кратком сообщении о революции 18 марта уже заключены в виде тезисов те мысли, которые газета в дальнейшем будет развивать и обосновывать: газета подчеркивает демократический состав нового правительства, миролюбивые внешне-политические декларации новой рабочей власти и, что было особенно важно в ту минуту, смело говорит об опасности, угрожающей самому существованию этой власти со стороны германской интервенции. Как видим, газета не только назвала вещи своими именами, но обратилась с вопросом к немецкому народу, допустит ли он, чтобы немецкие солдаты послужили слепым орудием в руках врагов Коммуны.

Сравним тон и характер этого сообщения с тем, что писал по этому поводу центральный орган Всеобщего рабочего союза. В «Социал-демократе» в тот же день, 22 марта, говорилось:

«На парижской ратуше развевается красное знамя! Линейные войска братаются с народом и национальной гвардией! Временное правительство, состоящее большей частью из рабочих, безраздельно властвует в Париже, и Национальное собрание в Версале, полное страха, дрожит перед поступью рабочих батальонов...»

Несомненно, буржуазия начнет борьбу; вполне возможно, она будет вопить, требуя поддержки немецких штыков, чтобы покорить трудящийся народ своей собственной страны!

Победит ли она опять, как в кровавые июньские дни?

Это серьезно нас затрагивает! И хотя мы и не можем приподнять завесу над будущим, но, учитывая мощные усилия парижских рабочих, мы должны отбросить всякий страх.

Солнце мартовских дней опять светит. Не новое рабство, а свобода, равенство и братство должны быть конечной целью разгоревшейся борьбы.

Будем, поэтому, крепко рассчитывать на парижских рабочих, которые уже столько раз доказывали, на что они способны». ¹

В передовой статье, посвященной событиям в Париже, 31 марта редакция «Социал-демократа» писала:

«Долг немецких рабочих в современном серьезном положении оказать своим французским братьям посильную помощь, и если сейчас мы в силах помочь им лишь тем, что опровергнем клевету печати и добьемся, чтобы немецкий народ увидел в их стремлениях благородную борьбу за освобождение человечества и уничтожение эксплуатации, то и это будет большим успехом...»

Недаром требует буржуазия всех стран, в том числе и французская, чтобы немецкие солдаты превратились в наемных палачей и утопили социализм в крови. Недаром парижских рабочих пытаются представить в глазах немецкого народа в виде банды

¹ «Der Social-Demokrat». Organ des Allgemeinen Deutschen Arbeiter Vereins, № 32, 22/III 1871.

кровавых разбойников. Чтобы сохранить привилегии денежного мешка, хотят втянуть жаждущую мира Германию в новую войну.

Поэтому каждый социалист, стремящийся к братству народов, а не к их взаимному уничтожению, должен возвысить свой голос. Он должен громко возвестить правду немецкому народу. И если нам удастся разоблачить ложь буржуазной печати, то буржуазии вряд ли удастся осуществить свой план — при помощи силы немецкого оружия не допустить освобождения рабочего класса во Франции». ¹

Посмотрим, что писал другой орган Всеобщего рабочего союза, — выходившая также в Берлине газета «Агитатор». В номере от 1 апреля ² читаем:

«Действие социальной революции, вспыхнувшей во Франции, сказывается с непреодолимой силой. Мощное влияние этой революции на современную жизнь выражается то в ярости, то в страхе, то в растерянности.

Прежде всего, стало несомненным, что классовая ненависть гораздо сильнее национальной. Французская буржуазия предпочитает снова увидеть в стране врага, чем допустить победу собственных рабочих. Немецкая буржуазия предпочитает послать снова немецкие войска на поле битвы, чем терпеть социализм в соседней стране.

Редакция «Агитатора» пишет по поводу речи Жюля Фавра в Национальном собрании, в которой он открыто говорил о возможности использования чужеземных войск для подавления парижского восстания: «Обвинения, выдвигаемые Жюлем Фавром против парижских социалистов, основаны на искажении истины. Эти обвинения совершенно явно имеют целью оправдать измену родине, измену, которую он совершает, призывая иностранные войска для удушения свободы...»

Наряду с этим примером морального разложения вождей французской буржуазии травля Коммуны, которую подняла немецкая печать, доказывает, что имущие классы Германии охотно пролили бы немецкую кровь, чтобы этой ценой сорвать красное знамя, взвившееся во Франции».

Следует отметить довольно существенную разницу в самой постановке центральными органами обеих партий вопроса об отношении немецких рабочих к борьбе парижан. Если «Народное государство», сигнализируя об опасности германской интервенции, открыто обращается к народу, спрашивая, «допустит ли он это», то «Социал-демократ» предлагает «положиться» на французских рабочих, как достаточно уже себя зарекомендовавших в прежних боях, и пытается чувство проле-

тарской солидарности немецких рабочих ввести в узкие рамки, ограничив их задачи борьбой с клеветническими измышлениями буржуазной печати.

Но на этот раз Швейцер и его приспешники просчитались. Они ошиблись, утверждая, что «знают, о чем думают немецкие рабочие»; им не только не пришлось «убеждать» трудящихся Германии в «благородстве стремлений коммунаров», но под прямым давлением снизу они вынуждены были удовлетворить стремление масс к открытому обсуждению событий парижской революции. А это значило дать возможность массе через голову руководителей послать коммунарам горячий братский привет.

Уже 26 марта состоялось два таких собрания местных организаций Рабочего союза: в Берлине, являвшемся в то время цитаделью лассальянства, и в Эльберфельде. На многолюдном собрании берлинской организации, где председательствовал глава Союза Швейцер, тысячей голосов против одного была принята следующая резолюция:

«Собрание с радостью приветствует социальную революцию, происшедшую в Париже и в других крупных городах Франции, как восстание здорового трудящегося народа против разлагающейся буржуазии.

Собрание объявляет ложными обвинения печати и ожидает от победы этой революции установления свободы, равенства, братства и мира в Европе». ¹

Рабочие Эльберфельда приняли приветственное обращение к рабочим Парижа, в котором они горячо поздравляли их с успешным исходом революции.

Это обращение было несколько позже отправлено в Париж. 5 апреля 1871 г. Энгельс писал Либкнехту: «Эльберфельдское воззвание было *вчера* получено Генеральным советом *для дальнейшего направления* и уже отослано. Я его прочел». ²

Утрата депутатского мандата — провал на выборах 1871 г. в Эльберфельде, финансовое банкротство «Социал-демократа» и, наконец, проявление немецкими рабочими, вопреки указаниям вождей Рабочего союза, солидарности с Коммуной, — все это были грозные симптомы для Швейцера. Он сделал из всех этих фактов радикальный вывод и подал в отставку, заявив, что он не только устраняется от руководства Всеобщим рабочим союзом, но и вообще отказывается от участия в движении.

24 марта в «Социал-демократе» появилось его заявление. Он мог сколько угодно писать в нем о «личных» обстоятельствах, побудивших его к этому шагу. Истинные причины были и без того ясны. Их открыто назвала редакция «Народного государства», когда 12 апреля писала: «Эльберфельдские избиратели г. фон-Швейцера отправили парижанам адрес, в котором они

¹ «Der Social-Demokrat», № 36, 31/IV 1871.

² К сожалению, предыдущие номера отсутствуют в комплекте библиотеки ИМЭЛ, которым мы пользовались. — В. А.

¹ «Der Social-Demokrat», № 35, 29/III 1871.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 102.

их горячо поздравляют с последней успешной революцией. Что скажет на это г. Швейцер? Вероятно, это и объясняет его внезапную отставку? Он ушел в отставку потому, что был отставлен (Er dank e ab, weil er abg dankt war)»¹

Так под влиянием Коммуны уже в первые дни ее существования началась изоляция лассальянских вождей от рабочей массы. Самый опасный из них, как видим, капитулировал без боя.

Первые проявления солидарности немецких рабочих с борцами Коммуны — на собраниях и на страницах газет — внушили серьезные опасения немецкой буржуазии, доведя на первых порах ее страх до размеров паники.

Весьма характерным примером может служить состоявшееся 31 марта в Брауншвейге собрание местных буржуа. Выступивший на нем фабрикант Грассау заявил, что «после событий в Париже, где в настоящее время господствует угрожавший уже с 1848 г. призрак Красной республики, и после прещальных слов г. Швейцера и высказываний «Социал-демократа» (чрезвычайно ценное признание! — В. А.) он считает необходимым обратить внимание собрания на следующее: если это ужасное движение, что весьма возможно, перекинется на Германию, то энергичное противодействие ему будет долгом каждого гражданина; все, как один, должны будут объединиться против него, ибо никто не может быть уверен, что не придется даже взяться за оружие».²

Была напугана не только буржуазия. Власти тоже считались с возможностью открытых выступлений рабочих. Например, когда в том же Брауншвейге социал-демократы обратились в полицию за разрешением на устройство факельного шествия в честь освобожденных из тюрьмы товарищей по партии (членов Брауншвейгского центрального комитета), то они получили категорический отказ, со ссылкой на то, что, «поскольку немецкое рабочее движение идет рука об руку с французским, — умы рабочих и без того достаточно возбуждены». Части местного гарнизона (характерно, что они состояли исключительно из прусских войск) были переведены на военное положение: были прекращены отпуска из казарм, выданы боевые патроны, кавалерии отдан приказ держать лошадей оседланными.

Но у страха оказались глаза велики. Вооруженных выступлений рабочих не последовало. Волна же собраний росла с каждым днем.

На состоявшемся 1 апреля собрании организации Рабочего союза Хемница, после того как был прочитан ряд передовиц «Социал-демократа», рабочие постановили созвать в ближайшем

¹ «Der Volksstaat», № 30, 12/IV 1871. Статья эта, подписанная инициалами W. L., очевидно, принадлежит Вильгельму Либкнехту.

² Ibidem.

будущем открытое собрание, специально для обсуждения парижских событий.

В тот же день на собрании организации Рабочего союза в Альтоне, где присутствовало свыше полуторы тысячи человек, были единогласно приняты приведенные нами выше резолюции берлинского собрания и приветственное обращение эльберфельдских рабочих.

2 апреля три тысячи рабочих Ганновера приняли на собрании следующую обширную резолюцию, которую, ввиду представляемого ею интереса, мы позволяем себе привести полностью:

«Социал-демократические рабочие Франции! Сразу же по возникновении недавней злосчастной войны вы мужественно обратились к нам и, полностью отдавая себе отчет в цивилизаторском призвании пролетариата и социал-демократии, заверяли нас в том, что вы не хотели этой войны, что это не дело французского народа. Это ваше воззвание нашло самый радостный отклик в сердцах всех тех представителей немецкого народа, которые действительно придерживаются правды, т. е. принципов социал-демократии.

Мы, вместе с вами, не могли ошибаться относительно истинных причин этой войны. Мы призывали вместе с вами проклятия на махинации макиавеллиевской правительственной машины, мы вместе с вами ненавидели этого негодяя — клятвопреступника, который, под именем императора, в течение почти двадцати лет старался задержать здоровое развитие народного духа и посадить на его место застой и загнивание общества.

Луи-Наполеон был явным непримиримым врагом. Как полномочный представитель карательного режима, он был лишен симпатий народа и опирался только на силу. Его осуждал каждый день его двадцатилетнего управления.

Рабочие Франции, полные сознания вашего права, вы мужественно противопоставили себя ему. Вам пришлось перенести много тяжелого. От вас потребовалось много того самопожертвования, на которое способен только тот, кто убежден в святости и правоте своего дела.

Вы, несмотря на все враждебные влияния, сохранили сознание своих прав, идею свободы, равенства и братства, больше того — вы развили их. За это всем вам, а особенно вашим отважным вождям, мы приносим нашу горячую благодарность.

Вы боролись не только за себя и за свои собственные интересы, но и за интересы всего пролетариата, которые одинаковы повсюду. Само время разрушало наполеоновский деспотизм. Но лишь ваше героическое упорство сломило его окончательно... Внутренне совершенно обанкротившись, он был вынужден хватиться за последнее средство спасения — за оружие, за войну.

Рабочие Франции! Вы не дали себя сагитировать и увлечь на дело, успех которого неизбежно повлек бы за собой гибель социал-демократических принципов. Это было видно из мани-

феста, с которым вы обратились к нам, рабочим Германии. И вот началось самое ужасное и отвратительное. В ряде сражений погибал цвет нашей нации, пока при Седане Наполеон не сдался перед немецким оружием. Так совершилось то, что, по нашему мнению, должно было случиться, и вам, как и нам, должен был быть возвращен мир. Этого, однако, не произошло. Все глубже и глубже проникали немецкие войска в вашу страну. Война оборонительная превратилась в войну завоевательную. Социал-демократия Германии выполнила свой долг: она протестовала против продолжения войны.

Рабочие Франции! Мы, как и вы, не заинтересованы в завоеваниях и аннексиях. Мы знаем, что нам они не принесут ничего хорошего. Когда вы под эгидой «Синей Республики», провозглашенной сейчас же после падения Наполеона, теряли одну позицию за другой, когда граничащие с предательством пассивность и глупость большинства ваших военачальников отдали во власть немецкого оружия большую часть вашей страны и даже Париж, после его шестимесячной осады и героической защиты с вашей стороны, — тогда был заключен мир и, полные боли и скорби, мы увидели Эльзас и Лотарингию отторгнутыми от вас.

Повторяем еще раз, мы в этом не заинтересованы. В аннексии Эльзаса и Лотарингии мы видим акт настолько противоречащий всему ходу истории, что считаем себя в праве утверждать, что он принес немецкому народу не счастье, а бедствие. Эльзас и Лотарингия, хотя некогда и принадлежавшие Германии, за три века чересчур срослись с жизнью и культурой остальной Франции, чтобы их население могло ассимилироваться на новой родине или частично изменить своим нынешним симпатиям. История доказывает, что укоренившиеся в народе идеи нельзя уничтожить ни мерами строгого управления, ни какими-либо другими средствами; кроме того, у нас есть еще другая причина, которая одна уже оправдывает наш протест против этой аннексии. Ведь был совершенно оставлен без внимания суверенитет народа; просто отменили самое первое и самое святое из его прав — право на самоопределение.

Не «весь немецкий народ», как об этом протрубила на весь мир реакционная печать, «с энтузиазмом приветствует аннексию»: социал-демократия Германии хочет быть исключенной из этой категории.

Рабочие Франции! Вы освободили себя от императорской власти, мы же оказались под ее пятой. Но мы не видим в ней ни гарантии мира, ни гарантии дальнейшего развития идей свободы. Ночь реакции, более мрачная, чем когда-либо, грозит поглотить нас, и мы выступаем навстречу ей с нашим единственным лозунгом: «Свободное народное государство, социальное освобождение пролетариата!»

Рабочие Франции! Победенные в борьбе с немецкой военной силой, вы ни на минуту не изменили своему долгу по отно-

шению к самим себе и ко всему пролетариату, вы знали — вас этому достаточно научили 1789, 1830 и 1848 гг.: право труда попирается одинаково и в империи, и в королевстве, и в «синей» республике. У вас так далеко зашла внутренняя и внешняя дифференциация общества, настолько ясно выступает линия раздела между объединенными силами социал-демократии и разрозненными силами реакции всех цветов и оттенков — что сейчас же после заключения мира, даже не будучи пророком, можно было заранеe предсказать дальнейший ход событий. Правительство, представлявшее из себя сброд бонапартистов, орлеанистов и влиявших синих республиканцев, в самом себе несло невозможность собственного существования.

И вы выполнили ваш священный долг, восстав против этого правительства в тот момент, когда оно протянуло руку для преступного удара. Ибо этот удар, если бы он удался, принес бы вам глубочайшее унижение, вторжение произвола и господство презренных, жадных охотников за троном и местами. В тот момент, когда от парижских рабочих потребовали вернуть оружие, которым они на протяжении нескольких месяцев отважно защищали свою столицу и страну, жребий был брошен.

Произошло то, чего мы уже давно страстно желали и чего реакция втайне так страшилась: в Париже была провозглашена социальная республика.

Народ восстал, буря грянула, Париж оказался в руках социалистов.

Рабочие Франции! Полные искренней радости и воодушевления услышали мы эту весть. Она озарила нас, как луч солнца из-за темной тучи. Мы проникнуты глубочайшей правдой слов воззвания Центрального комитета: «Час освобождения рабочих настал: они созрели для господства в государстве». Ряд учреждений, созданных рабочим правительством, в достаточной мере это доказал. Рабочие Лиона, Марселя, Сен-Этьена и других городов примкнули к движению своих парижских братьев, и хотя лицемерная реакционная печать и вашей и нашей страны пытается замолчать и выставить в ложном свете все ваши завоевания, мы твердо убеждены в том, что вы все, как один, соберете все силы, чтобы довести начатое дело до победного конца.

Мы видим в вас не банду разбойников, убийц и грабителей, за которых вас пытается выдать реакционная печать, а пролетариат, борющийся за общечеловеческие права.

Французские рабочие! Вам снова дано быть в авангарде борьбы за освобождение народов. В эту минуту на вас устремлены взоры всего пролетариата. Его симпатии с вами. Он считает вас на вас.

Мы говорили с вами свободно и откровенно. Реакция, кровно связанная тождеством интересов, пытается вызвать демона национальнoй вражды, разделить народы и натравить их друг на друга... Не допустим осуществления этой презренной попытки!

Призванные историей рука об руку разрешать поставленные ею перед нами задачи, мы изгоним этого демона и вновь объединимся под клич: «Да здравствуют свобода, равенство и братство, да здравствует пролетариат, борющийся за человеческие права! Да здравствует социальное освобождение!»

Это обращение дошло до французских рабочих. 2 мая официальная газета Коммуны писала: «Германские социалисты продолжают отправлять в Париж поздравления и ободряющие приветствия». Далее газета кратко излагает содержание обращения ганноверских рабочих, причем цитирует следующее место, которого нет в приведенном нами тексте: «Кроме того, — пишет орган Коммуны, — ганноверские социалисты, не довольствуясь апологией движения 18 марта, объявляют о том, что германская демократия с нетерпением ждет момента, когда она сможет последовать этому прекрасному примеру».²

13 апреля состоялось собрание рабочих Гамбурга.

Первый оратор в своей речи остановился на росте республиканского движения в Испании, Румынии и особенно во Франции, где после полного военного поражения Наполеон III был вынужден уступить место республике. «Семена современных политических событий были уже давно заложены в народе, поскольку в нем были широко распространены социалистические идеи. Красная республика тлела под пеплом и прорвалась наружу, как только синяя (т. е. буржуазная. — В. А.) республика потеряла свою жизнеспособность».

Второй оратор заявил: «То, что сейчас происходит во Франции, это не игра... Наполеон только лишь потому мог годами держаться на троне, что его поддерживал стоявший за ним класс эксплуататоров. Если французский народ не хочет больше жить под игом эксплуатации, то он должен освободиться от нее так же, как он освободился от Наполеона. Парижские рабочие начали уже разбивать свои цепи».

По словам следующего оратора, «во Франции речь идет о борьбе двух резко противостоящих друг другу элементов — старого общества и социализма. Чем больше богатеет меньшинство, тем беднее становятся народные массы. Этот факт и лежит в основе борьбы. Сознвая это, социалисты стремятся к уничтожению эксплуатации рабочего класса капиталистами. В 1848 г. мы видели, как национальная гвардия расстреливала рабочих, в настоящее же время положение изменилось: рабочие вооружены сами и составляют в ней большинство. Даже мелкая буржуазия осознала, что ее интересы несовместимы с интересами монархически настроенной буржуазии, и тянется к социалистам».

Гамбургские рабочие единогласно приняли следующую, предложенную Геригом резолюцию:

«Мы убеждены, что моральное право на стороне тех, кто, стремясь покончить с современной эксплуатацией и с уничтожением трудящегося народа, борется во Франции под знаменем социальной республики. Признавая это, мы выражаем свою полную солидарность с Парижской Коммуной, если она сделает невозможным господство князей, попов и буржуа».

Об этом же собрании доносил министру иностранных дел князю Горчакову дипломатический представитель царской России в Гамбурге Вегезак 20 апреля 1871 г.:

«Гамбургские социалисты на своем собрании на-днях приняли адрес Парижской Коммуне, чтобы выразить ей свои симпатии и ободрить в ее «славной» борьбе прогив Версальского правительства. Подобная же демонстрация со стороны этих революционеров имела место в Берлине, Лейпциге и Ганновере. В адресе, принятом более чем 3000 человек в Ганновере, говорится: «Французские рабочие! вы являетесь авангардом армии, борющейся за освобождение народа. Германская демократия с нетерпением ожидает момента, когда она сможет последовать этому прекрасному примеру, так как она не видит в Германской империи гарантии мира и свободы».

Весьма интересны комментарии Вегезака.

«В данный момент, — пишет он, — в Париже торжествует свою победу коалиция демократов всех стран, что доказывает хотя бы национальность лиц, разделивших между собой власть. И тем более следует сожалеть о том, что г. Тьер не смог или не пожелал ускорить развязку этого ужасного положения при помощи силы, что есть основания опасаться, как бы доктрина международной солидарности рабочих не распространилась и на другие страны. В Англии также начинают обращать на это внимание, и лондонская печать с некоторого времени сигнализирует о социалистической пропаганде, тем более опасной, что бедняки начинают обсуждать в полном объеме социальную организацию и неравное распределение богатств. В Берлине газеты до сих пор издеваются над угрозами демократов, утверждающих, что воспоминание о рабочем правительстве в большом государстве в Европе не исчезнет, и, наоборот, считают, что печальное зрелище, происходящее в данный момент в столице Франции, является наилучшей гарантией против повторения чего-либо подобного в Германии. Во всяком случае, надо согласиться с тем, что известная, весьма опасная агитация ведется в низших слоях немецкого народа и становится особенно заметной, главным образом, в крупных городах. Здесь [в Гамбурге] за ней следят с тем большей бдительностью, что в прошлом году рабочие одной из самых крупных здешних фабрик

¹ «Der Social-Demokrat», № 44, 21/IV 1871.

² «Journal Officiel de la République Française», № 122, 2/V 1871.

³ «Der Social-Demokrat», № 43, 19 IV 1871.

¹ Ibidem.

угрожали директору смертью, если он не повысит им заработной платы, и пришлось применить силу, чтобы успокоить их. Здесь определенно решили действовать с максимальной энергией в том случае, если подобные сцены повторятся.¹

Но поскольку открытых выступлений рабочих не последовало, правительство и правящие классы Германии ограничились «мирными средствами» в своей борьбе с массовым движением солидарности. Сейчас мы покажем на нескольких, наиболее характерных примерах, в чем состояли эти «мирные средства».

Отдельные представители буржуазии, проникая на рабочие собрания, пытались сорвать их при помощи различных, явно провокационных вопросов и выступлений, враждебных Коммуне и Интернационалу.

19 апреля на собрание бременской организации Рабочего союза, где присутствовало свыше тысячи человек, с повесткой дня: «Франко-прусская война, социальная республика, обращение к французским рабочим», явились местные биржевые дельцы, которые, подняв крик и шум, всячески пытались помешать докладчику; однако, рабочие их быстро успокоили, и оратор закончил свою речь под бурные аплодисменты. Тогда выступил биржевой спекулянт Редель, живший в Париже с 1866 г. Он, как видно плохо зная истинные настроения немецких рабочих, осмелился выступить с речью, полной самых грубых инсинуаций по адресу французских рабочих. Так, например, вопреки широко известным фактам, он обвинял французских рабочих в милитаристских, антигерманских настроениях, якобы бывших у них летом 1870 г. В качестве доказательства он не мог придумать ничего более удачного, как сослаться на газету «Голуа» («Gaulois»), крайний правый буржуазный орган, пользовавшийся, как известно, во время войны субсидиями Наполеона III и бешено нападавший на Коммуну после ее возникновения. Не более удачно было его измышление о том, будто бы известная забастовка 1870 г. в Крезе была организована рабочим Асси по поручению правительства.

Серию враждебных Коммуне выпадов на этом собрании заключил некто Швейцер, обратившийся в президиум со следующим вопросом: кому будет направлено обсуждаемое обращение, — французскому народу или Коммуне? На последнее, по его словам, нельзя согласиться, «так как коммунары заняты дележкой и не желают работать».

Эти провокационные вылазки имели весьма мало шансов на успех. Так, автор отчета о собрании в Бремене лаконично сообщает, что после оглашения запроса Швейцера «последовал всеобщий смех».

¹ Архив внешней политики, фонд канцелярии министерства иностранных дел, 1871 г., дело № 55, лл. 21—22. Подлинник на французском языке. Перевод мой. — В. А.

В заключительном слове докладчик разбил аргументы «оппонентов», после чего громадным большинством голосов, под общее «ура» в честь французской социальной республики и пенне марсельезы, было принято следующее обращение:

«Рабочие Франции! Проникнутые принципами социал-демократии, идеей свободы, равенства и братства, посылают вам рабочие Бремена свой привет!

Радостью и воодушевлением наполнила нас весть о вооруженном восстании парижских рабочих против правительства, составленного из отбросов сине-республиканских, бонапартистских и орлеанистских элементов, правительства, которое доказало за шесть месяцев, прошедших с момента его возникновения до последовавшего недавно окончания несчастной войны, свою полную несостоятельность.

Рабочие Франции! Мы знаем, что наши парижские братья восстали на борьбу за общество, основанное на социал-демократических принципах, единственное, которое имеет право на существование.

Мы глубоко проникнуты правдой слов Парижской Коммуны: «Настал час освобождения рабочих. Они созрели для господства в государстве». Долг всех — энергично и смело помочь движению.

Полные презрения, отмечаем мы позорную клевету и нападки на вас и ваши действия со стороны немецкой и французской реакционной печати.

Тесно связанные с вами общностью интересов, мы несем вам, социал-демократические рабочие Франции, наши симпатии и твердо верим в конечную победу правого дела. Никакая временная неудача не может поколебать в нас этой уверенности. Для социал-демократии не существует поражения.

Да исчезнет перед величием свободных наций вызванный реакцией демон национальной вражды!

Призванные историей к совместному разрешению поставленных ею перед нами задач, мы объединимся вновь под клич: долой Молоха, которому приносятся в жертву создания нашего духа и наших рук, да здравствуют свобода, равенство и братство, да здравствует социальное освобождение пролетариата!»

Ярко рисует настроение, господствовавшее среди трудящихся Германии, митинг, состоявшийся в Хемнице 23 апреля. Это был первый митинг после окончания войны. Он был устроен на открытом воздухе и собрал около 20 тысяч человек.

К сожалению, мы не располагаем сколько-нибудь подробными сведениями об этом чрезвычайно интересном событии. Но даже дошедшее до нас краткое газетное сообщение отразило

¹ «Der Social-Demokrat», № 46, 26/IV 1871.

необычную резкость тона выступавших и бурный отклик, который их речи вызвали у собравшихся.

Призыв одного из ораторов «к решительной борьбе» был встречен горячими аплодисментами. Выступивший от имени социал-демократической партии Беккер призывал рабочих организовать подобные митинги и собрания с тем, чтобы на них изъявить свою волю, «так как от реакционного рейхстага нечего ждать свободы». ¹

Редакция «Народного государства» сопроводила сообщение об этом митинге следующим примечанием:

«Мы с радостью наблюдаем, как подобные собрания проходят по всей Германии. Организация соответствующего движения должна явиться одной из главных задач очередного конгресса социал-демократической партии. Пользуясь случаем, мы выражаем наше пожелание, чтобы на всех собраниях, которые состоятся в ближайшее время, рабочие выразили свои симпатии к Парижской Коммуне». ²

Рабочие делали это и без специального призыва. При этом, если в период с 25 марта по 25 апреля преобладают собрания организации Всеобщего рабочего союза, то с конца апреля, когда борьба Коммуны с ее врагами вступила в самую драматическую свою фазу, большинство собраний—это собрания местных организаций социал-демократической партии и созываемые отдельными ее представителями собрания рабочих.

Так, например, 29 апреля во Франкенберге состоялось созданное социал-демократом Фидлером рабочее собрание, на котором присутствовало 600 человек.

Один из ораторов особенно подчеркивал значение самостоятельной рабочей печати. Автор отчета пишет: «Продолжительные аплодисменты и возгласы одобрения, раздававшиеся со всех сторон по окончании доклада, свидетельствуют о том, что и франкенбергские рабочие пришли к правильному пониманию вещей и впредь не намерены позволять отравлять свое собственное, здоровое суждение продажным газетным писакам».

На этом собрании выступил местный фабрикант, владелец машиностроительного завода Уланд. Он начал с утверждения о том, что рабочим живется не так плохо, как в этом пытается убедить социал-демократическая печать; затем описал в стиле «шутовских бидермановских» ³ статей, как выражается автор отчета, парижское правительство и выразил надежду, что «немецкие социал-демократы не присоединятся к принципам красных».

¹ «Der Volksstaat», № 35, 29/IV 1871.

² Ibidem.

³ Бидерман — реакционный немецкий публицист и историк. В 1871 г. он редактировал крайне-правую «Всеобщую немецкую газету» («Deutsche Allgemeine Zeitung»), прославившуюся своими лживыми, клеветническими выпадами против Парижской Коммуны. Имя Бидермана как типичного представителя продажной буржуазной печати стало в те дни нарицательным.

В заключение Уланд, отозвавшись чрезвычайно одобрительно о пресловутой «сберегательной» системе Шульце, обратился к рабочим с призывом... заняться самообразованием, используя для этой цели дешевые издания классиков. Призыв этот имел весьма недвусмысленное политическое содержание: под флагом «самообразования в духе единой немецкой культуры» буржуазная интеллигенция в эти дни пытается развернуть борьбу с социал-демократической партией, растущее влияние которой стало очевидным благодаря широкому размаху движения солидарности с Коммуной.

Для ответа взял слово докладчик Лизер. Он «защищал мероприятие Парижской Коммуны, доказывая, что все рассказы о грабежах, убийствах и т. д., на которые так щедр «бидермановский орган», основаны на выдумках, и что парижане проявляют по отношению к своим врагам больше человечности, чем они того заслуживают». В конце речи Лизер решительно заявил, что он полностью разделяет принципы «Красной республики».

Характерно, что, почувствовав настроение аудитории, Уланд отказался от предоставленного ему слова, не решаясь больше рекламировать свою «сберегательно-образовательную» систему.

Отчет о собрании заканчивается сообщением о том, что на следующий день во Франкенберге было назначено новое рабочее собрание с целью основания местной социал-демократической организации. ¹

Мы видим на ряде примеров, что обсуждение событий в Париже являлось для немецких рабочих самым лучшим «предметным уроком», раскрывавшим им глаза на окружающее, повышавшим уровень их политического самосознания.

Выступление фабриканта Уланда на рабочем собрании во Франкенберге с призывом к самообразованию не было единственным фактом. Примерно в это же время столпы буржуазно-либеральной интеллигенции, организаторы желтых, так называемых «гириш-дункеровских», профсоюзов Макс Гириш и Франц Дункер, в компании с Гансом Блюмом и Карлом Брауном, выступили в печати с идеей создания всегерманского «Общества распространения народного образования». В опубликованном этой группой «Воззвании» мы находим следующие, весьма недвусмысленные, высказывания:

«... Массы нашего народа еще несознательны и ленивы духом; неспособные ни к самостоятельному суждению, ни к самостоятельному действию, они следуют за всяким течением, и хорошим, и дурным. Успех, который имеют некоторые бессовестные люди с их социалистическими идеями, ясно это доказывает; куда они ведут — показывает сейчас Франция».

¹ «Der Volksstaat», № 38, 10/V 1871.

Авторы «Воззвания» обращались с призывом к объединению «ко всем друзьям немецкого образования и немецкого духа, ко всем тем, кто признает общность духовных интересов и готов противопоставить односторонне материалистическим и социалистическим направлениям общие культурные ценности и солидарную культурную работу нашего народа».

Рабочая печать разоблачила истинную цель организации этого общества.

«Социал-демократ» с полным основанием расценил этот шаг как стоящий в прямой связи с «крестовым походом, который в настоящее время немецкая либеральная буржуазия организует против социал-демократии».¹

Редакция «Народного государства» в статье, посвященной этому начинанию, писала: «Когда мы слышим, что воззвание этой новой организации оканчивается обращением к фабрикантам и крупнейшим работодателям с просьбой о поддержке, — то нам становится ясно, что значит: образование делает свободным (Bildung macht frei)».²

Однако, эта попытка отвлечь внимание рабочих от парижских событий и от участия в политической жизни своей страны не увенчалась успехом. Проектировавшееся общество не сыграло роли клапана и не уменьшило недовольства масс, как на это надеялись его организаторы.

29 апреля состоялось рабочее собрание в Майнце. Докладчик Лейендекер начал с описания рабочего движения в Америке, затем перешел к Англии и, наконец, к Франции. Доклад окончился под бурное «ура» в честь Парижской Коммуны — «доказательство того, что рабочие все больше и больше осознают свое положение и что нет силы, которая могла бы убить идею».³

В печати встречаются сообщения и о других попытках сорвать движение солидарности немецких рабочих. Например, очень характерно поведение полиции в Касселе.

6 мая здесь было устроено собрание рабочих, посвященное событиям во Франции. Полицейский комиссар распустил собрание, придравшись к тому, что оратор Фромме сравнил новую Германскую империю с французской. Через два дня рабочие собрались вторично, с тем же результатом: собрание было опять распущено.⁴ При этом число присутствовавших с каждым разом все возрастало. В третий раз (9-го) собралось 600—700 человек, так что собрание пришлось проводить в манеже. В повестке дня стояли два вопроса: задачи социал-демократической рабочей партии в Германии и обращение к французским рабочим.

После того как Фромме прочитал соответствующие параграфы закона, из которых явствовало, что полиция не имела права запретить первые два собрания, он огласил адрес, в котором прославлялось героическое поведение парижских рабочих и подчеркивалось, что после низвержения Наполеона III немецкие войска не должны были продвигаться дальше, так как с этого момента они воевали уже не с французским правительством, а с французским народом. Адрес был принят под громкое «ура» в честь свободы, равенства и братства, в честь героических парижских рабочих. Но когда оратор намеревался приступить к голосованию, присутствовавший полицейский комиссар «именем закона» объявил собрание закрытым. Поднялся сильный шум, прекратившийся лишь после заявления председателя, что для принятия обращения будет созвано новое собрание. На это четвертое собрание, состоявшееся 13 мая, пришло 3 тысячи рабочих, и его распустить полиция уже не решилась. Прочитанный на предыдущем собрании текст обращения к парижским рабочим был единогласно принят раньше, чем полицейский комиссар успел вмешаться.¹

Мы располагаем сведениями, конечно, далеко не обо всех собраниях, на которых немецкие рабочие выражали свою солидарность с борцами Коммуны. Как ни подробны и сравнительно многочисленны отчеты, помещавшиеся на страницах «Народного государства», они, конечно, далеко не отражают полностью рабочую жизнь небольших городов, которых было так много в Германии той эпохи.

Что касается прессы Рабочего союза — «Социал-демократа» и «Агитатора», — то редакции этих газет и не стремились, по понятным причинам, к максимальной полноте освещения фактов подобного рода.

В ряде случаев газеты, в том числе и «Народное государство», ограничиваются кратким сообщением. Так, например, мы узнаем, что рабочие Дрездена и Лейпцига на многолюдных собраниях «заявили о своих симпатиях к парижским рабочим».² Возможно, что именно об этом собрании в Дрездене сообщает официальный орган Парижской Коммуны в номере от 16 апреля. «На митинге в Дрездене некий саксонский республиканец, под аплодисменты собравшихся, произнес резкую речь, в которой он от имени своей партии заявил категорический протест против аннексии Эльзаса и Лотарингии».

Как современно звучат в наши дни заключительные слова этой речи: «хотят присоединить к Германии немецкие кантоны Швейцарии и немецкие про-

¹ «Der Social-Demokrat», № 44, 21/IV 1871.

² «Der Volksstaat», № 36, 3/V 1871.

³ Ibidem, № 38, 10/V 1871.

⁴ Повод нам неизвестен.

¹ «Agitator», № 17, 20/V 1871. Отчет о собрании в Касселе 9 мая газета заимствует из «Северо-германской всеобщей газеты» («Nord-Deutsche Allgemeine Zeitung»).

² «Der Volksstaat», № 30, 12/IV 1871.

винции Австрии... как будто и без того недостаточно велико число несчастных в нашем великом германском отечестве!»¹

III

Маркс и Энгельс, внимательно следившие за центральным органом молодой социал-демократической партии, систематически выправлявшие линию газеты во время войны, придавали большое значение деятельности «Народного государства» в дни Коммуны.

6 апреля Маркс писал Либкнехту: «Volksstaat» необходимо теперь во что бы то ни стало сохранить. Я надеюсь достать на это денег». ² Выполняя свое обещание, он через неделю послал редакции 80 талеров. ³

Вспомним, что Генеральный совет постоянно испытывал материальные затруднения (однажды Энгельс очень выразительно заметил: «Вопрос о нехватке денег так же стар, как и Интернационал»⁴). Для редакции же «Народного государства» даже посланная Марксом скромная сумма имела большое значение, так как ей приходилось работать в крайне тяжелых условиях. Дело дошло до того, что редакция не имела даже своего собственного помещения: редакторы работали на дому у Либкнехта, а склад находился в небольшой квартирке Бебеля. Когда Геннер и Либкнехт, тайком от ведавшего финансовой частью Бебеля, сняли за 4 талера в месяц комнату для редакции, то обсуждался вопрос, может ли газета выдержать этот расход. ⁵

А между тем работа редакции «Народного государства» была очень напряженной. На газету в эти дни падала большая ответственность. Роль печатного слова была исключительно велика. Местные организации социал-демократической партии должны были иметь возможность взаимной информации.

Это было тем более важно, что к 1871 г. еще не был изжит партикуляризм, составлявший характерную особенность Германии вплоть до завершения ее воссоединения. Осведомленность рабочих о том, что делается в среде их товарищей в других городах, была крайне необходима, ибо это давало толчок к восстановлению прерванной войной работы местных организаций, к вовлечению в их ряды новых членов.

Газета должна была разъяснить массам сущность Коммуны и дать им правдивую, точную информацию о ее деятельности. Га-

¹ «Journ l Officiel de la République Française», № 106, 16/IV 1871. Сведения заимствованы из журнала «Будущее» («Zukunft»). (Разрядка моя.—В. А.)

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 104.

³ Там же, стр. 100.

⁴ Там же, стр. 337.

⁵ Эту сценку описал Геннер; см. Gerlach, August Bebel. Ein biographisches Essay, 1909, S. 29—30.

зета должна была отразить на своих страницах отношение масс к борьбе Коммуны и к поведению германского правительства.

Для того чтобы убедиться, насколько редакция «Народного государства» сумела справиться с этими исключительно важными и сложными задачами, сосредоточим наше внимание на выступлениях газеты по следующим основным вопросам:

1. Освещение миролюбивой внешней политики Коммуны и противопоставление ей агрессивной политики германского правительства.

2. Разъяснение интернационализма Коммуны.

3. Разоблачение германской интервенции, начиная от дипломатического вмешательства и кончая прямой вооруженной поддержкой версальцев.

4. Показ социальной сущности и главнейших моментов деятельности Коммуны.

Как мы видели, «Народное государство» уже в своем первом сообщении о восстании 18 марта указывало на опасность, угрожающую восставшим со стороны немецких войск. Газета продолжала говорить об этой опасности до конца существования Коммуны, приводя все новые и новые факты.

25 марта редакция писала:

«Последние события во Франции имели своим следствием в Германии такие факты, как приостановку выдачи пленных, прекращение отпусков в армии и запрещение торговли лошадьми. ¹ Это ясно показывает, что в соответствующих кругах господствуют враждебные свободе намерения, которые выявляются тем очевиднее, что новое республиканское правительство во Франции высказалось в миролюбивом духе». ²

В качестве доказательства газета цитирует следующее место воззвания Центрального комитета национальной гвардии к населению Парижа: «Есть еще одно важное решение, которое мы должны принять немедленно, — относительно мирного договора. Мы теперь же заявляем, что твердо решили соблюдать предварительные условия мира, чтобы обеспечить этим путем спасение республиканской Франции и дело всеобщего мира». ³

Фиксируя внимание своего рабочего читателя на стремлении рабочего правительства Парижа к миру, даже ценой выполнения таких тяжелых его условий, как принятые правительством «национальной измены», газета противопоставляет мирной позиции руководителей парижских рабочих агрессивную политику немецкого правительства. «Линия поведения последнего ясна уже из того факта, — пишет редакция, — что командование германских оккупационных войск, окружающих Париж, получив сведения о восстании 18 марта, немедленно отдало приказ о за-

¹ Мера мобилизационного характера, имеющая целью обеспечить собственную армию резервами для пополнения кавалерии.

² «Der Volksstaat», № 25, 25/III 1871.

³ Ibidem.

нятии немецкими войсками оставленного ими предместья Сен-Дени и совершенно приостановило эвакуацию фортов». ¹

Газета не только разоблачала все новые и новые проявления враждебного отношения к Коммуне германского правительства, но и пыталась его объяснить. Так, например, 25 марта редакция писала: «Германская империя доказывает щедрой раздачей орденов и титулов, что она намерена искать поддержки не в народе, а в привилегированных сословиях. Поэтому она не потерпит существования у своих границ республики, стремящейся к равенству, свободе и братству». ²

1 апреля в политическом обозрении, посвященном событиям во Франции, говорилось: «Мы уже показали, что симпатии всех друзей свободы на стороне парижских рабочих, а не на стороне реакционного Национального собрания и Версальского правительства. Легко доказать, что немцы заинтересованы в успехе социальной республики [во Франции]; мы, как и французские рабочие, хотим мира, Тьер же, которого справедливо обвиняют в том, что он всегда лелеял планы захвата Рейна, напротив, ухватится за первую же возможность, чтобы при помощи новой германо-французской войны отдалить возможность новых волнений внутри страны». ³

Итак, газета, показав полное совпадение самых сокровенных желаний французских и немецких рабочих, стремящихся к установлению прочного, справедливого мира между обеими странами, подчеркивает закономерность выступления Бисмарка в роли союзника Тьера.

8 апреля редакция писала: «Нет ничего невозможного в том, что в ближайшем будущем будет иметь место вторая осада и голодная блокада Парижа, на этот раз уже не одними немецкими войсками, а союзной армией германского императора и французских фанатиков «партии порядка» ⁴

Интересны статьи «Народного государства» об интернациональной сущности Коммуны. По словам редакции, «... кроме любви к миру, пролетариат проявил себя как в Германии, так и во Франции тем, что он преодолел национальную вражду, в противоположность реакционерам и буржуа обеих стран». ⁵ И редакция на ряде примеров показывает, что отношение Коммуны как рабочего правительства к немецкому народу в корне отличалось от отношения к нему правительства «синей», т. е. буржуазной республики. «Как только в Париже власть перешла в руки рабочих, немцам были предоставлены те же гарантии личности и собственности, какими пользуются французы. Даже немецкие газе-

ты вынуждены были признать, что в Париже в настоящее время прекратились преследования немцев».

«Народное государство» со всей решительностью подчеркивает этот факт как проявление «космополитизма, чувства справедливости и человечности» со стороны Коммуны. Редакция высмеивает буржуазные газеты, пытавшиеся объяснить поведение коммунаров их боязнью вступить в конфликт с немцами. «Как будто бойцы Коммуны со дня 18 марта не доказывали ежедневно и ежедневно свою храбрость, энергию и выдержку, борясь не с одним Версалем, а с Версалем, поддерживаемым опруссаченной Германией!» ¹

Газета умело использует такой сам за себя говорящий аргумент, как избрание в Коммуну немецкого рабочего Франкеля.

«Если бы преследования немцев были прекращены «из страха» перед ними, то социалист Лео Франкель тоже «из страха» выбран в совет Коммуны? Послушайте, что пишет об этом ее официальный орган: «В соседних странах существует обычай избрания в почетные граждане. Избрание Франкеля в правительство Коммуны является более высоким актом уважения и доверия, в самом себе заключающим уже право почетного гражданства». ²

Не менее убедительное доказательство полного отсутствия каких бы то ни было враждебных чувств к немецкому народу со стороны коммунаров представлял собой опубликованный в газете отрывок из датированного 11 марта 1871 г. письма «одного из влиятельных членов Коммуны к его другу, в Южную Германию».

Вот этот интереснейший документ.

«Я не потерял надежды; пять месяцев непрерывной политической борьбы меня закалили, но не сломили, и, несмотря на пруссаков, буржуа и монархистов, я считаю победу возможной, даже больше того — вполне вероятной»

В своем суждении о событиях руководствуйтесь следующим положением: правительственная и буржуазная реакция из ненависти к революции предала страну пруссакам. Я не считаю нужным говорить, что мои чувства к Германии остались прежними. Это вы знаете и так. Я не могу вернуться, так как борьба здесь чересчур горяча. Уйти — значило бы дезертировать. Я покину Францию только в том случае, если буду побежден и изгнан, а скорее всего, наоборот, останусь, чтобы праздновать победу вместе с революционным меньшинством, которое в течение пяти месяцев держало, благодаря своей энергии, под шахом реакцию и измену и которое можно победить только предательством». ³

¹ «Der Volksstaat», № 25, 25/III 1871

² Ibidem.

³ Ibidem, № 27, 1/IV 1871.

⁴ Ibidem, № 29, 8/IV 1871.

⁵ Ibidem, № 32, 19/IV 1871.

¹ Ibidem.

² Ibidem.

³ Ibidem, № 34, 26/IV 1871. По всей вероятности, автором письма является Лео Франкель.

Редакция сопроводила это письмо следующими комментариями:

«Сравните этот благородный, простой язык парижского революционера с недостойной бранью и криками о разбое европейских проповедников «порядка», и вы сразу увидите, на чьей стороне разум, убежденность и уверенность в победе.

Да, из «ненависти к революции», из страха перед революцией «французская правительственная и буржуазная реакция предала страну пруссакам». Капитуляция Парижа была государственным переворотом, осуществленным после предварительного сговора с Бисмарком, Гладстоном и Бейстом; его цель была предотвратить революционную войну. Эта капитуляция была Седаном «честной» французской буржуазии, которая, подобно наполеоновской декабрьской банде, чувствует себя солидарной с представителями прусского военно-поповско-полицейского государства».¹

Какие выводы делала редакция «Народного государства» из этих фактов трогательного «единения» вчерашних противников — французских и немецких буржуа и помещиков перед лицом их общего врага — восставших рабочих Парижа?

Предсказывая возможность осады столицы Франции объединенными силами версальских войск и германской оккупационной армии, редакция писала:

«Национал-либеральная печать называет эту возможность «великолепной иронией мировой истории», мы же видим в этом классическое признание интернационального принципа, который с такой же неизбежностью заставляет наших немецких буржуа и реакционеров стать на сторону французских [буржуа и реакционеров], как немецких рабочих — на сторону их французских братьев».²

«Для наших врагов уже давно не существует национальных границ. «Священный союз» абсолютизма, возникший с того момента, когда в конце прошлого века прорвались наружу революционные идеи, по своей природе не менее интернационален, чем Международное товарищество рабочих.

Нас прозвали «международной партией действия»; хорошо, мы соглашаемся на это название, и нашим лозунгом отныне будет: международное действие пролетариата против международной реакции буржуазии и помещиков».³

Посмотрим теперь, как «Народное государство» разоблачало на первых порах замаскированные внешне формы германской интервенции против Коммуны. Уже в номере от 5 апреля мы находим телеграмму, сообщающую, что версальское правитель-

ство сделало попытку подавить Коммуну силой, в случае необходимости, с помощью немецких войск. «Надеемся, что безуспешно», — прибавляет редакция.¹

8 апреля газета сообщала, что в Париже дело дошло до борьбы, роль в которой немецких войск еще не ясна.²

15 апреля редакция суммировала в специальной статье все факты, ставшие ей к этому времени известными.

«Опруссаченная Германия горит желанием выполнить свою международную полицейскую миссию по отношению к Парижской Коммуне. На запрос английского кабинета о «невмешательстве» Германии [в гражданскую войну во Франции] Бисмарк ответил, что вмешательство последует лишь после формальной просьбы о помощи со стороны законного правительства. По другой версии Бисмарк грубо угрожал интервенцией в том случае, если до 15 апреля Коммуна не будет подавлена, а Мольтке разработал план, доказывающий категорическое решение германского правительства «сохранить в качестве гарантий выполнения условий мирного договора оккупированные провинции до тех пор, пока не будет уплачена контрибуция»³ и пока какое-либо прочное правительство не поручится за выполнение условий мира.

Однако, косвенная интервенция уже имеет место в таких фактах, как данное Бисмарком Жюлю Фавру разрешение на увеличение численности армии, действующей против Парижа, с восьмидесяти до ста пятидесяти тысяч человек, как освобождение из плена солдат линейных полков и удержание [в Германии] вольных стрелков и национальных гвардейцев.

Все эти факты доказывают, что германское правительство намерено оказать поддержку версальскому правительству в подавлении Коммуны, удерживая вдали от Франции те воинские части, которые могли бы скорей всего поднять оружие за Коммуну и против Германии».⁴

Эта статья показывает, что редакция «Народного государства» обладала точной информацией, которая рассеяла все иллюзии насчет истинного характера германского «нейтралитета» в гражданской войне, разгоревшейся во Франции. Значительную часть этой информации с самого момента возникновения Коммуны газета получала из Лондона — от Маркса и Энгельса. В смелых, решительных разоблачениях газеты мы видим результат систематической связи редакции с руководителями Интернационала, которые сразу же разгадали игру Бисмарка и предупреждали коммунаров о ее возможных роковых последствиях.

«Народное государство», с напряженным вниманием следив-

¹ Ibidem, № 28, 5/IV 1871.

² Ibidem, № 29, 8/IV 1871.

³ В подлиннике — «Kriegsentschädigung», что буквально значит репарации.

⁴ «Der Volksstaat», № 31, 15/IV 1871.

¹ «Der Volksstaat» № 32, 19/IV 1871.

² Ibidem, № 29, 8/IV 1871.

³ Ibidem, № 34, 26/IV 1871. (Разрядка моя. — В. А.)

шее за ходом вооруженной борьбы Коммуны, постоянно подчеркивало роль Бисмарка как прямого пособника Версаля.

В середине апреля газета писала: «Версальские фанатики порядка продолжают свое кровавое дело; однако, если верить всем признакам, то инсценированная Тьером и К^о Варфоломеевская ночь не удалась. Не было недостатка ни в добром желании, ни в средствах исполнения, благодаря дружеской предупредительности Бисмарка; однако, парижская социал-демократия оказалась сильнее, чем предполагали, и после двухнедельного боя она победила на всех пунктах. Будет ли г. Тьер после этих неудач прислушиваться к голосу рассудка и человечности, пока еще неизвестно, но совершенно очевидно, что парижане в настоящее время настолько хорошо вооружены и прошли такую школу борьбы, что им не страшны те вооруженные силы, которыми в данный момент располагает буржуазия».¹

Как видим, в апреле и мае газета по горячим следам раскрывает карты Бисмарка, показывая, что «косвенная интервенция уже имеет место».

Когда Бисмарк 10 мая подписал во Франкфурте окончательный текст мирного договора с представителями версальского правительства, то рабочая печать Германии совершенно правильно расценила это как акт, направленный, в первую очередь, против Парижской Коммуны. «Агитатор», например, писал: «Насколько горячо при других обстоятельствах мы приветствовали бы заключение мира, настолько сейчас мы должны сожалеть об этом, ибо совершенно очевидно, что он имеет целью удушение социалистов. Немецкие войска должны после заключения мира и уплаты полумиллиарда освободить восточные форты Парижа с тем, чтобы версальская армия, заняв их, могла бомбардировать отсюда Париж».²

Наряду с разоблачением интервенционистской политики Бисмарка, германская социал-демократическая пресса уделяла много внимания выяснению социальной сущности и главнейших моментов деятельности Коммуны. «Народное государство» уделяло, как правило, освещению парижских событий больше половины политического обозрения каждого номера. Редакция регулярно помещала статьи, перепечатанные из официального органа Коммуны, из левых парижских газет, из демократической немецкой и австрийской печати (например, «Красное знамя над парижской ратушей» из «Grimmit-chauer Bürger- und Bauernfreund» корреспонденции Лео Франкеля из венской «Volkswille», «Мероприятия Парижской Коммуны» из «Chemnitzer Freie Presse» и т. д.).

Для того чтобы показать, как определяло «Народное государство» классовую сущность Коммуны и как оно писало о важ-

нейших ее мероприятиях, — мы приведем два наиболее характерных примера.

«Должностные лица Коммуны, — писала газета, — большей частью рабочие; так, например, Варлен — переплетчик, Пенди — плотник, Амуру — шапочник, Тейсс — мороженщик,¹ Дерер — сапожник и т. д. Короче говоря, Коммуна — рабочее правительство в собственном смысле этого слова; члены правительства получают обычную заработную плату, примерно такую же, какую они получали бы у себя на работе».²

«Из декретов Коммуны, — пишет та же газета, — приведем те, которые доказывают, что в Париже правят не «кровапийцы» и не «разбойники», а что Коммуна действительно представляет интересы горожан и рабочих.

Париж будет отныне защищаться исключительно национальными гвардейцами; Коммуна поддерживает рабочие семьи, потерявшие за время с 18 января по 18 марта своих кормильцев; воинская повинность отменена; в вопросах квартирной платы Коммуна является единственным судьей — ликвидация задолженности по квартирной плате за последние три срока отсрочена на три месяца; для уплаты военного долга Германии будет продано императорское имущество».³

«Народное государство» разоблачало делавшиеся отдельными представителями мелкобуржуазной демократии попытки выхолостить из Коммуны ее подлинное содержание, выдав ее за типичное «коммуналистическое движение» (борьбу за коммунальные вольности, за автономное самоуправление). Однажды подобная статья появилась и на страницах самого «Народного государства». В качестве доказательства автор ссылаясь на то, что социалистические мероприятия, осуществленные Коммуной, были крайне немногочисленны. Редакция сопроводила эту статью обширным примечанием, в котором писала: «Подобное суждение о Коммуне абсолютно неверно. Действительно, число проведенных Коммуной социалистических мероприятий невелико, однако это было неизбежным следствием условий, в которых она возникла, и ничего не меняет в том факте, что она в своей основе являлась правительством пролетариата, несмотря на участие в нем буржуазно-демократических элементов (Das ändert nichts an der Thatsach, dass sie im Wesentlichen eine Regierung des Proletariats war)».⁴

«Народное государство» много и подробно рассказывало своим читателям о Коммуне. Это было самой лучшей агитацией в ее пользу, ибо «великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование...», а «отдельные меры,

¹ Ошибка. В действительности Тейсс был резчиком по металлу.

² «Der Volksstaat», № 31, 15 IV 1871.

³ Ibidem, № 28, 5 IV 1871.

⁴ Ibidem, № 79, 30 X 1871.

¹ «Der Volksstaat», № 32, 19 IV 1871.

² «Agitator», № 16, 13/V 1871.

предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа».¹

С обострением борьбы Коммуны все яснее становилось одно из самых слабых мест ее руководства — его излишняя гуманность по отношению к врагам. Уже 6 апреля 1871 г. Маркс отмечал это в письме Либкнехту: «... если парижане терпят поражение, то это их вина, но вина, которая на деле произошла от чрезмерной *honnêteté* (порядочности. — В. А.)». Они «... не хотели начинать *гражданской войны*, как будто Тьер не начал ее сам своей попыткой насильственного разоружения Парижа...»²

Несомненно, под впечатлением этого замечания редакция «Народного государства» писала 15 апреля: «Версальцы свирепствуют, а Коммуна, из чувства гуманности, стремится к максимальной человечности, проявляя, быть может, даже излишнюю умеренность».

Героическая борьба парижских рабочих привлекла к себе внимание всего мира. В цитированном нами письме Либкнехту Маркс писал: «Крайне характерно, что император единой Германии, единое государство и единый парламент в Берлине словно *вовсе не существуют* для внешнего мира. Всякое дуновение ветра в Париже вызывает больше интереса».³

Это письмо, повидимому, явилось толчком, вызвавшим к жизни одно из наиболее смелых, резких выступлений «Народного государства». 12 апреля в газете появилась следующая небольшая статья, написанная, очевидно, ее редактором Либкнехтом:

«На фоне величественных событий, происходящих в Париже, особенно резко выступает комическая ничтожность берлинского рейхстага.

Там — всемирно-историческая трагедия. Здесь — кукольная комедия.

Там — жестокая классовая борьба, в которой решается будущее Европы; здесь — детская забава.

Там — пролетариат, титанически борющийся с буржуазией, схватка нового общества со старым; здесь — петрушка Бисмарк...»

Статья заканчивалась следующими словами: «Существует логика фактов, по которой слово сейчас принадлежит Парижу, потому что он — столица мира, несмотря на императора-Бомбу и его приспешников».⁴

Такая смелость не могла, конечно, пройти безнаказанно. По распоряжению прокуратуры номер газеты с этой статьей был немедленно конфискован за оскорбление «главы союза» — Виль-

гельма I. Когда весть об этом дошла до Энгельса, он написал 20 апреля Либкнехту: «Итак, судя по телеграммам, «*Volksstaat*» был вчера снова конфискован за оскорбление величества. Удивляюсь, что это не случилось еще раньше. Ты очень дерзок...»¹

Смелый революционный тон этой статьи «Народного государства» напоминает боевые статьи Маркса и Энгельса в «Новой рейнской газете» 1848—1849 гг. (особенно знаменитую статью о «подвигах Гогенцоллернов»). Это и неудивительно: ведь подлинным вдохновителем этого выступления Либкнехта был Маркс.

IV

21 мая версальцам, предательски пропущенным германским командованием через немецкие позиции, удалось ворваться в Париж. Начались ужасы кровавой майской недели.

Как реагировали на эти события рабочие Германии?

24 мая редакция «Народного государства» еще считала расплывшимися накануне слухи о проникновении версальцев в Париж не соответствующими действительности. Чтобы показать, насколько коммунары в этот решительный час были далеки от паники, редакция цитировала посланное из Парижа 19 мая письмо матери одного из вождей Коммуны, «исполненное героическим духом, которым воодушевлен парижский народ и в особенности женщины»: «Один из друзей, стоящий рядом, которому я сообщила, что пишу о нашей надежде на победу правого дела, говорит мне: пишите о нашей уверенности! Сомневаться могут лишь изменники».²

Газета в каждом своем сообщении подчеркивала мужество и отвагу бойцов Коммуны.

Когда слухи подтвердились, «Народное государство» 27 мая сообщило: «В воскресенье версальцам удалось, еще неизвестно каким путем, пробить в различных пунктах парижскую крепостную стену, и с тех пор там свирепствует непрерывная уличная борьба. В виду того упорства, с которым национальные гвардейцы защищают баррикады, сейчас еще нельзя предсказать, когда окончится это кровопролитие, однако, судя по положению в данный момент, едва ли оно может окончиться чем-либо иным, кроме временного поражения Коммуны. Но только временного! Потому что процесс экономического разложения старого общества не может быть остановлен, а чем дальше он развивается, тем больше укрепляются силы социализма.

¹ К. Маркс, Гражданская война во Франции (1871 г.), 1938, стр. 64.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 102.

³ Там же, стр. 102—103.

⁴ «Der Volksstaat», № 30, 12/IV 1871.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 111.

² «Der Volksstaat», № 42, 24/V 1871.

В 1848 г. пролетариат четыре дня успешно противостоял силам реакции; весной 1871 г. он продержался два месяца. Если в данный момент он и потерпит поражение, то в следующем восстании в его руках будут еще большие ресурсы. Союз международной реакции сам позаботится о том, чтобы повод к этому восстанию не заставил себя долго ждать».¹

В следующем номере читаем: «Кровавые оргии монархически-капиталистической реакции продолжаются; она потопила Париж в крови, чтобы вновь водрузить на его дымящихся развалинах знамя „порядка“»²

Газета показывает роль Германии, как самого активного противника Коммуны среди европейских держав.

«...Совершенно естественно, что европейские буржуа и прочие реакционеры, в сознании своей международной солидарности, как один человек, встали на сторону Тьера и его «бандитов порядка». Бесстыдней всего, однако, они ведут себя, вероятно, в Германии... Наша печать исчерпала весь лексикон ругательств, чтобы опорочить Коммуну. «Эти вандалы», «безумные чудовища», «убийцы и поджигатели», «негодяи и подлецы» и т. д.»³

Из первой части книги читатель уже знает о формах поддержки, оказанной германским правительством версальцам. Сопоставив эти факты с тем, что писало «Народное государство», мы увидим, что обвинения, предъявляемые газетой, были совершенно точны и конкретны.

«Сейчас еще нельзя установить полностью размеры помощи, оказанной Пруссией Тьеру, — читаем в номере от 31 мая, — однако, нам известно следующее:

1. Князь Бисмарк, по собственному его признанию, в нарушение мирных прелиминарий, разрешил формирование французской армии в 120 000 человек, т. е. втрое больше, чем это было установлено договором.

2. Чтобы снабдить Тьера, который не мог положиться на вновь сформированные части, дисциплинированными, т. е. превращенными в машины, слепо повинующимися солдатами, еще до заключения Франкфуртского мира во Францию была отправлена и на границе вооружена часть императорской гвардии, разбитой по полкам и батальонам.

3. Тотчас же по заключении Франкфуртского мира во Францию в самом спешном порядке были отправлены именно те винские части, которые считались наиболее пригодными для подавления Коммуны, а именно тюркосы, от которых можно

было ожидать, что они охотно поработают над осуществлением «идеала порядка» Бисмарка и Тьера.¹

4. Стоявшие до сих пор перед Парижем немецкие войска оказывали версальцам любую возможную помощь, и, не вмешиваясь активно в операции, фактически действовали заодно с осаждающей армией, образуя ее резервы.

Приписка. Понедельник [29 мая] утро. Рабочие кварталы Парижа все еще держатся. «Пролетарии — черти и дерутся, как черти», жалуются органы порядка. Корреспондент лондонской газеты «Daily News» уже теперь признает, что часть пожаров была вызвана бомбами версальцев. «Однако, не только часть вины, а вся вина падает на Тьера и его банду». «...Жюль Фавр в своем циркуляре просит иностранные правительства о высылке тех инсургентов, которым, быть может, удастся бежать, на том основании, что они являются обыкновенными преступниками. Первым правительством, давшим свое согласие, было прусское, за ним последовала «образцовая» Бельгия. Германская армия под Парижем, совместно с версальцами, оцепила город и отгоняет беглецов ружейным огнем обратно под нож версальцев. «Пруссаки помогают нести полицейскую службу, — говорится в телеграмме «Daily News», — Штибер на высоте своей международной миссии».²

С 7 июня редакция начала печатать серию статей под общим заголовком «Как проникли версальцы в Париж» («Wie kamen die Versailler nach Paris»).

Характер материалов, которыми газета пользовалась для разоблачений, был самый разнообразный. Например, 7 июня она писала по поводу заявления, сделанного Бисмарком по возвращении из Франкфурта³ «Ну, мы пустили версальцев в Париж, пусть они попробуют теперь там удержаться». Это казалось сначала непонятным, — замечает редакция. — Однако, эти слова были ясны и правдивы, так как проникновение версальцев в Париж можно объяснить лишь тем, что пруссаки пропустили их через северную сторону, лишенную наблюдения. Ненавистная социал-демократия должна быть уничтожена любыми средствами».

¹ Необходимость подобного отбора ясно показывает следующий факт, о котором сообщалось в № 51 «Народного государства» от 24/VI 1871 г. Когда эшелон с французскими военнопленными проходил мимо одного из городов средней Германии (название его нам неизвестно), из окон вагонов в наблюдавшую публику, состоявшую большей частью из рабочих, были брошены записки следующего содержания: «Да здравствует республика! Долой королей и императоров, чтобы не было больше войны и народы жили братски!» «Да здравствует Коммуна! Да здравствует человечество!» Одновременно французские солдаты старались всякими способами при помощи выкриков на ломаном немецком языке и при помощи жестов «выразить свое восхищение республикой и Коммуной и свою ненависть к Бонапарту и к монархии».

² «Der Volksstaat», № 44, 31/V 1871.

³ Ibidem, № 46, 7/VI 1871.

¹ «Der Volksstaat», № 43, 27 V 1871.

² Ibidem, № 44, 31/V 1871.

³ Ibidem.

Не меньшей обличительной силой обладало такое свидетельство, как письмо солдата германской оккупационной армии под Парижем.

«Вот уже восемь дней, как, наконец, и наш отряд снова введен в действие. Утром в воскресенье [21 мая] мы обложили восточную сторону Парижа... Версальцы свирепствуют во всю и почти никого не щадят. Тысячи женщин и детей гибнут, пытаясь спастись в погребах, в то время, как над их головами дома рушатся под орудийным обстрелом. Тысячи этих достойных сожаления существ стоят перед воротами, зорко охраняемые пруссаками, и, ломая руки, умоляют, чтобы их взяли в плен: однако, железная дисциплина немецких солдат не знает жалости.

... Так как мы не выпускаем из ворот ни одного человека, то все они, в конце концов, попадают в руки версальцев; для этого-то нас сюда и поставили».¹

Насколько тяжело было некоторым немецким солдатам помогать версальцам, выдавая им безоружных раненных коммунаров, женщин, стариков и детей, видно из заключительных строк этого письма: «К счастью, а возможно, что и к несчастью, война своими ужасами закалила наши сердца, иначе они наверное истекли бы кровью».

В середине августа редакция «Народного государства», возвращаясь к этой теме, писала:

«Выясняются самые скандальные подробности позорных услуг, оказанных немецкими оккупационными войсками версальским бандитам порядка во время парижской кровавой бойни».

По рассказам возвратившихся баварских солдат, в ночь с 20 на 21 мая немецкие войска отступили со своих позиций под Парижем; непосредственно вслед за этим их место заняли версальцы, которые, таким образом, обеспечили себе легкую победу. «Эта резня, — пишет корреспондент, — многим из наших людей открыла глаза на сущность господства „порядка“».²

Говоря правду о зверствах «бандитов порядка», газета не выпускала из-под обстрела буржуазную печать, которая, как этого и нужно было ожидать, особенно свирепствовала в дни подавления Коммуны.

«Ложь, клевета и подлог — таково то духовное оружие, которым буржуазия борется с социализмом. И никогда еще она не пользовалась им с таким откровенным бесстыдством, как в наши дни против Парижской Коммуны и ее представителей. Рассказы о господстве террора во время осады — ложь; о грабежах, насилиях, убийствах — ложь, ложь, ложь... Приказы о сожжении Парижа — фальшивка».³

¹ «Der Volksstaat», № 50, 21/VI 1871.

² Ibidem, № 64, 8/VIII 1871.

³ Ibidem, № 49, 17/VI 1871.

А когда некоторые буржуазные газеты «с наивным бесстыдством» стали призывать германскую социал-демократию к формальному отречению от Парижской Коммуны, — центральный орган партии ответил им следующей статьей, полной сознания собственного достоинства и чувства выполненного классового долга:

«Читайте наши партийные органы, господа буржуа, — в них вы найдете ответ!

Мы солидарны с Коммуной, мы заявляем об этом и готовы в любое время и кому угодно дать ответ за ее действия.

Однако, и у нас есть вопрос. Готовы ли вы поступить так же по отношению к французской буржуазии? Объявляете ли вы себя солидарными с победителями Коммуны? Говорите!..

Мы вам ответили. Теперь очередь за вами... Оправдываете ли вы беспримерные зверства ваших французских братьев?

Говорите! Да или нет? И ваше молчание будет означать — да! (Heraus mit der Sprache! Ja oder nein? Und schweigen heisst — ja!)»¹

Итак, газета открыто заклемила зверства версальцев и заявила во всеулышание о своей полной солидарности с Коммуной, потопленной «бандитами порядка» в море крови.

Но она не забыла воздать должное и ее немецким палачам. Воспользовавшись одним из многочисленных враждебных Коммуне выступлений бисмарковского официоза «Nord-Deutsche Allgemeine Zeitung», «Народное государство» писало:

«Для нас важно констатировать, что личный орган Бисмарка, этого кумира немецких буржуа и юнкеров, главной опоры современного государственного и общественного порядка в Германии, не только оправдывает гнусности версальских бандитов, но даже упрекает их в недостаточной решительности.

Мы выражаем благодарность органу Бисмарка за циничную откровенность, с которой он, на характерном для новой империи жаргоне, выразил зверские инстинкты ландскнехтов; теперь мы знаем, с кем мы имеем дело и чего мы можем ожидать от берлинских версальцев, превосходящих своей жестокостью и кровожадностью французский оригинал».²

Клеймя врагов Коммуны, «Народное государство» сумело своими статьями достойным образом почтить память ее героев и мучеников.

3 июня «Народное государство» и «Агитатор» («Социал-демократ» закрылся еще 30 апреля) посвятили свои передовые статьи памяти Коммуны.

Вот что писал центральный орган социал-демократической партии:

«Июнь 1848 г. — март — май 1871 г.....?»

В воскресенье, после восьмидневных уличных боев, пала

¹ Ibidem, № 46, 7/VI 1871.

² Ibidem, № 79, 30/IX 1871.

Коммуна. Вторая волна прилива разбилась о стены буржуазного общества; но идут новые штурмующие волны, еще более сильные; возможно, еще одна разобьется об эти стены, но ни бог, ни человек не спасут от гибели гнилую постройку.

Ликуйте, вы, «победители», пока вы в силах заглушить свой внутренний страх.

Ликуем и мы, среди траура по павшим братьям, потому что борьба показала нам, насколько мы окрепли с 1848 г., и потому что мы уже сейчас видим то время, когда вы нас не сможете победить».¹

«Агитатор» в обширной передовой статье писал: «Последняя борьба парижских социалистов не имеет равной в истории нового времени. С отчаянным мужеством — это должны были признать даже их смертельные враги — бились сорок тысяч обреченных на смерть передовых борцов пролетариата...

Европейские державы, как легко можно было предвидеть, перед лицом социальной борьбы в Париже решительно встали на сторону версальского правительства, и если бы социалисты победили, то, безусловно, против них была бы начата общеевропейская война.

Новая германская империя была, естественно, предупредительнее всех по отношению к версальскому правительству.

Если и не немецкие орудия разгромили Париж, то зато версальцам услужливо возвращали пленных, а в последние дни прекратили пропуск через немецкие линии даже безоружных социалистов.

Лицемерным молчанием и тайной радостью были встречены в Германии зверства французской буржуазии.

Наслаждайтесь триумфом, пока не поздно.

Придет день, когда из кровавого посева созреет еще более кровавая жатва.

Кровавая бойня 1848 г. не забыта: убийства, совершенные в мае 1871 г., записаны навсегда в долговую книгу истории».²

6 декабря 1871 г. редакция «Народного государства», желая почтить память расстрелянных в конце ноября четырех борцов Коммуны — военного делегата Росселя, члена Коммуны Ферре, руководителя Марсельской Коммуны Гастона Кремье и сержанта Буржуа, — выпустила номер, вся первая полоса которого, окаймленная траурной рамкой, была занята статьей «Оргия мщения версальских героев „порядка“».

Редакция «Народного государства», вне всякого сомнения, выразила мнение всего рабочего класса Германии, когда писала:

«...Мы гордимся нашими мучениками. Мы гордимся нашим делом, у которого могут быть такие мученики».³

Солидарность с Коммуной немецкие рабочие открыто выражали на своих собраниях. Отчеты об этих собраниях появлялись на страницах рабочих газет. Писала о них и буржуазная печать. Но самый широкий резонанс несомненно имело выступление в защиту Коммуны одного из вождей социал-демократической партии — Августа Бебеля — с трибуны германского рейхстага 25 мая 1871 г.

В разгар кровавой майской недели, когда буржуазная печать всех стран пыталась выдать коммунаров за вандалов, разрушивших Лувр и Тюльери, речь Бебеля прозвучала на весь мир, как грозное обвинение палачей Коммуны из Версаля и Берлина.

Бebel начал с того, что опроверг утверждение Бисмарка, будто бы «здравым зерном» в стремлениях Парижской Коммуны является ее желание осуществить во Франции прусское городское положение.

«Господа, — сказал Бебель, — я не присутствовал на этом заседании, но, читая отчет, был поражен, узнав, что собрание серьезных людей выслушало без смеха подобное заявление. Каждый из нас ведь знает германское и, в частности, прусское коммунальное и городское положение, и я думаю, что если бы Коммуна боролась только за это, то было бы жаль каждой щепотки пороха, так как, по-моему, прусское городское положение не стоит даже одного выстрела.

Да, господа, там действуют более высокие стремления, и г-н рейхсканцлер, если бы он тогда говорил серьезно, должен был бы, собственно говоря, выступить на стороне Коммуны, а не поступать так, как он это сделал через несколько дней, когда по одному из пунктов мирного договора обязался предоставить в распоряжение французского правительства пленных и отправить их против Парижской Коммуны, то есть, как раз против защитников прусского городского положения. (В зале смех.)

Он не включил бы тогда в договор условия, по которому первый платеж в 500 миллионов должен быть произведен через 30 дней после падения Парижа. Потому что этим он действовал против осуществления в Париже прусского городского положения тем же способом, каким он давно уже действует и, без сомнения, будет действовать в Пруссии.

Господа, как бы ни были предсудительны в ваших глазах стремления Коммуны (а вчера здесь, в частных разговорах, их называли даже безумными), будьте твердо уверены, что взоры всего европейского пролетариата и всех тех, кто еще сохранил в груди чувство свободы и независимости, — устремлены на Париж.

Господа, если даже в данный момент Париж и покорен, то я напоминаю вам о том, что борьба в Париже лишь небольшая схватка на аванпостах, что главное в Европе еще впереди и что

¹ «Der Volkstaat», № 45, 3 VI 1871.

² «Agitator», № 19, 3 VI 1871.

³ «Der Volkstaat», № 98, 6 XII 1871.

не пройдет и нескольких десятилетий, как боевой клич парижского пролетариата: „Война дворцам, мир хижинам, смерть нужде и тунеядству” — станет боевым кличем всего европейского пролетариата». ¹

Взявший после Бебеля слово Бисмарк заявил: «Не бойтесь, господа, что я стану отвечать предыдущему оратору: вы все согласитесь со мной, что его речь не требует здесь ответа». ²

Однако, для того, чтобы успокоить общественное мнение, Бисмарк был все же вынужден сделать следующее заявление: «Я могу заверить — я рассчитываю, что мне поверят, — что в заключенном нами мире не существует тайных статей; статьи, вошедшие в договор, подлежат гласности, и каждый может ознакомиться с их содержанием». ³

Читатель уже знает, какой циничной ложью были эти заверения Бисмарка, подписавшего тайную дополнительную конвенцию с представителями версальского правительства.

7 июня «Народное государство» писало:

«Речь Бебеля дала буржуазной и прочей реакционной печати повод для хорошо исполненного кошачьего концерта. Эти газеты обозлены тем, что среди победных оргий по поводу падения Коммуны, на стене их собственного рейхстага написаны слова: мэне, тэжел, фарес. Поднятый ими вой скрывает за собою донос. Прекрасно! Донosite. Или вы думаете запугать нас этим? Мы полагали, Париж показал вам, что социал-демократия умеет стоять за свои принципы.

Некоторые газеты оспаривают «право» и «мандат» Бебеля на защиту Коммуны. От имени социал-демократической рабочей партии мы официально заявляем: Бебель не только имел право, но и обязан был защищать в рейхстаге Коммуну. Если бы он упустил эту возможность, то он плохо бы представлял партию: если бы он говорил в противоположном смысле, он не был бы больше членом социал-демократической партии.

Что касается «мандата», то он у Бебеля был двойной — мандат его избирателей, пославших его в Берлин с тем, чтобы он там говорил так, как он говорил, и мандат немецкой социал-демократии, чувствующей себя солидарной с Парижской Коммуной и требующей от своих представителей в рейхстаге, чтобы они выразили это чувство». ⁴

Речь Бебеля произвела огромное впечатление и в Германии и за ее пределами. О том, насколько были напуганы этой речью правящие классы Германской империи, можно судить по откликам печати.

¹ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages I. Legislaturperiode, I. Session, B. II, 1871, S. 921. (Разрядка моя.—В. А.)

² Ibidem.

³ Ibidem, S. 922.

⁴ «Der Volksstaat», № 46, 7/VI 1871.

Орган прусского юнкерства — знаменитая «Крестовая газета» призналась, что, учитывая настроения рабочих, на собраниях которых «проповедуются зажигательные учения», — «слова Бебеля отнюдь не кажутся ей смешными». ¹

Чрезвычайно интересно выступление одной из наиболее популярных буржуазных газет — известной «Кёльнской газеты». В статье под названием «Коммуна в Германии» говорилось: «...правительство преступников (так в то время величали немецкие реакционные газеты Парижскую Коммуну. — В. А.) нашло в Германии союзников, друзей, которые только ждали победы парижан, чтобы развернуть знамя «свободы, равенства и братства» и в Германии...»

Депутат Бебель выбрал этот момент, чтобы заявить в германском рейхстаге: «Это только маленькая схватка на аванпостах в войне, которую пролетариат поведет против всех дворцов». Несколько дней спустя «Народное государство» осмелилось заявить: «Мы солидарны с Коммуной, мы заявляем об этом и готовы в любую минуту и перед кем угодно защищать ее идеалы».

Вот до чего дошло дело в стране обязательного школьного обучения и всеобщего избирательного права, в стране просветительных рабочих обществ! ²

О резонансе, который речь Бебеля имела за пределами Германии, например в Англии, свидетельствует следующее сообщение Энгельса в письме Либкнехту от 22 июня 1871 г.: «...Его речь о Коммуне обошла всю английскую печать и произвела здесь большое впечатление». ³

Буржуазная печать пыталась при помощи лживых сообщений с мест, проверить которые читателю было затруднительно, создать впечатление, что симпатии к Коммуне не разделяются рабочими. Так, например, «Франкфуртская газета» писала, что рабочие Мюнхена осудили речь Бебеля; эта фальшивка была быстро разоблачена социал-демократической печатью, обладавшей сетью рабочих корреспондентов. Один из них, мюнхенский социал-демократ, в письме в редакцию «Народного государства» рассказал, как было дело. Оказалось, что на собрании рабочего просветительного общества, о котором шла речь в заметке «Франкфуртской газеты», имя Бебеля даже не упоминалось. Что же касается отношения собравшихся рабочих к Коммуне, то о нем можно судить по такому факту: когда один из присутствовавших назвал парижан «сумасшедшими и бестиями», всеобщее возмущение было настолько велико, что он должен был бежать с собрания. ⁴

Речь Бебеля показала правящим классам Германии, насколько с 1848 г. вырос рабочий класс, насколько обострились в стране классовые противоречия.

«Кельнская газета» в цитированной нами выше статье писала:

«Что многое гнило в наших социальных отношениях, это мы знаем уже давно. Но никто не думал, что в настоящее время в рабочем классе свирепствует такая глубокая, непримиримая ненависть, такое революционное настроение, такая радость по поводу преступления против всего, что стоит над ним».

Весьма примечателен вывод, который делает редакция: «...Смерть угрожает новой империи в момент ее основания с двух сторон: от ультрамонтанов и от социал-демократов из Интернационала...» ¹

Если Коммуна причинила Бисмарку, по его словам, первую бессонную ночь, то выступление Бебеля в защиту Коммуны, по позднему признанию «железного канцлера», открыло ему глаза на истинный размер опасности, представляемой социал-демократическим движением.

Речь Бебеля явилась тревожным сигналом для всей европейской реакции.

Не случайно поэтому ей уделили значительное внимание дипломатические представители царской России. 13 июня 1871 г. Александру II были посланы, среди прочих, следующие донесения: от упоминавшегося выше русского агента в Гамбурге Вегезака и от посла в Вене Е. Новикова. Вегезак писал: «Национальность лиц, принимавших участие в Коммуне или сражавшихся в рядах национальной гвардии, так же, как и адреса с одобрениями и поздравлениями, посланные Парижской Коммуне социалистами Англии, Германии, Бельгии и Швейцарии, не оставляют сомнения в космополитическом характере этого восстания. Депутат Бебель имел даже смелость заявить перед всем парламентом, что оно было лишь сражением на аванпостах, за которым вскоре последует гораздо более серьезная борьба между различными классами общества». ²

Для Новикова речь Бебеля послужила основанием для заключения об успехах европейского рабочего движения.

Новиков доносил Александру II:

«...Если рассудить, что Интернационал насчитывал уже от 2½ до 3-х млн членов в Европе (sic! — В. А.), что депутат Бебель имел смелость провозглашать с трибуны немецкого рейхстага свою ужасную поговорку: «война дворцам, мир хижинам», что пролетариат, не довольствуясь благосостоянием, стремится еще к управлению... — станет понятно, насколько заинтересо-

¹ «Neue Preussische Zeitung» (Kreuzzeitung), № 125, 1 VI 1871.

² «Kölnische Zeitung», 12 VI 1871.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 128.

⁴ «Der Volksstaat», № 48, 16 VI 1871.

¹ «Kölnische Zeitung», 12 V 1871.

² Государственный архив внешней политики, фонд канцелярии министерства иностранных дел, 1871, дело № 25, л. 28. Подлинник на французском языке. Перевод мой. — В. А.

ваны все правительства в объединении своих усилий, чтобы воспрепятствовать росту значения социального вопроса». ¹

И весьма выразительна помета, сделанная Александром II на этом донесении: «Конечно».

После гибели Коммуны по всей Германии прокатилась волна рабочих собраний, посвященных памяти ее борцов.

2 июня рабочие Бармена — члены местной организации Всеобщего рабочего союза — в единогласно принятой резолюции заявляли: «Парижские рабочие — передовые борцы всего европейского пролетариата, в то время как Тьер и его сообщники — последнее проявление варварства и несправедливости». ² Собравшиеся, обнажив головы, почтили вставанием память погибших парижских рабочих.

В первых числах июня состоялось многолюдное собрание социал-демократической организации в Кельне. Все ораторы, среди которых были и члены Всеобщего рабочего союза, открыто и решительно выразили свои симпатии Парижской Коммуне. Некоторые ораторы упомянули о местной печати, которая в последние дни опять свирепствует против «убийц и поджигателей из Интернационала». ³

3 июня состоялось собрание организации Всеобщего рабочего союза в Киле; в повестке дня было обсуждение парижских событий и деятельности германского рейхстага.

6 июня на многолюдном общем собрании столяров в Берлине была единогласно принята следующая резолюция: «Собрание от глубины души чтит погибших в Париже храбрых борцов за свободу труда. Твердым признанием социалистических принципов оно воздвигнет живой памятник героям, павшим за свободу и право». ⁴

6 июня рабочим Бреславля удалось, наконец, довести до конца дважды запрещенное полицией собрание, в повестке дня которого стоял доклад о Парижской Коммуне. Собрание, о котором рабочие были извещены при помощи плакатов, несмотря на проливной дождь, было весьма многолюдно. Докладчик и ораторы социал-демократы сосредоточили свое внимание на разоблачении обвинений, возводимых на Коммуну. Доклад и выступления сопровождались бурными аплодисментами. Несмотря на то, что на собрании присутствовало не мало буржуа, никто из них не воспользовался приглашением председателя и не взял слова. Зато через неделю в помещении, где происходило собрание, появилось следующее объявление:

«Бреславльское студенческое общество заявляет, что его помещение было без ведома общества, под личную ответствен-

ность хозяина, уступлено под собрание социал-демократического ферейна. Общество крайне сожалеет об этом, так как его направление абсолютно не совпадает с тенденциями социал-демократов». ¹

6 июня на собрание мюнхенской социал-демократической организации, посвященное памяти Коммуны, явилось трое полицейских комиссаров; в помещение, где происходило собрание, было введено шесть жандармов, прочие расположились на улице. «Собрание прошло с большим подъемом, были выражены самые горячие симпатии к братьям в Париже», читаем в отчете. ²

Между 5 и 7 июня рабочие Кельна провели большое собрание. Несмотря на то, что о собрании не было объявлено заранее, на нем присутствовало много народа. В большом докладе были освещены события в Париже и заклеено трусливое и жестокое поведение версальцев. ³

10 июня в Нижнем Бармене состоялось собрание местной организации Всеобщего рабочего союза, на котором обсуждались события в Париже. Присутствовало много ремесленников, которые «до этого расходились во взглядах на Парижскую Коммуну с социал-демократами». После собрания они заявили, что взгляды социал-демократической партии — наиболее здравые и последовательные.

Автор отчета приходит к весьма знаменательным выводам. Он пишет: «...С некоторого времени заметно, как наше дело, вероятно, под влиянием революции в Париже и варварского поведения версальского правительства, находит все больше и больше сторонников. Рабочий класс в целом должен, наконец, понять, что путь, по которому мы идем к разрешению социального вопроса, — единственно правильный». ⁴

11 июня состоялось многолюдное собрание в Изерлоне, на котором, после того как лассальянец Тельке сделал доклад о парижских событиях и о политическом положении Европы, была единогласно принята следующая резолюция: «Собрание заявляет, что парижские рабочие вновь послужили человечеству как передовые борцы за социализм, а современное буржуазное правительство во Франции заклеено печатью вечного позора за массовое убийство мужчин, женщин и детей». ⁵

20 июня собрание организации Всеобщего рабочего союза в Эссене приняло следующую резолюцию: «Собрание заявляет, что Парижская Коммуна боролась за права народа, и печать распространяет о ней всевозможные ужасы лишь с целью опорочить ее». ⁶

¹ «Der Volksstaat», № 49, 17/VI 1871.

² Ibidem, № 48, 14/VI 1871.

³ Ibidem, № 51, 24/VI 1871.

⁴ «Neuer Social-Demokrat», № 2, 5/VII 1871.

⁵ Ibidem.

⁶ «Agitator», № 22, 24/VI 1871.

¹ Сборник «Царская дипломатия и Парижская Коммуна», 1871, стр. 178.

² «Der Volksstaat», № 47, 10/VI 1871.

³ Ibidem.

⁴ «Agitator», № 20, 10/VI 1871.

В 20-х числах июня на собрании социал-демократов в Нюрнберге с трехчасовым докладом о событиях в Париже выступил Иоганн Мост. Когда присутствовавшие на собрании национал-либералы слышали, что он начал свою речь с выражения симпатий Коммуне, они не могли этого спокойно пережить. Но напрасно они «вопили от злости», — их крики были заглушены бурными аплодисментами рабочих. Вызвали полицию. Скандал все увеличивался. Пришлось объявить перерыв, во время которого хулиганов вывели. После этого собрание продолжалось. В заключение была почти единогласно принята резолюция, в которой присутствовавшие выразили полную солидарность с оратором.¹

Социал-демократические рабочие Гамбурга собирались дважды, чтобы отметить память Коммуны: 19 и 24 июня.

На втором из этих собраний социал-демократ Гейб произнес сопровождавшуюся общими аплодисментами часовую речь в защиту Коммуны и Интернационала.

Выступавшие после него ораторы опровергали лживые выдумки печати. Резолюция не была вынесена, так как это было запрещено полицией. «Судя по этому собранию, и здесь начинает проясняться», заканчивает автор отчета.²

В последних числах июня состоялось собрание в Эслингене. Высланный из Вены за руководство движением солидарности австрийских рабочих с коммунарами социал-демократ Шей на примере Австрии и Франции показал разницу между социал-демократической и другими партиями. В заключение присутствовавшие, поднявшись с мест, выразили свою полную солидарность с Парижской Коммуной.³

2 июля в Майнце состоялось собрание рабочих окрестных местностей, назначенное еще на 18 июня, но тогда запрещенное полицией.

В повестке дня было два вопроса: нормальный рабочий день и борьба Парижской Коммуны. Несмотря на запрещение властей, плакаты о собрании были развешены заранее. На собрание явился усиленный наряд полиции. Докладчик Распе из Эссена нарисовал картину деятельности Коммуны; он уделил особое внимание жалобам немецкой печати по поводу низвержения Вандомской колонны, хотя эта последняя была, по его словам, позорным столбом для Германии.

Когда Распе и следующий оратор, Цирфас, упоминали о германском императоре, Бисмарке и рейхстаге, полицейский комиссар каждый раз перебегал их, угрожая лишиться слова.⁴

Так говорили рабочие Германии на своих собраниях. Мы наблюдаем полное единодушие в проявлении чувства солидар-

ности с Коммуной между членами Всеобщего рабочего союза и членами молодой социал-демократической партии.

Члены Всеобщего рабочего союза, как ни было затуманено их сознание многолетней пропагандой Лассаля, а затем Швейцера, — остались верны своему классовому долгу. Тем разительнее был контраст между настроениями рабочей массы и позицией руководителей союза. Вынужденная отставка Швейцера ясно показала, что ему дальше не по пути с рабочим движением, высвобождавшимся под влиянием Коммуны из пут сектантских пережитков.

Не менее резким был контраст между настроением и поведением рабочей массы и настроениями руководителей других более мелких лассальянских и иных мелкобуржуазных организаций.

Р. Менде, являвшийся руководителем небольшого ферейна в Бремене, выступил в начале июня на собрании его членов с большим «программным» докладом.

Разъяснив цели общества, он призвал присутствующих «крепко держаться принципов Лассаля — всеобщего, прямого избирательного права и достигаемой посредством него поддержки со стороны государства»¹ и протестовал против какой бы то ни было солидарности с Интернационалом. Социальное движение 18 марта, по его словам, лишь короткое время пользовалось его симпатиями.

«Народное государство» приводит содержание доклада Менде, сопровождая его резкой критикой.

«Чтобы оказаться в силах разрешить социальный вопрос, рабочие должны заняться собой. Они должны дать себя просветить (знакомая песня! Вспомним Гирша и Дункера с их лозунгом «Образование делает свободным». — В. А.), повышать свой политический уровень, который пока еще очень низок.

Не на пути грубого насилия, а на мирном пути цивилизации и науки могут быть осуществлены идеалы старого учителя Лассаля».

В заключение Менде заявил, что он протестует от имени ферейна против всякого сравнения его с Международным товариществом.

«Призвание рабочих, — добавил он, — не разрушать памятники и дворцы, а строить их и сохранять».²

Но наиболее отчетливо показала истинное лицо лассальянцев клеветническая кампания против Интернационала, поднятая печатью Всеобщего рабочего союза после гибели Коммуны.

¹ Речь идет об одном из лассальянских «символов веры» — организации кооперативных рабочих производительных товариществ, субсидируемых существующим государством. После окончания франко-прусской войны Менде обратился к Бисмарку с предложением выделить для этой цели некоторую сумму из контрибуции.

² «Der Volksstaat», № 46, 7/VI 1871.

¹ «Der Volksstaat», № 52, 28/VI 1871.

² Ibidem, № 54, 5/VII 1871.

³ Ibidem, № 56, 12/VII 1871.

⁴ Ibidem.

Начавшая выходить в июле 1871 г. в Берлине газета «Новый социал-демократ», заменившая в качестве центрального органа союза «Социал-демократ», открыто выступила против самого принципа международной рабочего движения, против Генерального совета Интернационала и, как это всегда бывало в таких случаях, персонально против Маркса. Нет надобности приводить примеры нападок газеты на Интернационал и его руководителей. Обозленные лассальянцы не сказали ничего нового по сравнению со статьями самых откровенных реакционных газет.

Боясь выступить от своего собственного имени, редакция «Нового социал-демократа» избрала для своих выступлений наиболее безответственную форму — сообщений «нашего лондонского корреспондента». В этой роли выступил небезизвестный лассальянский интриган Иосиф Шнейдер, эмигрировавший в это время из Германии и проявлявший «кипучую» деятельность в немецком рабочем ферейне в Лондоне с целью отколоть его от Интернационала.

Шнейдер в своих «разоблачениях» пытался опровергнуть необходимость создания международной организации рабочих. «Как можно любить другие народы, язык, нравы и обычаи которых нам неизвестны!» — лицемерно заявлял он.¹ Такова была эта аргументация, истинный характер и цели которой не требуют пояснений.

Редакция «Нового социал-демократа» со злорадством сообщала, что в среде Генерального совета оказался шпион (Дюран), ликовала по поводу материальных затруднений, которые испытывал Генеральный совет, и т. д.

Скомпрометировали себя в глазах рабочих и руководители различных мелкобуржуазных партий. Например, 12 июня в Фюрте (Бавария) на многолюдном собрании местной организации социал-демократической партии был поставлен вопрос об отношении к так называемой «Народной партии».

Присутствовавшие единогласно приняли следующую резолюцию, которую постановили послать для опубликования в редакцию центрального органа социал-демократической партии: «Принимая во внимание, что местная организация «Народной партии», уже и раньше постоянно борющаяся с принципами демократии, на собрании 7 июня устами своего руководителя высказала в выражениях, не могущих не вызвать возмущения любого социал-демократа, свое мнение о социал-демократии вообще и, в частности, о Парижской Коммуне и утверждала, что только монархия может спасти Францию, — местная организация социал-демократической партии объявляет, что она впредь намерена попросту игнорировать «Народную партию».²

27 июля состоялось созванное социал-демократическим ферейном многолюдное собрание в Лейпциге. Развешенные на улицах плакаты сообщали о докладе: «Чем была Парижская Коммуна, что такое Международное товарищество рабочих, что говорит о них европейская печать?» Зал и галереи были переполнены; среди присутствующих было много женщин.

Открыл собрание Бебель. С большим трехчасовым докладом выступил Либкнехт. Он говорил: «Враги Интернационала утверждают, что это он вызвал к жизни социалистическое движение, в то время как Интернационал сам создан этим движением. Интернационал — это организация, противостоящая международному союзу правительств и буржуазии...»

Сколько бы ни сажали в тюрьмы вождей, сколько бы ни закрывали рабочие газеты, идеи интернационализма и интернациональное движение пролетариата будут жить. Идей нельзя искоренить ни тюрьмами, ни расстрелами. Коммуна побеждена, но придет время, когда она восстанет из гроба, победоносная и еще более величественная. Это чувствуют и ее противники и поэтому распространяют ложь и клевету».¹

На рабочих собраниях еще долго продолжалась борьба с противниками Коммуны. Например, на собрании организации Всеобщего рабочего союза в Эслингене 9 сентября выступил проповедник «свободной религии» Шустер, критиковавший Лассалья и Шульце, которые, по его словам, не могут помочь рабочим, и направивший свой основной удар на социал-демократов, являющихся, по его словам, «злейшими врагами рабочих». Парижскую Коммуну он изобразил самыми черными красками. Его речь, однако, читаем в отчете, «не сбила рабочих с толку, — после ее окончания раздалась весьма умеренные аплодисменты. Выступивший с ответом социал-демократ Гольцмарт опроверг слово за словом все утверждения Шустера и был поминутно прерываем бурными аплодисментами. Он внес следующую резолюцию: „Религия не в состоянии разрешить социального вопроса... это может быть достигнуто лишь путем осуществления программы социал-демократической рабочей партии“».²

За эту резолюцию голосовали все присутствовавшие, за исключением нескольких явившихся на собрание буржуа. Многие рабочие обещали вступить в ферейн. «Движение пришло в ход, и Эслинген скоро превратится в прочную опору партии».³

Не только организованные немецкие рабочие, которые находились в рядах социал-демократической партии и Всеобщего рабочего союза, выражали солидарность с борцами Коммуны. Их чувства разделяли значительно более широкие слои рабочего

¹ «Neuer Social-Demokrat», № 67, 3/XII 1871.

² «Der Volksstaat», № 50, 21/VI 1871.

¹ Ibidem, № 62, 2/VIII 1871. (Разрядка мол.—В. А.)

² Ibidem, № 74, 13/IX 1871.

³ Ibidem.

класса, — завтрашние члены социал-демократической партии Германии. Об этом свидетельствует ряд фактов. Вот некоторые из них.

1 октября Либкнехт, по приглашению своих избирателей, приехал в Тельгейм. На собрание пришли рабочие из окружающих городов — Лосница, Цвоница, Гейера, Гормесдорфа и др.

Когда Либкнехт говорил о героях-мучениках Парижской Коммуны, «то было видно по блестящим глазам и напряженным лицам слушателей, как велика ненависть к бесчеловечным палачам, которая глубоко таится в сердцах народа».¹

Обращаясь к присутствовавшим женщинам, Либкнехт призвал их брать пример с героических женщин, шедших в борьбу впереди мужчин, начиная со времен древности и кончая последними событиями в Париже, где женщины превзошли мужчин в презрении к смерти и в самопожертвовании.²

Буржуазная печать особенно старалась скомпрометировать в глазах рабочих вышедшего из их среды молодого Августа Бебеля, роль которого в руководстве социал-демократической партии она оценивала по достоинству. Для этой цели она не брезгала никакими средствами — вплоть до грязных инсинуаций. Газета «Трибуна» («Die Tribune») писала, что во время въезда в Берлин, когда было арестовано несколько карманных воров, один из них, задержанный на вокзале, объяснил свое присутствие тем, что он встречает своего друга Бебеля.

Прибегала буржуазная печать и к лживым выдумкам, сообщая, например, о том, что Бебель отправился в Париж, чтобы принять участие в борьбе Коммуны, — для правдоподобия даже указывалось, какой именно чин он там получил.

Большой интерес представляла встреча Бебеля с его избирателями, состоявшаяся в Мееране 6 декабря. 3 тысячи рабочих собрались, чтобы выслушать отчет своего депутата в рейхстаг. Из всех окрестностей была стянута полиция, переодетая в штатское. На собрание явился саксонский министр полиции Вольф в сопровождении трех стенографистов. Бебель начал свою речь с заявления о том, что он переживает двойную радость — от встречи со своими избирателями и от внимания полиции. Он выразил надежду, что последняя будет содействовать распространению его доклада; однако, она ошибается, если надеется найти новый материал для процесса о государственной измене.

К сожалению, в газетах, имеющих в нашем распоряжении, нет изложения речи Бебеля. «Народное государство» приводит только текст единогласно принятой резолюции: «Собрание осуждает поведение германского рейхстага по отношению к нашему депутату Бебелю и, заявляя о своей полной солидарности

с его деятельностью, выражает ему публично свое полное доверие».¹

Как во всем мире, так и в Германии борьба Коммуны оказала огромное влияние на рост популярности Интернационала.

Как во всем мире, так и в Германии начавшаяся после гибели Коммуны травля Интернационала привела к еще большему проникновению его принципов в толщу рабочих масс.

Мы приводили уже слова Ленина о том, что Коммуна «...всколыхнула по Европе социалистическое движение».² На примере рабочего движения Германии это видно особенно отчетливо.

На протяжении 1870 г., в условиях военного времени, при режиме военного положения в отдельных частях Германии, — основным проявлением политической жизни немецких рабочих было движение протеста против продолжения войны, превратившейся из оборонительной в захватническую. Но ряд местных организаций социал-демократической партии прекратил свое существование, так как их члены — рабочие были призваны на военную службу.

Как мы уже видели, в дни Коммуны и позднее, во второй половине 1871 г., восстанавливается и оживляется деятельность существовавших социал-демократических ячеек и основываются новые. На рабочих собраниях ставятся такие доклады, как «Интернационал и немецкая социал-демократия» (выступление Распе в Золингене), «Коммунизм и культура» (выступление социал-демократа Гайфера в Бреславле), на страницах рабочей и демократической печати появляются статьи социал-демократов и мелкобуржуазных демократов о «социализме» и «коммунизме».

Этот повысившийся благодаря Коммуне интерес немецких рабочих к вопросам социалистического движения не мог не вызвать самых серьезных опасений у представителей господствующих классов Германии.

Если Бисмарк, как это было показано выше, берет на себя инициативу организации крестового похода против Интернационала, то представители немецкой буржуазной интеллигенции пытаются использовать для борьбы с социал-демократами другое оружие — печать.

Однако, эти попытки скрестить оружие с рабочей печатью не увенчались успехом, так же, как и опыт с созданием «Всегерманского общества народного образования». Газета «Народное государство» успела уже пустить прочные корни и приобрести симпатии широких кругов рабочего читателя, который с удовлетворением находил на ее страницах чрезвычайно разнообразный и притом весьма обширный материал о Коммуне и об Интер-

¹ «Der Volksstaat», № 90, 8 XI 1871

² Ibidem.

¹ Ibidem.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 163.

национале. Немецкие рабочие по этим статьям, заметкам и сообщениям могли следить за судьбой отдельных членов Коммуны, за сбором средств в пользу ее эмигрантов. Газета предостерегала их от покупки фальшивых фотографий коммунаров и написанных буржуазными журналистами лживых «историй» Коммуны и т. д. и т. п.

Когда в Париже начался процесс коммунаров, «Народное государство» писало: «Процесс над коммунарами — юридическое убийство, совершаемое столь же грубо и трусливо, с тем же циническим презрением к праву и человечности, как и совершенные той же бандой убийц и поджигателей убийства при помощи военной силы». ¹

«Суд версальцев над Коммуной, несмотря на все принятые бандитами „порядка“ меры предосторожности, с первого же дня превратился в суд Коммуны над версальцами». ²

В № 50 от 21 июня газета писала:

«Генеральный совет Международного товарищества рабочих опубликовал манифест о «Гражданской войне во Франции», который мы имеем пока только на английском языке. Со следующего номера мы начнем печатать этот важнейший документ, который духовно и морально уничтожит противников Коммуны и Интернационала». Манифест был написан Марксом.

22 июня Энгельс отправил Либкнехту первую часть сделанного им немецкого перевода «Гражданской войны во Франции», ³ который и начал печататься в «Народном государстве» с № 52 от 28 июня («Der Bürgerkrieg in Frankreich. Adresse des Generalraths der Internationalen Arbeiter-Assoziation an alle Mitglieder in Europa und den Vereinigten Staaten»).

По директиве Генерального совета редакция «Народного государства» летом 1871 г. выпустила манифест отдельным изданием. В № 54 от 5 июля редакция опубликовала без заглавия и без подписи статью Энгельса «„Гражданская война во Франции“ и английская буржуазная пресса». ⁴

В № 74 «Народного государства» было помещено письмо Маркса редактору «Таймса» от 30 августа 1871 г. с заявлением о том, что все появившиеся в Париже после падения Коммуны воззвания Генерального совета — фальшивки. В приложении к № 80 мы находим подробное изложение доклада Густава Квасневского «Социализм и коммунизм», прочитанного им 28 августа в Берлинском социал-демократическом фереине. Отметим следующее, относящееся к Интернационалу, место этого

¹ «Der Volksstaat», № 66, 15/VIII 1871.

² Ibidem, № 67, 19/VIII 1871.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 127.

⁴ Статья эта впервые опубликована на русском языке в «Правде» № 76 (7042), 18/III 1937. Перепечатана в сборнике К. Маркс и Ф. Энгельс, Парижская Коммуна, 1908, стр. 127—128.

доклада: «Масса пролетариев, объединенная благодаря своему Международному товариществу в единое целое, открыто провозглашает, к чему она стремится... Карл Маркс уже давно в своем Коммунистическом Манифесте бесстрашно указал пути, ведущие к цели. В этом году нам пришлось дважды увидеть борьбу пролетариата с его угнетателями, и если будет опровергнута лживая клевета на коммунаров, то еще многие, кроме нас, придут к правильному суждению о них».

«Народное государство» энергично разоблачало фальшивки, при помощи которых вся европейская и, в частности, немецкая буржуазная печать пыталась бороться с Интернационалом. Например, в номере от 1 июля редакция опубликовала следующий «документ»:

«Лондон, июнь 1871 г. Лангам Отель. Господину Либкнехту. Дорогой друг!

Я теперь редко слышу о вас. Что вы поддельваете, как идут наши дела в Берлине? Готовы ли вы и наши к тому, чтобы во время торжеств¹ нанести удар монархии, с тем, чтобы мы могли провозгласить в Пруссии республику? Первое, что необходимо сделать, — это убрать с дороги старого негодяя Вильгельма. Пусть умрет величайший деспот Европы, залуживший это своими грехами. Пишите поскорее, я с нетерпением ожидаю от вас известий о том, как обстоят дела.

Фон-Гофман».

На обороте письма было написано: «Если Вильгельм застрелен, телеграфируйте».²

Очевидность этой грубой подделки сразу же бросалась в глаза.

Вот еще один пример: 14 июня редакция «Народного государства» сообщала: «Международные „охотники за коммунистами“ открыли, наконец, что немецкие члены Интернационала оказывали Парижской Коммуне значительную денежную помощь. Размер суммы еще не установлен, — иронически замечает редакция, — хотя, по словам версальцев, ими перлюстрировано такое количество писем членов Интернационала из Берлина, что для них не могло составить труда удовлетворить любознательность пронырливых репортеров и других продажных писак».³

«Народное государство» в 1871 г. завоевало популярность и уважение масс. Рабочие из своих скудных средств посылали своей газете по 5—10 талеров, желая оказать ей хоть чем-нибудь поддержку в награду за ее «храброе поведение».

Увеличение популярности газеты отразилось на быстром росте числа ее подписчиков: с 2790 в первом квартале 1871 г. оно

¹ Речь идет, по всей вероятности, о торжественном въезде в Берлин возвращавшихся из Франции немецких войск во главе с императором Вильгельмом.

² «Der Volksstaat», № 53, 1/VII 1871.

³ Ibidem, № 48, 14/VI 1871.

поднялось до 3212 во втором и до 4146 в третьем. Иначе говоря, с конца марта до 1 июля 1871 г. число подписчиков газеты увеличилось в полтора раза. Однако, одна эта цифра сама по себе не может нам дать правильного представления о росте аудитории газеты, потому что ее читали на собраниях, она выставлялась в рабочих столовых и т. д.

К концу 1871 г. вся пресса социал-демократической партии насчитывала до 20 000 подписчиков, число же подписчиков на печать Всеобщего рабочего союза достигало лишь 5000.

«Социал-демократ» прекратил свое существование 30 апреля, «Агитатор» — 24 июня 1871 г., успех же «Народного государства» превратился в расцвет социал-демократической печати: к концу 70-х годов она насчитывала около 50 ежедневных газет, а число ее подписчиков возросло до 150 000.

Если издававшийся Либкнехтом в 1869 г. «Демократический еженедельник» был типичным органом мелкобуржуазной демократии, если орган молодой социал-демократической партии «Народное государство» в 1870 г. допустил ряд крупных ошибок, то в 1871 г. линия газеты может быть охарактеризована как независимая, максимально оппозиционная в данных условиях, правильная в основных вопросах.

Решающую роль в этой эволюции сыграли Маркс и Энгельс. В 1869 г. они указывали Либкнехту, какой должна быть газета рабочей партии; в 1870 г., когда газета была создана, они критиковали каждый его промах, разъясняя в своих письмах наиболее сложные вопросы внутренней жизни Германии и международной обстановки, указывая, каким должно быть отношение к ним партии и ее центрального органа. В 1871 г., благодаря руководству Маркса и Энгельса, которые разгадали «тайну Коммуны» и обладали проверенной информацией о парижских событиях, центральный орган партии проводил по отношению к Коммуне правильную линию, разоблачал германскую интервенцию и выражал чувство солидарности с Коммуной, которое охватило, как мы видели, рабочих Германии.

О том, что в дни Коммуны редакция справилась со своими сложными и ответственными задачами, свидетельствует высокая оценка, полученная ею из Лондона. 22 июня 1871 г. Энгельс писал Либкнехту: линия газеты «... очень смела и пользуется нашим полным признанием».¹

Не менее лестную оценку получила газета и от своих врагов.

Когда в 1872 г. германское правительство предало Либкнехта, Бебеля и Гепнера суду по обвинению в государственной измене, то одним из центральных пунктов обвинительного заключения являлась их деятельность в качестве редакторов «Народного государства». Этот пункт был сформулирован следующим образом:

«Все поведение редактировавшейся Бебелем, Либкнехтом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 128.

и Гепнером газеты «Народное государство» не оставляет никаких сомнений в республикански-революционных тенденциях партии; газета проникнута духом революции; во имя революции она обрабатывает массы, готовя их к борьбе».¹

Трудно пожелать лучшего отзыва для газеты рабочей партии.

Прозвучавший со страниц газеты голос в защиту Коммуны, горячий, интернационалистский призыв к движению солидарности с ее борцами, ненависть и презрение к ее палачам — Тьеру и Бисмарку, — смелое разоблачение германской интервенции, преклонение перед героями-мучениками Коммуны позволяют причислить выступления газеты «Народное государство» в дни героической борьбы парижских рабочих к числу наиболее примечательных явлений в истории рабочей печати.

Когда в августе 1871 г. в Дрездене состоялся очередной съезд социал-демократической рабочей партии Германии, то, как и следовало ожидать, ее руководство намерено было поставить на обсуждение такой жизненно-важный вопрос, как отношение партии к Коммуне.

Однако, перед заседанием 13 числа полицейский комиссар сделал председательствовавшему в тот день Бебелю представление о необходимости воздержаться от каких бы то ни было высказываний о Парижской Коммуне, равно как и об отношении к ней социал-демократов.

Бebelь в своем выступлении отметил, что, поскольку большинству присутствующих известно отношение партии к Парижской Коммуне, то надо, отказавшись от обсуждения этого вопроса, заявить протест против подобного отношения к съезду.

«Печально, — сказал он, — что теперь, когда вышла наружу вся правда о Парижской Коммуне, когда документально доказано, что все говорившееся о ней на протяжении ряда месяцев — ложь и клевета (*бурные иллюзии*), нам запрещают назвать вещи своими именами и заклеить публично все эти лживые измышления».

Была единогласно принята следующая резолюция: «Конгресс заявляет о своей полной солидарности с позицией органа партии — «Народного государства» — в политических и социальных вопросах. Конгресс особенно одобряет поддерживаемую газетой духовную связь германской социал-демократии с Международным товариществом рабочих».²

¹ Leipziger Hochverrathprozess. Ausföhrlicher Bericht über die Verhandlungen des Schwurgerichts zu Leipzig in dem Prozess gegen Liebknrecht, Bebel und Hepner wegen Vorbereitung zum Hochverrath, vom 11—26 März 1872. В arbeitet von den Angeklagten, Leipzig, 1874, S. 77.

² Protokoll über den Zweiten Congress der sozial-demokratischen Arbeiterpartei, abgehaltenen zu Dresden am 12, 13, 14 und 15 August 1871, Leipzig, 1872, S. 132.

В отчете, помещенном в «Народном государстве», указано, что делегаты конгресса почтили вставанием память Коммуны.¹ Таково было поведение немецких рабочих в дни Парижской Коммуны.

V

Проникнутое духом пролетарского интернационализма и солидарности с борцами Коммуны поведение немецких рабочих увеличило симпатии и уважение к ним со стороны пролетариата и демократии всех стран.

Из далекой Америки члены социал-демократического фрейна в Нью-Йорке писали о той радости, «с которой они узнали, что в Берлине демократы опять проявляют активность и что, вопреки позорному господству военщины и национал-либеральному лизоблюдству, они защищают подвергающуюся гнусным нападкам героическую Парижскую Коммуну».²

Редакция «Народного государства» получила следующее письмо из Англии: «Немецкий рабочий класс завоевал большое уважение английской публики и в первую очередь английского пролетариата своей храбростью, принципиальной стойкостью и подлинно гуманным поведением, начиная с возникновения войны и особенно со дня основания Коммуны».

Другое письмо, также полученное из Англии, гласило: «Немецких рабочих у нас уважают больше, чем Бисмарка, Мольтке и всю их свиту».³

Посмотрим, какую оценку поведения немецких рабочих в дни Коммуны дали Маркс и Энгельс.

22 июня 1871 г. Энгельс писал Либкнехту: «Германские рабочие держались в этом последнем большом кризисе превосходно, лучше всех остальных».⁴

Маркс, выступая 22 сентября 1871 г. на Лондонской конференции Интернационала в качестве секретаря-корреспондента Генерального совета для Германии, обращаясь к делегатам, сказал:

«Во время последней войны, в связи с которой разгорелась борьба классов, поведение германских рабочих было выше всякой похвалы...»

Во время существования Коммуны германские рабочие на собраниях и в своих газетах непрерывно заявляли о своей солидарности с парижскими революционерами...

На ... собрании [в Бреславле] ... и в различных других городах Германии они приветствовали Парижскую Коммуну.¹ Наконец, во время триумфального вступления в Берлин императора Вильгельма и его армии рабочие² встретили победителей криками: «Да здравствует Коммуна!»...

[... Они доказали, что являются единственной партией в Германии, представляющей социалистические стремления].³

Возникновение в Париже рабочего правительства потребовало от руководителей немецких рабочих организаций, чтобы они ясно и недвусмысленно определили свои позиции. Мы видели, что масса рабочих не колебалась ни одной минуты. Руководители социал-демократической партии, прошедшие суровую школу во время только что окончившейся войны (школу суровых правительственных репрессий), смело выразили это настроение масс, заявив на страницах партийной печати и с трибуны рейхстага о том, что симпатии рабочих и демократов всей Европы на стороне героически борющегося рабочего Парижа.

Перед лицом этих фактов мы должны со всей решительностью отбросить лживые измышления контрреволюционных троцкистских фальсификаторов истории, утверждавших, что германская социал-демократия с самого момента своего возникновения была совершенно безвредной, реформистски настроенной партией, против которой не были нужны исключительные законы.

Нет, в 1871 г. германская социал-демократическая партия отнюдь не была «безвредной»: статьи Либкнехта в «Народном государстве», речи Бебеля в рейхстаге, быстро растущая популярность партии в массах и пропорционально этому увеличивающаяся ненависть к ней буржуазии свидетельствуют об этом с достаточной очевидностью.

Недаром Маркс и Энгельс писали в сентябре 1879 г. в своем знаменитом «циркулярном письме» А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и другим: «Исключительный закон именно *потому* наложил оковы на германскую партию, что она была единственной серьезной оппозиционной партией в стране».⁴

Однако, если нельзя не отдать должного поведению социал-демократической партии в дни Коммуны, то необходимо все же подчеркнуть, что главные уроки Коммуны руководителями этой партии — Либкнехтом и Бебелем — не были восприняты.

Только Маркс, который, по словам Ленина, «... так глубоко, метко, блестяще и *действенно*, революционно...»⁵ оценил Коммуну, в Манифесте Генерального совета Интернационала «Гражд-

¹ «Der Volksstaat», № 67, 19/VIII 1871.

² Письмо Гейдо Вейссу по поводу прочитанной на собрании фрейна статьи его «Права Коммуны», изложение которой появилось на страницах «Народного государства» («Der Volksstaat», № 66, 5/VIII 1871).

³ «Der Volksstaat», № 73, 9/X 1871.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 128.

¹ В черновике Роша: «они торжественно присоединились к Коммуне».

² Пользуемся вариантом черновика Мартена. В основном тексте «народ встретил». — В. А.

³ Лондонская конференция Первого Интернационала 17—23 сентября 1871 г., 1936, стр. 103—104. Скобки подлинника. — В. А.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVII, стр. 54.

⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. XVIII, стр. 7.

данская война во Франции» сделал вывод из опыта ее борьбы, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее вход для своих собственных целей»,¹ а должен сломать ее и создать свое, новое, государство.

Только Маркс уже в 70-х годах указывал, что «не парламентская республика, а политическая организация типа Парижской коммуны является наиболее целесообразной формой диктатуры пролетариата».²

Даже после выхода в свет Манифеста Маркса «Гражданская война во Франции» Либкнехту и Бебелю не стало ясно, что опыт Коммуны совершенно по-новому ставит основной вопрос — о государстве.

Позже, с усилением оппортунистических элементов в руководстве германской социал-демократической партии, указания Маркса и Энгельса, сделанные на основе опыта Коммуны, были подвергнуты прямому искажению.

Ленин, развивая учение о диктатуре пролетариата, очистил от оппортунистических искажений тезис Маркса о сломе государственной машины, показав, что это положение представляет собой «... кратко выраженный главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству».³

Ленин «...открыл Советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, используя для этого опыт Парижской Коммуны и русской революции».⁴

«Республика советов, — указывает товарищ Сталин, — является, таким образом, той искомой и найденной, наконец, политической формой, в рамках которой должно быть совершенно экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма».

Парижская коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением».⁵

Говоря об отношении немецких социал-демократов к Коммуне и о влиянии, которое она оказала на развитие социалистического движения в Германии, необходимо отметить, что Коммуна, покончившая с прудонизмом во Франции, нанесла сильный удар лассальянству, но не добила его. Правда, вожди правого крыла лассальянцев были либо совершенно выброшены за борт, как Швейцер, либо отодвинуты на задний план. Это произошло перед лицом единодушной солидарности немецких рабочих, включая членов Всеобщего рабочего союза, с парижскими коммунарами.

¹ К. Маркс, Гражданская война во Франции (1871 г.), 1938, стр. 50.

² История ВКП(б), Краткий курс, 1938, стр. 340.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 395.

⁴ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, 1935, стр. 170.

⁵ Там же, стр. 33.

Но если изоляция сектантских вождей и отразилась на положении лассальянской организации, то лассальянство, как мелкобуржуазный уклон в рабочем движении того периода, было еще очень и очень живуче. Особенно наглядно показал это 1875 год, когда произошло объединение социал-демократической партии и Всеобщего рабочего союза; платформа этого объединения — так называемая Готская программа — была проникнута лассальянским духом, за что и подверглась резкой критике Маркса и Энгельса.

В дальнейшем, в результате неустанной борьбы Маркса и Энгельса с оппортунистами, германская социал-демократия преодолевает лассальянские пережитки и на некоторое время оказывается во главе международного рабочего движения.

Но «...после смерти Энгельса западно-европейские социал-демократические партии стали перерождаться из партий социальной революции в партии „социальных реформ“...»¹

Таков был удел и германской социал-демократии. Вождя этой партии вместе с вождями всего II Интернационала все больше и больше скатывались к оппортунизму и во время империалистической войны 1914—1918 гг. окончательно предали дело рабочего класса. «Вожди социалистических партий, изменив пролетариату, перешли на позицию социал-шовонизма и защиты империалистической буржуазии».²

Еще до этого, к началу XX века, роль передового отряда в международном рабочем движении перешла к русскому пролетариату, руководимому единственной подлинно-революционной партией — партией большевиков.

В 1918—1923 гг. оппортунистическая верхушка германской социал-демократии спасла германский капитализм от революционного натиска пролетариата. Это произошло потому, что к этому времени во главе партии «...оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной, продавшейся капиталистам сволочи, от Шейдемана и Носке до Давида и Легина, самых отвратительных палачей из рабочих на службе у монархии и контр-революционной буржуазии».³

Идя по тому же пути, лидеры германской социал-демократии оказали в наши дни германской буржуазии еще более крупную услугу, расчистив своей соглашательской контрреволюционной политикой дорогу фашизму.

* * *

Нас отделяет от 18 марта 1871 г. более чем полвека. За эти годы, развиваясь и идя вперед, осуществляя свою великую историческую миссию, пролетариат достиг колоссальных побед. Вот уже более 20 лет непоколебимо стоит твердыня проле-

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 135.

² Там же, стр. 158.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. XXIV, стр. 249.

тарской диктатуры, страна победившего социализма — Союз Советских Социалистических Республик. Народы Советского Союза, сбросившие с себя в 1917 г. цепи капитализма, стали передовой ударной бригадой международного рабочего класса.

Всех этих успехов пролетариат достиг под руководством продолжателей дела наших великих учителей Маркса и Энгельса — создателей и руководителей партии нового типа, партии большевиков, создателей и руководителей Коммунистического Интернационала, — под руководством Ленина и Сталина.

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. ушла все ошибки первого опыта диктатуры пролетариата — Парижской Коммуны 1871 г. Социализм в нашей стране победил окончательно и бесповоротно. Социалистическое общество построено.

Сейчас, когда вторая империалистическая война фактически уже началась, укрепление международной сплоченности всех прогрессивных сил человечества, противостоящих средневековому варварству фашизма, является одной из важнейших, священнейших обязанностей пролетариата и демократии всех стран.

«Нужно усилить и укрепить интернациональные пролетарские связи рабочего класса СССР с рабочим классом буржуазных стран; нужно организовать политическую помощь рабочего класса буржуазных стран рабочему классу нашей страны на случай военного нападения на нашу страну, равно как организовать всяческую помощь рабочего класса нашей страны рабочему классу буржуазных стран...»¹ Так говорит вождь трудящихся всего мира — товарищ Сталин.

Когда 31 октября 1932 г. коммунистическая партия Франции организовала в Париже грандиозный митинг, посвященный 15-летию Октябрьской революции, то выступивший на нем, ныне томящийся в фашистской тюрьме, вождь героической коммунистической партии Германии Эрнст Тельман в своей речи сказал:

«Память о героических днях Парижской Коммуны должна послужить к укреплению в сердце каждого пролетария духа классовой солидарности и борьбы против классового врага в своей собственной стране. 61 год назад, когда героические коммунары дрались на улицах Парижа против версальской контрреволюции, французская буржуазия заключила союз с Бисмарком и прусскими оккупационными войсками для того, чтобы получить возможность как можно легче потопить в крови революционное движение Парижа...»

Карл Маркс с энтузиазмом охарактеризовал тогда Парижскую Коммуну как первый исторический пример диктатуры пролетариата. Точно так же и другие бойцы-революционеры, стоявшие в авангарде германского рабочего класса, как-то: Бебель

и Вильгельм Либкнехт, так же смело и мужественно подняли знамя пролетарской солидарности с делом Парижской Коммуны».¹

Если оппортунистические элементы руководства социал-демократической партии уже в 1879 г. объявили солидарность с Коммуной «грехом молодости», то для рабочих Германии это была их первая любовь. И эту любовь они перенесли на Советский Союз.

Народы Советского Союза, победоносно завершающие на одной шестой земного шара дело Парижской Коммуны, спокойно и уверенно смотрят в будущее. Они знают, что никто в мире не сможет посягнуть на плоды их мирного труда, не получив в ответ сокрушительного удара.

Поджигатели же новой войны — германские и иные фашисты пусть знают, что в грядущих великих классовых боях рабочий класс Германии впишет новую славную страницу в летописи пролетарского интернационализма и докажет, насколько прав был Ленин, когда в 1917 г. писал:

*«Немецкий пролетариат есть вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции».*²

¹ «Правда», № 306, 3 XI 1932.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. XX, стр. 70.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
12	3 сверху	представителями	представителям
135	2	буржуазной демократической	буржуазно-демократической
154	20	организации	организаций
178	4 снизу	Парижская Коммуна*, 1871,	Парижская Коммуна 1871 г.*
194	3 сверху	вход	в ход
195	22	социал-шовонизма	социал-шовинизма

¹ И. В. Сталин, Ответ тов. Иванову И. Ф., «Правда», 14/II 1938.